

Янук Елена

Я отыщу тебя
в будущем

Космическая станция, он граф 19 века, она историк из 23.

«На свете нет ничего лучше путешествий» Жюль Верн

Часть первая

Просто без тебя мне нечем дышать!

Глава первая

Буйная удаля не знает преград,

Смерть иль победа — ни шагу назад!

Н. А. Некрасов

Джил

Я влипла...

Словно загнанного зверя, медленно и продуманно они окружали меня... Одарив отморожков фирменной супер версией улыбки «да пошли вы...», с грустью вспомнила XIX век с его ошибочным мнением по поводу женской силы. Да, сейчас я во всеоружии, но как бы хотелось, чтобы кто-то защитил, заступился, укрыл от проблем!

Разочарованно выдохнула и по правилам ведения боя специалистов усиленной подготовки, с тоской в голосе, отчетливо принялась озвучивать обязательный текст предупреждения:

— Предупреждаю...

Двое парней в прозрачных костюмах, присвистнув, одновременно сказали:

— Это астерейка, с ними не связываемся! Порешит всех, и вздохнуть не успеешь...

Потешаясь про себя столь преувеличенной вере в возможности астерейнок, я продолжила четко произносить предупреждение. Двое подонков, шедших впереди, презрительно усмехаясь, угрожая, наставили танотрубки на меня.

Что ж... у меня имеется не хуже...

Я демонстративно схватилась за рукав с оружием. Это немного охладило пыл нападающих. Надеюсь, так легкомысленно свои пушки они уже в дело не пустят.

Мне было так плохо, что хотелось плакать. Так что, я была даже рада подраться, заодно избавить население этого района от кучки мелких негодяев и бездельников, с явными проявлениями атавизма, в виде наследственности кочевых племен, а как еще назвать подобное желание: бродить по улицам и ничего полезного не делать, пока родители сутками надрываются на обслуживании гражданского космопорта.

С момента их нападения до прибытия робополицейских, контролирующих районы с помощью космического слежения, проходит ровно четыре минуты, неужели эти недоумки думают, что смогут сбежать?

Стазисное поле отключилось, но я еще не закончила читать предупреждение. Они угрожающе надвинулись, окружая плотную — точно придется драться.

Шут побери, подобные районы! А все этот Джо! Начальник, цапни его за ногу:

— Ну, Джил... — упрасивал он, смотря на меня преданными глазами. — Хоть посмотришь мой новый Рулик, ты такого не видела! — Следом шли сладкие обещания о новом задании. Все это он проделывал, таща меня на прогулку по Земле в выходной день.

Да «Рулик» Джо произвел на меня впечатление. Сияющий новенький «меркаблик-кабриолет». Снаружи — серебристый полупрозрачный космический челнок из тано пластика, внутри — украшенный настоящим деревом салон, плюс — новейшая бортовая система навигации и сверхскорость почти на взлете. Чистая сказка!

— Потрясающе! Очень впечатляет, — честно оценила я скоростной катер, солидно кивая головой. — Наверно, фантастически интересно лететь в космосе в меркаблике с прозрачными стенами.

— Сам выбирал! — Он шутливо погладил себя по голове и честно прибавил:

— Нет, просто лететь не очень интересно, одиночество быстро надоедает. Тут главное веселая компания, с которой в нем летишь! Чтобы все охали, хвалили машинку и кидали на тебя восхищенные взгляды. Так что, очень рад, что тебе понравилось, — он вновь с довольным видом демонстративно задрал нос.

Паяц. Я снисходительно усмехнулась, Джо есть Джо.

— Так с чего это ты польщен? Я же только кораблик похвалила? — рассмеялась я, с досадой понимая, к чему он клонит, приглашая прогуляться.

— Меркабль, это продолжение мужчины! — гордо-шутливо заявил Джо, комично выпятив накачанную грудь и поиграв загорелыми мышцами под прозрачной тканью стильного костюма из самой модной коллекции, рекламируемой по всем земным каналам. Судя по всему, прозрачный меркаблик он покупал под тем же лозунгом: «нет предела модному совершенству».

Ладно, костюм греет и защищает, меркаблик летает, что еще надо?

— Ясно! Теперь я всегда буду осторожна с похвалами новеньким меркабликам! — Я прижала ладонь к губам, пряча неловкую улыбку. На него без смеха смотреть было невозможно.

— Ну вот, как всегда! Только я обрадовался, — развлекаясь, произнес светловолосый «Аполлон», голосом директора Джо, самоуверенно приближаясь вплотную...

Глаза начальника насмешливо блестели, когда он с ухмылкой шагнул ко мне, явно собираясь поцеловать. В ответ я слегка краем рта улыбнулась, насторожено отступая к меркаблику. Кокетничать с объектом вожделения подружки совершенно не входило в мои планы, а он, видимо, решил взять меня измором.

Если серьезно, я согласилась лететь с ним на Землю только потому, что хотела подружески расспросить о новом задании, заодно уговорить его ускорить мою отправку. Сил нет жить в ожидании! Воспоминания о муже рвут душу в кровь! Хочется с головой уйти в работу и хоть на мгновение позабыть об Артуре.

Но Джо мое согласие на поездку понял превратно, самоуверенно решив, что все произошло так, как он хотел.

Настигнув меня у прозрачного люка меркаблика, он тут же склонил голову, собираясь поцеловать. Не задумываясь, я ногой зацепила его под колено и резко дернула. Джо не ожидал удара и уж никак не собирался так нелепо грохнуться об землю, прямо на мягкое место. Откуда теперь изумленно взирал на меня, так и не успев коснуться моих губ.

Надеюсь, костюм смягчил удар при падении. Я сурово покачала головой и быстро

ушла...

Не зная дороги, мимо высоких современных серебристых домов я брела куда-то в сторону допотопных мрачных построек из молекулярно измененного стекла. И оказалась посередине бедного квартала населенного техническим персоналом на окраине Центрупто, земного города-космопорта.

Что теперь будет с едва наметившимся итальянским проектом? Устало покачала головой. Наверяд ли Джо подобное «падение» пришлось по вкусу. И уж точно, он не ожидал отказа в столь грубой форме!

Эх... Но такова реальность. Хоть за голову хватайся, а тут эти недоумки с оружием!.. Хотя драка пришлась кстати, что не сделаешь для «успокоения расшатанных нервов» несчастной «леди Инсбрук»!

Я хищно улыбнулась, не скрывая кровавого вожеления во взгляде, мне хотелось их покалечить! Хорошо, что глупцы убрали оружие, хоть на это ума хватило.

К моменту появления полицейских: двое сбежали, еще двоих я уложила, а последний, самый щуплый на вид, успел надавать мне тумачков, перед тем как я его отключила. Ладно, буду считать нашу стычку за спарринг вне зала.

Я попросила появившихся полицейских отправить меня на станцию, но с кем-то созвонившись, высокий капитан со значком службы безопасности космодрома категорически отказал, сославшись на то, что они переправляют на станции только несовершеннолетних.

Потирая разбитую скулу, я недовольным взглядом проводила шагнувших в портал полицейских в зеленой форме земной охраны, — у служб космической безопасности форма темно-серая — и взялась за браслет сенсо. Выхода не было, пришлось связаться с Майкой, — у нее сегодня дела в административном департаменте Земли, — и попросить захватить меня на станцию.

Майя, выслушав меня, легко согласилась, пообещав подобрать меня возле космопорта, когда она будет возвращаться на станцию.

Разговаривая с подругой, я подошла к входу в сектор научного космопорта, который из-за стоявших перед ним торговых космических кораблей было сложно заметить, в виду его небольших размеров.

Майки еще не было. Я села на травку в небольшом скверике возле магнитной ограды, между секторами, и задумалась, смотря на то, как садилось Солнце. Здесь, в Южной Греции, оно выглядело по-другому, совсем иначе, чем в Англии XIX века. Тут оно медленно и тяжело катилось вниз, как вся моя жизнь...

Сбежать что ли обратно в прошлое, встречать с Артуром рассветы?

Артур

Я медленно шагал по длинному туннелю, неприятно пружинящему под ногами. По стенам вдоль странного ребристого потолка бежали яркие разноцветные огни, ритмично сопровождающие проходящую мимо разномастную публику. Публику в странных, неоправданно пестрых, и предельно откровенных одеждах, которые сновали вокруг меня, и не помышляя о ходьбе с достоинством.

Кроме этого они настолько быстро разговаривали между собой, что улавливая

отдельные знакомые слова, тщетно пытался собрать их в осмысленное предложение!

Двигался я долго, ощущая себя потерянным путником, бредущим в страшном путанном сне, изредка оглядывая куда-то бегущих оригиналов, просто преисполненных неестественным равнодушием к окружающему пространству.

Все же, что это такое? Куда я попал?

Первая мысль, мелькнувшая в момент появления в этом странном месте с тяжелым воздухом и странными прохожими, была о преисподней, но она как-то быстро разбилась о суету происходящего. Слишком уж мелко это выглядело для ада. Скорее поведение окружающих меня людей больше соответствовало кружению клерков с документами по коридорам Рипли-билдинг*.

*Военно-морское министерство или адмиралтейство в районе Уайт-холла.

Но может, я только что попал в Приемную преисподней?

Выделяясь из общего потока торопливо проносившихся мимо людей, всех возрастов и оттенков кожи, беседующих между собой на незнакомых мне языках, я упрямо брел по коридору, осознавая, что отличаюсь от остальных не нарядом, а любопытством и неспешностью прогулки среди царящей деловой суеты.

Невысокий щуплый мужчина, одетый, как все тут, до непристойности откровенно, в плотное темно-серое трико с подчеркнутыми более темным оттенком ткани плечами и поясом, появился прямо из-за отъехавшей в сторону стены. Примерно как я полчаса назад вывалился сюда из уже знакомой голубой комнаты. Облик аборигена показался чем-то мне знаком. Я остановился пристально вглядываясь...

И глазам своим не поверил — Кларк! Кларк Компайн! Да это точно он, я еле узнал его в столь странной одежде.

Дьявольские игры!

Возможно, это совершенно беспочвенно, но я сильно разозлился на то, что он, в отличие от меня, имел что-то общее с Джил! Но все же решился его окликнуть, желая кинуться ему навстречу. Но Компайн дерзко подмигнул мне и прошел мимо, сделав вид, будто мы абсолютно незнакомы.

Я остановился. Думая, куда же мне идти... И что за страшное место вокруг? Как здесь оказался «сосед» Джил... Это был сговор? Кто они на самом деле?!

В отчаянии, разрываемый мучительными вопросами без ответов, я повернул обратно, блуждая по коридорам в поисках двери, из которой здесь появился. Но эта прогулка ничего не дала. Через какое-то время я понял, что на фоне зеленоватых стен не могу различить дверь именно «той» комнаты.

Тут чьи-то руки с силой втянули меня в ближайший поворот.

— Артур, ты-то как здесь оказался? — весело спросил Кларк, нехотя выпуская меня из железного захвата.

— А... Кларк, ты... — я, расслабившись, выдохнул. — Ищу леди Инсбрук... А попал непонятно куда. Ты сможешь мне найти ее? Леди Джулианы нигде нет...

— Еще бы! Она отправилась на Землю с Джо... но ничего, уже скоро прибудет! Пойдем к ней, там и выясним, когда она придет и как ты сюда попал, — вздохнул он, таща меня за собой, пока я размышлял о только что услышанном...

На Землю? Как это? Где тогда мы?! А Джо... это вообще кто?! Слуга? Поклонник?

Муж?!

Кларк уверенно провел меня по длинному коридору, и к моменту, когда он затащил меня в голубую комнату, в моей голове стоял просто туман, словно эхо от его слов.

Так... Значит, это комнаты моей жены... Если так, то почему Кларк так легко попал сюда?!

Я безумно жаждал, наконец увидеть Джил, но мне очень не нравилось, что странный Кларк оказался здесь, в том же неестественном месте, что и она...

Внезапно в комнате на стене, в плоской прозрачной доске тревожно запульсировал крошечный оранжевый фонарик. Такой же дивный огонек замигал на руке у Кларка.

Заметив его, тот раздраженно выдохнул и с досадой нажал на браслет, что-то в нем высматривая. Заметив мой заинтересованный взгляд, пояснил:

— Вновь куда-то вляпалась! Эти мне боевые девчонки с Астеры... хорошо, сейчас...

Он немного отошел к противоположной стене от кожаного дивана, на котором сидел я. Это выглядело словно Кларк вел беседу с невидимкой.

Интересно, что это он делает?

Мысли о сумасшествии посетили мой ум, но внимательный взгляд Кларка тотчас развеял все сомненья.

Глядя суровым взглядом на стеклянный «пюпитр», — я судил по тону беседы и выражению его лица, — Кларк только что отдал кому-то строгий приказ на неизвестном языке. Хотя... если внимательно вслушиваться, то можно было даже что-то понять из сказанного на непонятном, гортанном английском:

— Помощь не оказывать! Пусть сама ищет, на чем домой возвращаться. Да... угу, да уж, молодец... Они оттуда все такие. Даже не сомневался, что здорово покалечила. Угу, угу... До связи.

Кларк закончив, повернулся ко мне и весело сказал на «моем» английском:

— Все сложилось как нельзя удачней! Последний штрих и мы пойдем...

— Куда пойдем, и что все это значит?! — сухо уточнил я, удостоив Кларка мрачным взглядом. О ком он только что вел беседу? «Она» и «здорово покалечила»... Не о Джил ли?

— Пойдем?! А-а... к Джил конечно! А что «все это значит», посмотри сюда, — он протянул мне какую-то стеклянную полоску на «пюпитре» с крупными синими цифрами, некоторые из которых с секундной точностью четко менялись, и тут же сам пояснил:

— Это календарь и часы.

Я взглянул на дату... не ожидая подобного — и мгновенно запутался, не в состоянии ничего понять, цифры от шока сливались перед глазами...

— Да, сейчас 2326 год от Рождества Христова... — заметив мое замешательство, вежливо уточнил Кларк. — Теперь тебе понятно, где ты и кто Джил?

Опустив голову, я молчал, пытаюсь осмыслить и принять эту новость, не считая нужным отвечать гипотетический вопрос «понятно ли мне». Что может быть «понятно» в подобной ситуации?!

Будущее... Далекое...

Проклятие! Моя жена из будущего! Вот откуда все ее странности... Но что она делала у нас? Тут же взглянув на равнодушно наблюдающего за мною Кларка, поправился — они делали? От этой мысли меня вновь покорило.

— Кларк, ты и Джулиана люди из будущего... мне это понятно. А что вам понадобилось у нас?

— Дела. Джулиана — историк, XIX век — ее период; а я по своим делам был у вас... — последнее «у вас» он выделил насмешливым тоном.

Вроде ответил, но своим ответом ничего не разъяснил.

Кларк сел в кресло напротив меня и спросил:

— Так, а как ты здесь оказался? Джулиана помогла? Хотя нет... судя по тому, как нелепо ты ее разыскивал, она вообще ничего не знает.

Я угрюмо кивнул:

— Да, она не знает...

Я решил поиграть в его игры, толком не отвечая. Что-то в обстановке нашего разговора мне вживую напомнило допросы пленных французов нашими разведчиками в разоренных войной бельгийских деревнях.

— Тогда, как ты здесь очутился? Она забыла переходники?.. — я молчал, не реагируя на его вопросы.

— В любом случае я это выясню... — равнодушный тон Кларка демонстрировал маловажность моих ответов, но я уже ничему не верил, потому ответил вопросом на вопрос:

— Переходники? А что это такое? — спокойный тон с легким любопытством, хотя я уже понял, что это именно те четыре жемчужины, что сейчас находились в моем поясе.

Впрочем, как видно, были они и у Кларка. Он тут же вынул из незаметного кармана на бедре один переходник. Что ж, моя догадка оказалась верной.

— Черный жемчуг? — «удивился» я и с высокомерным недовольством добавил. — Конечно, я такое видел!

— А вот это уже грубо, — убирая «жемчужину» в карман на бедре, сухо отметил Кларк, разгадав мою игру. Он сосредоточил на мне свой взгляд, словно чего-то выжидая... Минуту длилось безмолвное противостояние глаз, наконец Кларк произнес:

— Ладно, уже неважно. Сам узнаю. Пошли... — Компайн легко поднялся и подошел к стене, где из ничего появлялась дверь.

Нечего делать, я встал с дивана и пошел вон из комнаты, через внезапно открывшееся отверстие. Чувствуя, что все прошло скверно, хотя в чем конкретно сказать не мог, я ощущал смутную опасность, исходящую от Компайна.

Тут мне припомнился Эдмонд Клей с его подлейшим вероломством...

Вполне допустимо, что Кларк враг Джулианы. Слишком хорошо врезалось в память, как ловко он разделался с разбойниками. Только сейчас до меня дошло что из-за сумасшедшей обстановки той ночи я не узнал, где он научился так сражаться!

Глава вторая

*Мужчина, когда притворяется, что влюблён, старается быть весёлым, галантным, оказывать всяческое внимание. Но если он влюблён по-настоящему, он похож на овцу. (с)
Агата Кристи*

Джил

Майка очень торопилась. Подхватив меня почти в полете — пришлось запрыгнуть без лестницы в приоткрытый люк — она рванула сквозь облака к станции. Я чуть не покатилась вдоль стены, схватившись коготками за пластиковую обивку стены.

— Джи, прости, аврал... с безопасностью на последнем задании связалась, затаскали просто! — устало пожаловалась девушка, не отрывая глаза от монитора, а пальцы — от точек управления станционным катером.

— Да, понимаю... — сочувствуя, ответила я придавленная ускорением, подползая к пульту и плюхаясь в кресло рядом. — А ты не знаешь Кларк Компайн у них кто?

Майка вопросу не удивилась, но ее явно поразила моя наивность:

— Да кто тебе это скажет? Ты что! Но он у них не последний, сама видела, как полицейские зайцами скакали по движению его пальца... — Она тяжело покачала головой, впрочем, не отрываясь от управления катером.

Я на самом деле была удивлена.

— Полицейские? Вот это да! Я знала, что он офицер безопасности, но не думала что столь высокого уровня.

— А чего это он тебя так взволновал? — подколола подруга, встряхнув рыжими локонами. Майка меняла прическу раз в месяц, так что я даже не пыталась запомнить, как она на данный момент выглядит. — Запала что ли? Так Компайн вроде ростом не вышел...

Я нахмурилась, да что всем этот нестандартный рост дался? Но, чтобы Майка перестала столь ехидно улыбаться, тут же разъяснила:

— Вместе на операцию в XIX век отбывали, а сейчас полицейские звонили кому-то, мне почему-то показалось, что Компайну. Может тому самому!

Она раздраженно отмахнулась:

— Да, все возможно. Не знаю... Они постоянно посылают своих в прошлое, чтобы прикрыть некоторые точки добычи полезных ископаемых от разграбления. Слушай, а полицейские-то откуда взялись? — Майка наконец меня рассмотрела и, только что заметив мои «боевые царапины», шокировано охнула:

— Ты что, подралась?

— А, это мелочи, — раздраженно отмахнулась я. — Я попросила полицейских отправить меня на станцию, сама знаешь, как тяжело найти подходящий катер к нам на станцию... А они отказались.

Меня из слов подруги кое-что заинтересовало, я слышала уже о нелегальной «защите полезных ископаемых», но сказано это было как-то не очень внятно, поэтому получив возможность уточнить, принялась расспрашивать Майю:

— Так, а отсюда подробней о прикрытии точек добычи... это что, незаконно?

Майка скривилась:

— Я тоже ничего не знаю! Так... слухи ходят, и все. Сама понимаешь, никто не станет в такое чужих посвящать... В общем, в прошлое посылают офицеров, чтобы они, если это конечно возможно, прикрыли добычу ресурсов: золота, платины, нефти. Они «теряют» или путают данные геологов или владельцев месторождений... В общем, действуют по обстановке.

Я кивнула, вряд ли она сможет еще что-то добавить.

— Понятно, хотя и мало что... Сохраняют ресурсы для будущего... — скорее всего, это на самом деле все куда хуже, чем может показаться на первый взгляд.

Майя согласилась:

— Ну да, сама понимаешь, но все происходит только в тех местах, где можно прикрыть тихо...

— А как же исторические процессы?! Так же можно искривить историю.

— Ну, «там» это все рассчитывается до мелочей... чтобы не переступить точку изменения. Думаешь, почему к ним подселили историков? Станция-то боевая! Оборонная... Ну, сама раскинь мозгами.

Вот это да! Я в таком контексте никогда об этом не думала...

На мониторе вспыхнул и замигал предупредительный оранжевый значок. Значит, влетаем в зону действия станции.

Мы молчали. Майке надо было выровнять катер, чтобы нормально сесть в километровый приемный сектор. Я выглянула в иллюминатор. Вокруг все было залито лучами единственного светила солнечной системы.

Я оторвалась от Солнца и оглядела «Цезарь 2000». Мне очень понравился момент подлета к станции. Забыв обо всем, устремила взглядом в иллюминатор. По всему периметру второго яруса идущего посередине гигантского корпуса станция щетинилась нейронными турелями, в миг уничтожающими экипажи кораблей противника еще на подлете, и установками боевой лучевой ограды для сжигания опасных метеороидов или вражеских машин.

Первоначально на наше приближение среагировали большие пушки, за ними к катеру устремились мощные лучи прожекторов, вскрывшие темноту и бегло просканировавшие корабль. Так как судно стационарное — его требовалось только опознать, глубокая проверка, как с чужими судами, не проводилась. Створки приемного шлюза гостеприимно распахнулись.

Майя потеряла руки:

— Та-а-к, входим в зону зенитного заграждения, кажется, я еще все успеваю на встречу!

Я кивнула и улыбнулась, радуясь за подругу.

Майя, сосредоточенно выполняя опасную посадку, сказала:

— Джил, до четвертого уровня сама добежишь? Все-таки я не успеваю. Сяду сразу на второй...

Я улыбнулась:

— Хорошо, я почти нигде здесь не была, заодно присмотрюсь.

Майка равнодушно отмахнулась:

— Да там не на что смотреть!

В ответ я пожала плечами. Она, конечно, здесь знала все — на станции уже четвертый год, а мне все в новинку.

— Ну что тут есть?.. Ничего и никого. Квартиры жилого сектора второго уровня почти не заняты, одна «Безопасность» в двух десятках кабинетов, рубка управления на случай войны, и все, — продолжала подруга, не отрывая глаз от монитора.

— А где живут офицеры безопасности? — Странно как-то, целый уровень станции почти пустует.

Майка фыркнула:

— Да там и живут! Их же тут немного. Кстати, о Компайне, имей в виду он с «Сириуса», так что еще тот отморозок! Лучше не связывайся. У них там специально душевное тепло истребляют так, что на его человечность не рассчитывай, ее нет!

Я кивнула... Да, «Сириус» такая же станция для сирот как моя родная «Астера», но только для мальчиков. Там вместо научных работников готовят отменных бойцов. Машины для убийства...

Почти все выпускники после окончания идут служить военными или в сотрудники

безопасности. Редко кто работает на науку. Выпускники с ужасной суицидальной статистикой, так как обратная сторона медали — отсутствие в душе человечности, нарушает основы психики.

Майка перед выходом из катера еще раз напомнила:

— Да, о том, что я рассказала — никому ни слова, а то меня замучают допросами...

— Само собой! — сурово пообещала я, показывая жестом, что держу рот на замке.

Майя улыбнулась, конечно, кому охота с безопасниками связываться...

Наконец, ловко миновав гигантские ворота, мы сели на втором уровне станции.

Ловко распахнув люк, Майка махнула мне рукой в электронной перчатке для вождения космических судов, и тут же унеслась налево по коридору. Помедлив с минуту, я деловито осмотрела стационарный катер. Надо его как следует освоить, если я путешествовала, то только на автоматике.

Выбравшись на борт «Цезаря», оставила люк открытым, а сама пошла, оглядываясь, по полупустым коридорам второго уровня.

Разбитая после драки скула противно ныла. В голове было пусто. Полет помог отвлечься, но вместе со мной на станцию вернулись и мои проблемы...

Интересно, что теперь скажет Джо?

Наверно не видать мне нового итальянского задания как своих ушей! Прощай Италия, прощай мечта! Еще раз грустно осмотрелась. В коридорах было безлюдно, а я, судя по всему, просто заблудилась...

Странно, вроде станция одна и та же, уровни однотипные, а здесь все по-другому и даже спросить, где лифт или лестница, не у кого.

Ладно, коридор когда-то обязательно приведет меня к лифту или переходу, так что буду идти и идти вперед, пока не наткнусь...

Брела я недолго, впереди показалось двое мужчин, один из них был в сюртуке визитке начала XIX века, но язык сам добавил: «Как у Артура!».

Я резко остановилась, вглядываясь...

Дожилась, дострадалась! Теперь буду видеть Артура в каждом историке, одетом в сюртук визитку!

— Это не может быть правдой, — прошептала я, все-таки обнаружив своего мужа шагающего в сопровождении Кларка. — Откуда ты здесь?!

Преодолев первый порыв с криком кинуться в объятья безмерно дорогому человеку, я незаметно пошла за ними следом.

Куда Кларк ведет Артура? Хотя я уже знала... По закону все случайно попавшие из прошлого, а таких случаев уже три, должны быть лишены воспоминаний и отправлены назад.

Он забудет все! Все!

Я отчаянно желала добраться до мужа, и спасти!

О том, чтобы отбить силой и речи быть не могло, раз Кларк с «Сириуса», он из тех специалистов, которые в драке мгновенно считают возможное решение противника, увиливая от него или нанося свой удар в лучший момент. Мне до такого учиться и учиться...

Нет, абсолютно глупая мысль, но что-то надо же делать!

Пока я перебирала варианты, Кларк и Артур, двигаясь по коридору, достигли сектора кабинетов безопасности.

Вокруг туда-сюда носились люди, многие из которых были в серой форме как у

Компайна. Тут Кларка окликнул кто-то из сослуживцев. Они остановились на повороте, почти сразу за углом...

Сейчас или никогда!

Я подступила и, нежно закрыв ладонью мужу рот, тихо уволокла не сопротивляющегося Артура за угол. Там не давая вдохнуть, махнула головой «ни звука!» и потащила за собой в жилой сектор второго уровня, из которого только что сюда явилась.

Доли секунды и Кларк кинется за нами!

Благодаря пласциновым полам мы бежали бесшумно. Достигнув первых пустующих квартир, я втащила Артура внутрь одной из них в середине коридора. Отпустив руку, тут же голосовым управлением отключила искусственный интеллект квартиры, приказав наглухо закрыть все двери.

Развернувшись к мужу, обнимая, прижалась к нему со словами:

— Артур! Артур! — больше ничего сказать не удавалось, сбившееся дыхание забило все попытки голосовых связок издать звук.

Но Артур молчал. Он был безумно оскорблен, выглядел холодной льда и зарыт в себе глубже, чем в могиле...

Не время обижаться! Они ведь при корректировке памяти и его личность зацепят! Ну, не умеют у нас отделять одно от другого. Наука пока не дошла до такого уровня!

Я схватила его за руку и в сердцах дернула:

— Лорд Инсбрук! У нас мало времени, сейчас Кларк кинется вдогонку и блокирует все временные переходы! Скорее активируй переходники и уходи! А вернувшись в Гемпшир, уезжай, меняй фамилию и до смерти молчи обо всем, что здесь видел!

Артур, невозмутимо выслушав мою горячую просьбу, холодно отозвался:

— Леди Инсбрук, я никуда не поеду, пока не узнаю, что будет с моей женой!

Я, с раздражением шумно выдохнула и покачала головой, кто бы сомневался в этом упрямце!

— Со мной все будет хорошо! — максимум, сменю работу и все. — А вот тебе сотрут всю память за эти полгода! И меня ты точно не вспомнишь, как и многое другое! Все вокруг будут помнить, а ты нет! Тебе будет очень плохо...

— А ты? — вновь упрямый тон.

— И я буду помнить... — тяжело вздохнула я. Он поймал мою руку и что-то надел на безымянный палец.

Мельком взглянула — мое обручальное кольцо с огромным изумрудом.

— Почему не носишь? — Очень «правильный» вопрос для того, что вот-вот случится... Но я вновь шагнула и крепко обняла его, прижав к сердцу. Понимаю, у него это просто шок. Слишком много всего навалилось... так и с ума сойти недолго.

— Я... Мне не нужны кольца... Мне нужен только ты, так что убегай, я же не выдержу, если они доберутся до тебя! — я всхлипнула, он ломал мою невозмутимость одним взглядом.

— Тогда Кларк до тебя доберется... — устало заметил Артур, сжав и поднеся к губам мои запястья, чтобы горячо их поцеловать.

— Это ничего, — я вновь всхлипнула, наслаждаясь его нежными прикосновениями, — уволюсь и все. Не переживай за меня...

Буду просто историком-теоретиком... если найду работу.

В темной стороне помещения, кажется из спальни, раздался скрип, ворчание и все стихло.

Я в ужасе взглянул на мужа, как же они быстро нашли нас! Артур мгновенно очнулся и выступил вперед, загораживая меня. Я, прикрыв губы пальцем, беззвучно показала ему: «Тсс» — и подкралась к двери в спальню, из которой раздалось негромкое:

— Эй, миледи, только без рук! Времени нет нервных дам успокаивать! — Тут знакомый голос выругался, обо что-то споткнувшись в темноте. — Заходите сюда, скорей! Свет не активируй, засекут!

Я чуть было не улыбнулась, узнав голос Ромы, но тут же решила, что еще неизвестно с чем он тут появился, и осталась на месте, придерживала рукой Артура, который воинственно ринулся в темноту.

— Джил, через три секунды Кларк с отрядом охраны будет здесь. Его ждете? Тогда я пошел!

Я все же приоткрыла двери и, под изумленным взглядом Артура, посмотрела в темноту.

— Джон Стивер, а ты что тут делаешь?! Кажется, сегодня я повстречал здесь пол-Лондона! — Потрясенный голос Артура мог испортить нам маскировку. Неизвестно чем проверяют комнаты, может примитивным шумоуловителем!

Рома насмешливо поклонился и кивнул:

— Вас спасаю, ваша светлость!

— Ром, кончай! — Мне не понравилась его насмешка, а я, в отличие от Артура, — так некстати вспомнилась отвратительная беседа мужа с леди Элеонор, — никому не спускаю, если обижают моих!

— Куда нам идти и как ты тут появился?!

— Следуйте за мной! — быстро проговорил Рома и тронул что-то на своем мобильном сенсо. — По дороге я расскажу вам о ситуации в общем, и о вас, конкретно! Если конечно успею, в чем очень сомневаюсь!

Мы неуверенно побрели за ним. Подобравшись непосредственно к стене, прижавшись друг к другу, наблюдали как Рома в тонком свете от лучика браслета вскрыл панель и быстро вывел нас сквозь стену на площадку. Это был затхлый темный технический этаж, в виде толстых стальных решеток, находящийся между идущих во всех направлениях лестниц. Даже не подозревала, что здесь есть нечто подобное!

Я оглядела лестницу. Если упасть даже на один пролет вниз мокрого места не останется. Тут только дубинками бои с врагами вести, скинул и готово!

Пока мы оглядывались вокруг, Рома проворно вернул панель на место и с нашей стороны закрыл наглухо магнитными шупальцами.

— Вот так... — довольно заметил он. — Теперь немедленно за мной! Они первым делом к тебе, Джил, кинутся! Я оставлю Артура на лестнице возле спальни, а тебя выведу в коридор, так что поговорим после!

Мы с Артуром кивнули — я быстро, а он медленно, сначала подумав. Но Рома, не дожидаясь нашего согласия, уже ловко поднимался по стальному «ужасу» вверх.

Артур бодро карабкался следом, несмотря на темноту и странность обстановки, умудряясь тащить меня. Улыбаясь его галантности — в темноте все равно не видно, может только Роме в специальных очках — я послушно ползла за ним. Страхуя. Но ему об этом знать не стоит, обидится!

Все же, какое нежданное счастье — Артур здесь! Но как? Как он сюда попал, я ведь унесла все переходники на станцию?

Рома добравшись до нужного места, — надо будет после уточнить, как он определяет,

чья это комната, — подал нам сигнал:

— Артур, ты тут ждешь меня... и ни звука!

Артур по-военному четко кивнул, оставшись в темноте на лестничной клетке.

Я потихоньку его поцеловала и пошла вслед за Ромой, который рванул куда-то вправо, не дожидаясь меня. Увы, мужчины нашего века с галантностью не дружат.

Лестничными ходами он вывел меня в свою комнату, которая была рядом с лифтом. Кивнув ему, не останавливаясь, я вышла в коридор и, успокаивая сбившееся от бега по лестницам дыхание, медленно пошла к себе, по дороге кивая знакомым историкам.

Как я понимаю, пока мы поднимались лестницами, Кларк и прочие, наверняка добрались сюда и уже сидят у меня в комнате!

У двери своей квартиры я помедлила, одернула куртку, поправила оружие в рукаве и пригладила волосы. Не знаю, что меня ждет, но Артура я им на растерзание не отдам!

Глубоко вздохнула, и взялась пальцами за браслет. Теперь я готова встретиться офицером безопасности!

Артур

Из-за прозрачной, для меня, стены в темном коридоре, где укрыл нас чудесно появившийся Джон Стивенс, я стоял и с ненавистью смотрел на Кларка Компайна, вальяжно раскинувшегося на диване, в покоях моей леди. Джил в комнате еще не было, и меня удивило, и даже оскорбило, что он вновь без ведома хозяйки появился здесь!

Комнаты Джил мало отличались от дамских будуаров нашего дома. Вся видимая мне часть ее покоев была обставлена в стиле «классический ампир», в том самом, что был моден в Лондоне на момент нашего венчания. Ничем не отличалась. Те же золотистые шелковые стены, украшенными пилястрами с капителью в виде римских колонн; хрустальной люстры и множеством светильников со стеклянными подвесками, и конечно, бронзовыми канделябрами перед зеркалом над поддельным камином. И обставлена всеми полагающимися атрибутами: тяжелой мебелью из красного дерева, инкрустированной позолотой, и низким столом на широких изогнутых ножках, выполненных в стиле лап неведомых зверей, перед ней.

Дверь распахнулась и сюда ворвалась моя «взвинченная» супруга. Заметив Кларка, по-свойски расположившегося в ее покоях, она резко словно в удивлении притормозила на пороге и тихо сказала на их «смутно» английском:

— Как ты здесь оказался? Я вроде закрыла дверь?

— Ты с прошлого задания не меняла код, который установила, чтобы не терять время перед подготовкой. Я никогда не заходил к тебе до Лондона, кроме дня отправки. Но сегодня я кое-кого встретил в институте ... — Он кинул на Джил лукавый взгляд полный доброго довольства, словно приготовил ей приятный сюрприз, а не погибель мужу!

Я, наблюдая за всем со своего места, с осуждением покачал головой.

— Кларк, извини, я сейчас не в состоянии гостей принимать. — Недовольно отмахнулась Джулиана, равнодушно выдвинув какой-то странный стальной ящик из внешне обыкновенной деревянной мебели.

Кларк повел себя так, словно не понял столь явного «намек» на выпроваживание, и Джулиана с грохотом закрыв необычную мебель, раздраженно выдохнула и ушла в соседнюю комнату.

Через короткое время она появилась с коробочкой в руках. Манипуляции с ней привели к тому, что прямо из пола появился небольшой прозрачный стол, накрытый для двоих. Джил равнодушно присела в кресло напротив гостя.

У меня внутри от злости все поднялось дыбом, когда он подошел и сел рядом. Слишком нахально и неприлично вел себя Кларк!

Джулиана отодвинулась и, раздраженно наливая ему в чашку какой-то оранжевый напиток, спросила:

— Все же, так что тебе надо, Кларк?

— Похоже, у тебя сегодня выдалось знойное свидание? — Он с нежной улыбкой указал Джил на разорванный рукав и синяк на скуле.

Джулиана отрешенно посмотрела на оторванный лоскут вслед за Кларком. Вынув какую-то длинную коробку из рукава — положила ее рядом на стол, язвительно заметив:

— Это все мелочи... мы с «Железным Поттером» всегда гуляем перед ужином. Оружие, как ты заметил, шикарно смотрится в моем рукаве!

Значит, Джил постоянно вооружена, а то, что она назвала Железным Поттером ее пистолет... Крошечный. Даже не верится, что это оружие.

Да-а, с моей дуэльной парой не сравнить! Надо будет попросить ее ознакомиться. Мне так захотелось на него поглядеть, а лучше — использовать. На Кларке!

Джил больше не обращала внимания ни на Кларка, ни на стену, под прикрытием которой находились мы с Ромой. Подняв коробочку, она вновь сунула ее куда-то в порванный рукав. Потом перевела вопросительный взгляд на Кларка.

— Представьте себе, сегодня он мне не пригодился, до появления полиции я успела положить только троих. Что же вам все-таки угодно, мистер Компайн? — нарочито терпеливо спросила она.

Кларк, однако, не смутился:

— Пришел доложить: ваш проект не завершен и важную его часть я сегодня встретил бродящим в коридоре.

— Что ты имеешь в виду? Рома потерялся? Я его вчера где-то видела... — равнодушно сообщила Джил, пальцем теребя край оторванного лоскута, откровенно вздыхая и с тоской поглядывая в сторону спальни.

— Существуют части проекта и другого рода. Да и самое главное, ты знаешь, что с ними нужно делать! — Последнее предложение прозвучало как угроза.

— С кем?! — удивилась Джулиана, она наконец оторвала свой взгляд от спальни и сосредоточилась на незваном госте.

— А где твои переходники? — подвел Кларк разговор к моменту моего появления здесь.

— Старых не осталось, а новых не выдали, пока только обсуждают, а тебе зачем? Вам что, их не выдают? — Джил некрасиво фыркнула. — Ни за что не поверю! Чтобы офицерам и что-то не дали!

Компайн картинно поморщился, с усмешкой сообщил:

— Мило, я и не подозревал, что ты так талантлива! Хотя мог бы догадаться, когда тебе удалось окрутить этого графа...

— О чем это ты? — Джулиана словно фарфоровая кукла в удивлении распахнула глаза. Но Кларк, мило улыбаясь, поднялся и вышел.

Да, он в бешенстве!

Когда за Компайном бесшумно захлопнулась дверь, Джил вслух что-то быстро

приказала. Рома вмиг открыл стену, а я, нагнувшись, вошел. И, наконец, приблизившись, подхватил оробевшую и обмякшую Джил в объятия:

— Ты думала, что так легко отделалась от меня?

— Если бы от тебя... — Джулиана вновь тяжело вздохнула и покачала головой.

Но спохватившись, и, не выпуская меня из объятий, на том же смутном языке она приказала закрыть все двери и поменять коды на замках.

Джон Стивер дождался, когда хозяйка закончит, показал Джил на разбитую скулу и со словами:

— Иди, лечись, сам все ему объясню... — выставил мою жену из комнаты.

Стиснув зубы, я едва сдержался, чтобы не дать ему в челюсть! О времена, о нравы, как у них тут все фамиллярно!

Я покачал головой, наблюдая, как Джулиана, задумавшись, скрывается в другой комнате.

Бывший швейцар моего клуба, повернувшись, обращаясь на равных, довольно дерзко спросил:

— Артур, ты понимаешь, что это всего лишь отсрочка? Джил — влюбленная девчонка, что с нее взять, дай ей шанс, и она тебя от себя не отпустит, испортит жизнь и себе, и тебе... но ты-то должен понимать, что не все так просто. И тебе надо как можно скорее вернуться к себе!

Раздраженно поджав губы, я промолчал. Сам решу, что мне надо. И когда.

Джон все понял правильно:

— Зря ты так... лишат памяти, лишат всего... а здесь не скряться. Это дело времени. У тебя даже радиационный фон другой, будешь выглядеть на мониторе красным огоньком. — Он устало покачал головой и отвернулся.

Для меня его речь звучала абракадаброй, но спросить я не успел, в комнату явилась переодевшаяся во что-то еще более вызывающее Джулиана. Услышав последние слова, она нахмурилась еще сильнее, и с подозрением спросила:

— Ром, а тебе какой интерес помогать нам?

Джон равнодушно пожал плечами:

— Пожалел... у самого семья осталась в восемнадцатом веке... сын растет.

— Сын? — Джил распахнула глаза и в шоке замерла, словно забыла дышать... — Как? Разве вам не делают защиту?

— Сын... не знаю как вышло, но он мой... Там была эпидемия чумы, я привез лекарство заодно и проверил, мой не мой... — Джил, судя по прищуренным глазам, пояснение не удовлетворило, но, кивнув, она наконец оставила Рому в покое и повернулась ко мне.

Я ждал ее слов, но Джулиана молчала, жадно всматриваясь в меня. Наконец, прервав тяжелое молчание, она сказала:

— Артур... Рома прав. Это только отсрочка. Я не знаю, что мне сделать, чтобы убедить тебя... и себя, что это невозможно.

Рома, взглядевшись в свой браслет, — странная мода, Брамель* был бы в восторге — сказал:

— Так... здесь оставаться опасно, пошли ко мне. Джил, ты по коридору, мы с Артуром по лестницам...

— А откуда ты о них узнал? Я на карте их не видела, — тут же с любопытством поинтересовалась Джулиана.

Джон с раздражением отмахнулся:

— Я не историк, а техник. Станция боевая, как без них... В общем, случайно наткнулся... скорей пошли!

*Брамель — знаменитый законодатель мод начала XIX века, многие его выдумки используются до сих пор.

Мы вновь двинулись через стену к железным переходам.

Сказать, что я озадачен — ничего не сказать! Пытаясь разобраться, то и дело спотыкался, грозя слететь вниз. Странные у них тут постройки, надо уточнить, что такое эта «боевая станция».

Наконец мы попали в квартиру, довольно сильно отличавшуюся от комнат Джил, но я уже не удивлялся ничему внешнему, просто не мог. Поблескивающая сталью мебель, опутанная проводами и еще чем-то похожим на шланги, стояла по всем углам и посреди помещения. И ничего мягкого, утонченного, изящного, радующего глаз. Мертвое, стальное, как склад с оружием.

Роман отдал приказ, и дверь впустила Джулиану. Так как моя супруга ничему тут не удивилась, я пришел к выводу, что такие квартиры — норма для мужчин их времени.

— Джил... Кларк уже просмотрел все показатели, проверил все датчики и экраны системы наблюдения! Если еще отсканирует наш уровень на радиацию, то выловит Артура в тот же миг!

— Я знаю! — Сухо заметила Джулиана. — Но нам нужен выход, а не глупый побег.

Джон Стивер равнодушно пожал широкими плечами:

— Ну... вы поговорите, а я пока пойду за печеньем в кафетерий, а по дороге позвоню Кларку, спрошу как он там... — Джон усмехнулся. — Пусть думает, что я от безделья слоняюсь по коридорам... Я быстро.

Мы с Джил кивнули, дверь съехала в сторону, выпустив хозяина.

Забыв обо всем, я припал к жене голодными губами. Джил не отталкивая, и даже отвечая на лихорадочные поцелуи, пыталась говорить:

— Я обдумывала. Не знаю, что тебе сказать... Сейчас тебе в любом случае надо вернуться к себе. Я тоже не хочу, но Кларк поднимет всех на ноги и даже, я уверена, пошлет кого-то туда к тебе, чтобы проверить... хорошо, если не лишит памяти!

— Я не хочу оставлять тебя... — прошептал я.

Щеки Джил покраснелись, глаза оживленно сверкали, когда она одарила меня нежным взглядом и вместо ответа, нежно обхватила меня за шею и вновь поцеловала... Вкладывая в это столько любви, согревая и оттаивая меня изнутри.

— Я не могу пойти с тобой. Нам не дадут. Найдут везде, изменят момент отправки, и к тебе попадет другая... Я не могу...

Двери разъехались, и в комнату влетел Джон или Рома, как называла его Джил.

— Кларк идет ко мне! — Бывший швейцар вынул горсть переходников и высыпал их мне в руку:

— Артур, быстро уходи! Время идет на секунды! Когда все успокоится, вернешься! Ты же понимаешь, как опасно находится здесь! Тебе придется постоянно быть начеку, Кларк этого так не оставит!

Джил дернулась как от удара.

— Артур, послушай, Рома прав! Все успокоится, тогда обдумаем, как нам быть. А пока возьми! — она сунула мне маленькую шкатулочку, белого цвета:

— В этой коробке анализатор и лекарства для... в общем, неважно. Пойдешь к бабушке, приставишь шершавой стороной к ее руке, потом откроешь и дашь ей то, что там появится. Там хватит на шесть исцелений... — Она еще так много хотела сказать, но ее перебил Стивен:

— Что ты творишь?! — гневно воскликнул Джон, дернувшись забрать коробочку. — Думал, что я авантюрист, но ты меня переплюнула! Это противозаконно! Тебя закроют! Закроют! Забыла? Никаких приборов в прошлом, только мелкая механика!

— Зато это правильно! — отрезала леди Инсбрук, прикрывая меня собой. — Если Кларк откроет охоту, ты понимаешь, что ждет Артура? А бабушка... она многим нужна! Может, если она поживет подольше — мир станет лучше!

— Наивная идеалистка! — сплюнул Джон и с досадой отвернулся к стальной стене.

— Да, конечно лучше ныть и ворчать, что ничего не получится! — дерзко возразила моя графиня. Я поморщился, мне столь странных отношений не понять.

Джил, поцеловав меня в щеку, вернула свое обручальное кольцо, с легкой улыбкой прошептал:

— Заберу позже, пока пусть побудет у тебя.

Я кивнул. Вот и настал момент... мне пора. Джулиана, прикусив губу, говорить не могла, глядя на меня огромными глазами, полными боли...

Дикий жестокий мир! Проклятье! Джон стремительно распахнул дверь видимо в спальню:

— Артур, прощай! Джил, а ты на лестницу! Ты у меня никогда не была, так что, не будем нарушать обычаев!

Не сводя с жены глаз, я пальцами сжал жемчужину Джона и, шагнув в воздушную арку... оказался в Лондонском тупичке возле Уайт-клуба. Ну да, здесь же Джон «работал» швейцаром. Ловко они тут устроились, шельмы!

Из головы не шли полные боли глаза жены. Покачал головой и торопливо поймал закрытый кеб — в моем мире не меньше правил, запретов и условностей, а моя шляпа, трость и перчатки остались в Гемпшире.

Тут я очнулся, меня в поместье кинутся!.. Надо обдумать план.

Я пощупал жемчужины — что ж, тактическое отступление, еще не проигрыш!

Так и не узнал, что за станция такая, где они находятся. И зачем оттуда являются к нам.

Значит через месяц...

Ну, а пока меня ждут испытания — я помню, с какой легкостью Кларк справился тогда с бандитами*.

* похищение героев, в первой книге «Я отыщу тебя в прошлом»

Да, и его возможности не сравнимы с моими, однако, должно быть то, чего у него нет, и на что я смогу опереться! А пока я направился к графине Торнхилл, замыслив первым делом исполнить просьбу супруги.

Глава третья

Только любовь невозможно раздать до конца — чем больше отдаешь, тем больше

Артур

Дверь открыл мне тот самый рыжеволосый «лев» с подозрительной внешностью закоренелого преступника, который на этот раз вел себя с большим сочувствием, хотя мое появление для него стало сюрпризом.

— Добрый вечер, лорд Инсбрук! Я сейчас сообщу миледи...

Я кивнул, проходя в дом графини Торнхилл. Не удивляясь отсутствию шляпы и перчаток, дворецкий быстро провел меня в гостиную, усадил на парчовый диванчик у потухшего камина и, душевно улыбаясь, самолично поднес рюмочку бренди.

— Спасибо, Рольф, очень кстати! — Я мигом проглотил содержимое, оно было мне жизненно необходимо, чтобы прийти в себя после пережитого шока...

Услышав шелест юбок, на миг представил, что сейчас ко мне выйдет Джулиана, сердце екнуло... Я быстро повернулся к лестнице и увидел спускающуюся пожилую леди в темно-синем платье с белым кружевным воротничком.

Дворецкий, поклонившись, ушел.

— Рада видеть тебя, Артур, — тихо произнесла графиня, и в ее глаза мгновенно набежали слезы.

— Надеюсь, вы простите, что я без приглашения, миледи. Но нам надо поговорить... — мгновенно ответил я, сжимая в кулаке белую шкатулочку Джил.

— Полагаю, с вами и вашей матушкой не приключилось никакой беды? — с тревогой в голосе осведомилась графиня Торнхилл.

Я улыбнулся:

— О нет, не беспокойтесь, миледи. Меня попросили вам кое-что передать.

Графиня кивнула:

— Пойдем ко мне в кабинет, Артур...

Я поднялся и пошел вслед за бабушкой Джил. Тут до меня дошло... она ведь ей не родственница! И как мне пояснить просьбу ее внучки, если она для всех официально погибла?

Графиня Торнхилл взялась высохшей рукой за перила, как где-то рядом хлопнула дверь, и леди как по волшебству окружила толпа галдящих мальчишек.

В жизни не видел настолько невоспитанных... и таких счастливых малышей в красивых бархатных костюмчиках и коротких штанишках. Один показывал миледи живого котенка; другой хвалился самолично сделанной рогаткой; третий одергивал первых двух, пытаясь сказать что-то свое; двое самых маленьких молча вцепились в юбку графини...

Мне вспомнились слова Джил о «защите от детей». Проклятие! У меня возможно и наследников не будет. Я скривился и потер лоб. Что же творится с моей жизнью?

И как я устал...

Графиня, ласково погладив каждого мальчишку по голове, передала их в руки, появившейся в дверях запыхавшийся гувернантке. Извинившись передо мной за задержку, прошла по коридору в кабинет.

Пригласив меня садиться, она позвонила в стоявший на столе серебряный колокольчик, и попросила рыжеволосую служанку, одну из любимиц Джулианы, принести нам чай с печеньем.

Мне бы что посущественней, не помню, когда ел в последний раз.

Когда кабинет покинули все кроме нас, миледи повернувшись ко мне, спросила:

— Как дела у Джулианы?

Дьявол! Я уставился на пожилую леди с недоверием. И она из этих? Или графиня по старости позабыла, что для всех моя супруга утонула?

Откинувшись на спинку дивана, я неловко помолчал из-за вызванной ее словами бури помыслов. Затем, не сводя со старой леди изучающего взгляда, тихо произнес:

— У нее все замечательно...

— Я рада, что вы видите, — заметила она и замолчала, ожидая, что я объясню причину визита.

— На самом деле я не думал, что вы, леди Торнхилл, с ними связаны, так как знал вас еще с детства.

— С кем связана? — искренне удивилась миледи, в волнении сложив тонкие руки на коленях. Я на миг замолчал.

— Да, я здесь по поручению вашей внучки. Это лекарство она передала именно для вас, — я поднялся с дивана и подошел к графине, — вашу ладонь, миледи...

Она какой-то миг заколебалась, но видимо вспомнив, что Джил ее очень любила, доверчиво протянула тоненькую руку с голубыми прожилками.

Я прислонил к ее ладони ту «шкатулочку» и нажал на крошечный рычаг у крышки, на которой как по волшебству появилась цифра пять. Мы с графиней удивились, когда крышечка приподнялась и внутри появилась круглая «горошина» синего цвета.

— Это надо принять в качестве лекарства, — уточнил я, протягивая ей «горошину». — Джил настаивала...

— На лекарстве? — Не скрывая удивления, спросила леди Торнхилл, робко принимая странный дар.

— Да... И как я понял, она очень рисковала, желая излечить вас.

— Так кто же она? Откуда? Я так и не осмелилась узнать...

— Вам лучше не знать. Даже мне грозит опасность и именно по причине, что я дерзнул выяснить, кто на самом деле моя супруга... — вздохнул я. — Могу лишь сообщить, что с ней все в порядке и что она любит, скучает и помнит о вас.

— «Лучше не знать» — ужасные слова! — вздохнула пожилая леди и попросила у служанки, явившейся в кабинет с подносом, стакан воды.

— Да... Но поверьте, так будет лучше для вас... И для нее, — с невозмутимым выражением лица, я пожал плечами.

Леди Торнхилл печально кивнула:

— Я понимаю. И очень рада, что вы не расстались... Хотя, признаться, до сих пор ничего не понимаю! Почему ей понадобилось уезжать и к чему вся эта таинственность... — Графиня грустно покачала головой.

Я широко улыбнулся:

— Я ее больше никуда не отпущу! Гори все огнем!

— Зная, как много ты для нее значишь, Артур, я полагаю, Джулиана счастлива, осознавая это... — торжественно провозгласила пожилая леди.

— Сделаю все, что будет в моих силах, чтобы она была счастлива, — решительно произнес я. — Возможно, мы еще навестим вас вместе!

От этой мысли у меня потеплело на душе. Я оглядел порозовевшую и даже немного

помолодевшую графиню и решил, что мне пора. Поднявшись с дивана, отказался от чая и отбыл к себе.

Моя миссия здесь была выполнена.

Едва появившись дома, не успев ответить на вопросы удивленной моим появлением мисс Колобок, приказал дворецкому готовить карету:

— Джон, вечером я вновь отбываю в Гемпшир, прикажи Джеку собрать мои вещи и захвати... захвати дуэльную пару пистолетов!

Мисс Лили, стоявшая рядом, от ужаса всплеснула руками.

— Артур, что ты опять задумал! Матушка с ума сойдет, она не выдержит!.. С кем это ты собрался драться?

Сначала я хотел рыкнуть, чтобы она прекратила эти вопли, но подумав, что такое поведение больше подходит глупому юнцу, чем зрелому мужу. Я подошел и крепко обнял свою суматошную нянюшку, мысленно пеняя себе, что быстро забываю благие деяния других людей.

— Не переживай, именно чтобы маман за меня не волновалась, я беру с собой оружие. И хорошо, что ты мне напомнила! Я возьму с собой саблю! — Мисс Лили совсем потерялась, прижав руки к груди, она всматривалась в меня широко распахнутыми глазами, видимо ища во мне проблески разума.

Я улыбнулся:

— Кстати, когда ты последний раз была в поместье? Навещала своих? — Она пожала плечами, наблюдая за мной с неподдельной тревогой.

— Отправишься со мной? Да, и Джон там сто лет не был! Будете гостями! Я больше не позволю вам работать! Родных в деревне повидаете, а как надоест, я со всеми почестями и охранной отправлю вас домой!

— Почему с охранной? — Как пес, почуявший лиса, мисс Лили мгновенно уловила в моих словах главное.

Пришлось отвечать:

— Мне сообщили, что в той стороне разбойнички пошаливают... — Что ж, версия весьма правдоподобная. После прошлогоднего восстания в Манчестере в Англии творилось неведь что!

Вообще-то позвал Лили, чтобы она на самом деле отдохнула, так как уходить на отдых, несмотря на то, что я выделил им с Джоном приличную пенсию, она категорически отказалась.

Но сейчас, сообщив ей о несуществующих опасностях, я подумал, не рискую ли их жизнями, забирая с собой?

— Артур, прости, тут тебя письмо уже несколько дней дожидается! Посыльный сказал, чтобы вручили лично в руки. Ты был в Гемпшире и Джон сегодня хотел отправить его туда... — Виновато спохватилась моя экономка, пока я раздумывал над опасностями предстоящей дороги.

В виду последних событий меня письмами не баловали, так что поборов желание кинуть послание в огонь, я под любопытным взглядом мисс Колобка взял голубой конверт в руку. Еще раз лукаво оглядев мисс Лили, весело ее поторопил:

— Ну же, собирайтесь! Вот только навещу маман, мы тронемся в путь... — Мисс Лили медленно кивнула, а я, давно не чувствуя такого воодушевления, понесся по лестнице к себе.

Войдя в кабинет, открыл ящик письменного стола и взял из него серебряный нож для разрезания газет. Руки дрожали, я торопливо вскрыл письмо, пахнущее так знакомо. Моей женой...

Весть текст был глупым, ничего не содержащим, как любое письмо, отсылаемое в ответ как дань вежливости. Но внизу очень мелкими буквами был постскриптум:

«Приписку сожги, как прочитаешь! Как выяснилось, Кларк выслал к тебе двух офицеров безопасности. У них приказ: поймать тебя и лишить воспоминаний! Убить они не могут, это наказуемо, но покалечат легко. Берегись, у них обязательно будет оружие (внешне похожее на ваши пистолеты), стреляющее липкой сетью, но если она спеленает — ее не порежешь и не скинешь, так что, главное, под нее не попасть! Насчет остального можно не опасаться, я выяснила, что другого оружия им взять не позволили.

Да, имей в виду, у нас нет клинкового оружия, оно считается чрезвычайно негуманным и им владеют только спортсмены и историки вроде меня. Используй это преимущество, они хоть и отменные бойцы, но с кровью дел никогда не имели и связываться не будут! Это твой шанс быстро прекратить нападение. Если что вспомню или выясню точнее, подскажу в следующем письме! Береги себя! Очень люблю, твоя Дж. Ин».

Подойдя к камину, я взял кочергу и поворошил еще не остывшие угли от березовых поленьев, чтобы на них вновь появились алые язычки пламени. Жечь письмо не хотелось, но поставив кочергу на место, я все же бросил письмо в огонь, а потом с жалостью смотрел, как пламя пожирает ароматную бумагу.

Теперь строго прикажу Джону доставлять всю корреспонденцию мне в Гемпшир! Чтобы ни одно письмо не пропало!

Выглянув в коридор, крикнул камердинеру:

— Джек, захвати кроме сабли — шотландский палаш*, потренируюсь, вспомню былое!

Так они не терпят вида крови? Особенно им будет неприятна собственная! Я потерял руки. Сейчас к матушке и вперед!

* **Палаш** от тур. *para* — меч, кинжал. Происходит от рубящего меча. Сочетает в себе качества меча и сабли, после 1825 года будет использоваться в армии как кавалерийский палаш.

Джил

Артур исчез. Рома быстро подошел к стене и нажал на пару точек — панель провалилась назад, открыв люк в технологический переход. Ничего не чувствуя и механически подчиняясь Роме, вышла на лестницу. Хозяин, показав жестом молчать, беззвучно прикрыл панель. Вокруг сухим воздухом сразу навалилась безучастная темнота...

Я плюхнулась на железные решетчатые ступени и схватилась руками за голову. Конечно, стоило подслушать, о чем они говорят, но я понятия не имела, как сделать стену тонкой и прозрачной, как это умел Рома, так что осталась сидеть без света и в неизвестности, с сердцем переполненным страхом за Артура. Кларк ведь этого так не оставит!

Я не знаю, что ждет меня, но зато четко представляю, что будет с Артуром.

Его отыщут в прошлом и удалят из памяти все моменты, связанные с попаданием в будущее.

Самое страшное, они ведь правы! В любом другом случае я бы согласилась с Кларком,

но не в моем! Отметая суровые доводы рассудка, я решила бороться за мужа до конца! А пока мне надо не плакать в темноте, а на шаг обгонять противников!

Сейчас мне было непонятно одно, почему я так долго колебалась? Давно надо было все пояснить ему! Нет, я убежала от боли, поддавалась страхам, опасаясь его недоверия.

Хорошо, что Артур решился отправиться сюда... но как? Как?! Как он попал на станцию?

Абсолютно непонятно, переходники я точно забрала с собой. Арка временного перехода открывается и закрывается на десять секунд... Так что за мной он зайти не мог.

Чудеса какие-то! Так и помощь чудодейственного креста святого Антония поверишь!

Все-таки я так счастлива! В моей жизни появился смысл, не потерять Артура, которой меня нашел даже здесь, в будущем!..

Но сейчас надо думать о другом!

Что делают с бунтующими историками в случаях как у меня? Отправляют к докторам убирать зависимость от человека из прошлого!

Значит, первым делом я скачаю из главного книжника всю информацию, связанную с профессиональной деятельностью психатов! Их тесты и прочие уловки. Им меня не поймать! Так что, на выходе, после проверок, у докторов будет только голословное утверждение Кларка!

Это первое!

Затем выясню через Рому и девчонок все, что касается отправки историков в XIX век! И если обнаружу грозящую ему опасность, предупрежу Артура заранее!

Это второе!

Заодно перерою все, что известно в истории насчет личности и жизни Артура, графа Инсбрука! Это последнее, что я могу предпринять.

История имеет коэффициент или точку изменений, этакий запас на трансформирование событий. Как ватерлиния у кораблей, до нее можно что-то менять по мелочи, а после нельзя! Не знаю, что могу сделать, но все, что возможно сделать до точки полного изменения, я предприму!

И вообще... ситуация, когда противники правы, а с ними приходится воевать, на самом деле ужасна. Но, в любом случае, я не собираюсь отступать!

Закончив с сумбурными планами, поднялась.

Раздался шум, Рома видимо выставил Кларка из квартиры и взялся за панель, собираясь проводить меня. Коротко взглянув на усталого сотрудника, возвращающего стену на место, я вздохнула:

— Не стоило тебе лезть в это...

— Разумеется, стоило, — обиделся Рома. — Для чего же еще существуют друзья, если не помогать друг другу?

Я с подозрением на него взглянула.

Рома был десятью годами старше меня, намного выше и раза в два тяжелее, причем за счет мышц. Человек он был спокойный и методичный, обладающий завидным терпением, талантом техника, и белой кожей с румянцем во всю щеку как у славянских былинных богатырей. А еще это истинный «одинокий волк». Если он был вне проекта, то с сотрудниками разговаривал только по делу, а в свободное время пропадал у себя в квартире, куда никого из историков не приглашал.

И другом его назвать мог не каждый.

— Я не знала, что ты друг, — измученно улыбнулась я, сейчас на меня словно навалились все случившиеся за этот долгий день события. — Думала, просто сотрудник.

Он кивнул и пошел к лестнице. Я побрела следом, расспрашивая:

— Поясни мне, как ты тут ориентируешься...

Рома пожал плечами:

— Это не пояснить. Пару раз включи указатель на браслете и погуляй здесь, сразу уразумеешь все тонкости передвижения.

Я послушно кивнула:

— А меня не засекут?

Рома, обернувшись, ехидно улыбнулся:

— Ну, если ты не будешь ломиться в чужую квартиру, то нет.

Ой, что-то темнит «мой друг», но я невозмутимо продолжала, игнорируя его нежелание говорить:

— А где ты учился, чтобы не попадать мимо нужной квартиры?

— На втором уровне гулял, — коротко ответил он и свернул в новый темный коридор.

Я, догоняя его, на бегу присвистнула:

— У военных? Да?

— Ну да, а для кого эти лестницы создавали? — Не дожидаясь меня, Рома зашагал по лестнице.

Ну никак его упрямство не пробьешь, и я сказала напрямик:

— У... Ладно, но карту все равно скинь, ни за что не поверю, что ты изучал здесь все методом тыка!

Роман остановился перед панелью моей квартиры и, нахмурившись, с досадой сообщил:

— Вот стоит человеку переступить закон, так он в порядочность других уже не верит!

— Угу... ты прав, ни капли не верю! — Я часто-часто закивала головой, подтверждая его заявление.

Рома поморщился:

— Ладно, скину, но что бы кроме тебя — ни-ни!

— Слово леди Инсбрук! — усмехнулась я, влезая в свою спальню сквозь открытый Ромой проем. Он кивнул, закрыл панель и лестницами ушел к себе.

Я испугалась, еще раз изменила коды доступа и завалилась спать.

Утро началось с сюрпризов. Меня по сенсо вызывал Джо.

Натянув комбинезон, я вышла из квартиры, оставив «Искусственному интеллекту» приказ никого не впускать. Первое, что сделает Кларк, это поставит у меня всяческие ловушки. Хотя «Ии*» отключить не проблема, я все-таки засеку их вторжение по тому, как в мое отсутствие функционировал мой управитель.

* «Ии» искусственный интеллект.

Директор на это раз встретил меня сидя на новенькой козетке, сделанной из натурального дерева. Интересно, это подделка или вывезено из прошлого?

За подобный «вывоз» его бы выгнали в момент. У Майки потому и начались проблемы с безопасностью, что возвращаясь назад, в будущее, она по забывчивости захватила, оставив на шее, дешевенькое и довольно грубое украшение с эмалью из Византийской империи XIV

века. Она уверяла всех, что это произошло случайно, и если бы не действительно его небольшая стоимость, — хотя у нас она возросла необычайно, — простыми отчетами в различных департаментах она бы не отделалась.

По прибытию я задекларировала обручальный* перстень как личный подарок, и пока все молчали. Хотя мне иногда казалось, что сейчас начальник коснется этого вопроса, припомнив свою «доброту».

*Обручальный перстень он подарил первым, венчальный остался у Артура.

Я кивнула, здороваясь с директором и, получив разрешение сесть, устроилась в кресле напротив него, скромно сложив руки на коленях.

Директор Джо сухо и по-деловому начал разговор:

— Сегодня я принял решение отправить тебя в Неополитанию на задание.

Я была поражена. Может, чаще его надо было «ронять»? Ведь как сразу помогло!

Я и не надеялась на это задание, но если быть честной... сейчас мне никуда не хотелось, а вдруг здесь вновь появится Артур? Что он будет делать? Кто его защитит?

Мое задание первоначально выпадало на период 1808–1814. Тогда особенно активно велись раскопки Помпеи, Стабии и Геркуланума при Мюрате, под патронажем его супруги Каролины Бонапарт — Великой герцогиней Клеве и Берга, а также королевы Неаполя.

Что именно мне предстояло там делать, не знала, так что сейчас, глубоко вздохнув, я сосредоточилась на предстоящей работе. Но Джо меня удивил:

— Твоя задача в «Неаполитанском» задании изменилась, как и время. Теперь ты отправляешься не в Помпею, а в Геркуланум, в момент нахождения библиотеки свитков Вилла деи Папири, (так называемая Вилла с папирусами). Это конец 1740-х годов...

— Это не мой период. Я никогда не занималась XVIII веком.

— Твое задание заключается в том, чтобы не дать найденным свиткам пропасть в руках вандалов...

Я поджала губы и опустила голову, что-то тут не так! И вслух возмутилась:

— Почему? С чего вдруг такие радикальные изменения? Да, повторюсь, это не мой период! И что мне сказать команде, которая готовила мою отправку на пятьдесят лет позже?

Джо раздраженно отмахнулся:

— Команда уже знает. И где ты видела историков, работающих только в «своем» периоде? Пойми... Это непозволительная роскошь. Кстати, я был уверен, что ты будешь в восторге, там столько интересных дел, столько открытий! — У Джо так загорелись глаза, что очень захотелось посоветовать ему, отправиться туда вместо меня.

— Я в восторге, — сухо сообщила я. — Меня только смутило два вопроса: во-первых, и об этом я уже сказала, это не «мое» время и, во-вторых, я не поняла, что конкретно мне надо будет делать? Не пускать в выкопанную библиотеку аборигенов? Биться за каждый свиток насмерть? — Я пожала плечами и ехидно добавила. — Если надо, я не против...

— Ну, твою любовь к дракам я знаю, — наконец нормально усмехнулся Джо.

В ответ я тоже улыбнулась. Люблю в мужчинах то, что они долго не дуются.

— Ты должна, соответственно, не афишируя свою деятельность, снять молекулярные отпечатки свитков... Всех. А здесь наши умники их все расшифруют.

— Всех свитков?! А сколько их? Как я поняла, там целая библиотека?

Джо кивнул:

— Их около тысячи восемьсот — это была богатейшая коллекция старинных рукописей, лежащих в корзинах и на полках кучами, так что стоило взять в руки тот или иной папирус,

чтобы рассмотреть или прочитать, как он тут же превращался в пыль. Вот и дошло их до нас очень мало! Буквально несколько штук! Тогда папирусы пробовали спасти самыми разными способами, но все попытки были тщетны.

— Но ведь как-то их читали? — Я вспомнила о немецком историке Винкельмане и патере Пьяджи, который приспособил для чтения папирусов «машинку» из рамки, какой пользовались для завивки волос при изготовлении париков.

Джо заговорил. Внимательно слушая, я подняла на него глаза.

— После такой находки в Геркулануме, раскопки шли с размахом, как сейчас помню... ими занимался Карл Вебер, военный инженер из Швейцарии.

— А как же библиотека? — я знала, что получу всю информацию по делу, но было любопытно услышать это с пояснениями директора.

— Она на целых десять лет попала в руки вандалам, типа кавалера Алькубиерре... тебе, возможно, еще предстоит с ним столкнуться, он всем руководит от имени короля, а пока твое отправление запланировано через неделю, готовься!

— Чего?! Какую неделю? — Я с гневом оперлась о подлокотники и резко поднялась из кресла. — Я ничего не успею! Или ты предлагаешь мне тренироваться считывателем прямо на свитках Виллы папирусов?

— Ладно, готовься, сколько надо, но недолго! — милостиво позволил директор. Он видимо решил со мной не спорить, а что? Поговорит с кем надо и все равно выставит в Неаполь, когда ему будет удобно.

Скептически оглядев довольное лицо Джо, кивнула. Выходя из его кабинета, я размышляла о том, через кого на меня надавит Джо, и чуть не упустила важную мысль, молнией понесшуюся в голове:

«А кто надавил на Джо?»

Почему меня буквально выставляют со станции? Куда делись планы на отправку по другому заданию? Куда более подходящему моему спектру знаний? Там ведь тоже всем ходом шла подготовка? И, судя по всему, я в Геркулануме застряну надолго! Лет пять, как минимум...

Равнодушно махнув Джо на прощание, я еще раз оглядела прекрасную мебель его кабинета. Неужели рука руку моет? А что? Историки молча помогают безопасности закрытые месторождения, а те закрывают глаза на подпольную торговлю старинными вещами.

И мне место нашлось — кто-то убирает ненужных историков, фактически отправляя их в ссылку, пусть и отлично оплачиваемую, а взамен закрывая глаза на доставку антиквариата из прошлого!

Мерзко как! Стройный справедливый мир рушился на глазах!

За дверь директорского кабинета я помедлила, глубоко вздохнула, зачем-то одернула одежду, поправила прическу и пошла к Наташе. Сейчас мне надо точно выяснить кто «идет» в Лондон начала XIX века! А дальше по плану.

Глава четвертая

«Предположим, что вся Вселенная представляет собой толстый многостраничный том. Но если обычные страницы имеют по существу лишь два измерения — длину и ширину, то в этой книге жизни каждая страница как минимум трехмерна. Если это мнение верное, то ясен путь, как можно попасть на другие страницы, в иные миры и измерения.»

Ведь они скреплены общим корешком...» Версия).

Артур

По словам слуг, матушка возлежала на диване в своем будуаре. Это большая светлая комната с белоснежными стенами, украшенными вставками из шелковой парчи цвета дамасской розы*. Матушка на самом деле очень уважала эти цветы, выписывая себе из Болгарии духи и масла с их ароматами. Так что этот цветок можно смело считать главным ароматом нашей фамилии. Садившееся солнце, проникая сквозь высокое оконное стекло, наполняло ее комнаты мягким золотистым сиянием. В камине весело плясали крошечные язычки пламени.

*розовые или бледно-красные оттенки.

Слуги вежливо пропустили меня в ее будуар, по моей просьбе не сообщая матушке о визите. Хотелось поговорить по душам у нее в покоях.

Когда я вошел, сжав губы в негодовании, маман возлежала на софе и читала письмо.

— Плохие новости? — сочувственно уточнил я, аккуратно прикрыв за собой двери.

— Артур?! — мама от удивления приподнялась и обернулась. — Ты же отправился в Гемпшир?

Я весело отмахнулся:

— О, я уже успел вернуться в Лондон и скоро вновь отбуду в гемпширское поместье.

И сел в кресло напротив матушки.

Взглянул на свое лицо, отразившееся в огромном зеркале над камином, перед которым стояли серебряные подсвечники, припомнил как в детстве, когда по вечерам слуги зажигали свечи, стоявшие в подсвечнике на камине, мне казалось, что в зеркале за ними появляется проход в сказочные миры...

— Что послужило причиной столько частых переездов? — нахмурилась матушка, откладывая на этажерку из красного дерева письмо на дешевой бумаге.

— Дела... а вообще-то, — я вздохнул, и улыбнулся, — вернулся сообщить, что в самое ближайшее время собираюсь выехать на континент. Но сообщить тебе что-то более определенное пока не могу в связи с домашними делами в поместье, которые мне еще требуется завершить перед поездкой.

Маман побледнела, размышляя об услышанном. Потом подняла на меня глаза и спросила:

— Ты знал, что Дрейк воротился из-за границы? Сейчас он гостит в Лондоне у матери, а завтра приедет с визитом ко мне.

— Меня он не интересует! — отрезал я, поморщившись. — Надеюсь, ты помнишь, что я отказал в дружеском рукопожатии кузену еще будучи школьником! И ты знаешь почему! Пусть Бога благодарит, что я не вызвал его на рассвете! Господь свидетель! Гаррет этого заслужил! — Припомнив схватку на пустыре, я с гневом сжал ладонями подлокотники кресла.

Мама молча кивала головой, соглашаясь, но все же озвучила мучивший ее вопрос:

— Что ты все же задумал, Артур? Я вижу, что тебя что-то гложет... — в ее глазах осталось много недосказанных вопросов, но я увильнул и от этого.

— Задумал? Найти свое счастье... — Матушкино воспитание не позволит ей

допытываться, где я намереваюсь его искать.

— Тебя там кто-то ждет? — Она склонила голову набок, дожидаясь ответа.

Я кивнул.

— Ждет... Женщина... — пояснил я, чувствуя досаду на себя, что маман из-за меня поседела раньше времени. Вполне возможно мы видимся в последний раз, а я не могу ей признаться!

Повисла неловкая тишина: матушка ждала пояснений, мне же хотелось обо всем умолчать. Оглядывая комнату в поисках темы для разговора, я вновь обратил внимание на тот листок, что читала матушка перед моим приходом.

— Какие-то еще родственники собираются в гости пожаловать? — имел в виду кроме Дрейка, но матушка смущенно кивнула:

— Собираются. Да. Я как раз хотела обсудить с тобой это дело... Дети покойной кузины твоего отца, все девочки. Их отец, викарий небольшого сельского прихода в Йоркшире, умер, оставив пять дочек без наследства... И я...

— Понятно, им нужно приличное приданное и деньги на шпильки, — я равнодушно перебил маман. — Хорошо, все у них будет.

Еще раз оглядел «проход в сказочный мир» над камином, поражаясь, кто же мог только предположить, что я туда попаду?

Мама, на миг запнувшись, тихо уточнила:

— Нет, им пока нужны гувернантки и куклы... Но ты прав, как единственный мужчина в нашем роду, ты за них отвечаешь...

— Я понял. На днях напишу поверенному, что тебе нужны средства, а лучше вызову его к себе и лично сообщу свои распоряжения на этот счет.

Мама коротко кивнула, опустив глаза на однотонный французский ковер, теплого кремового оттенка.

— Я думала... Я опасалась, что ты не станешь...

— Неужели ты подозревала меня в скаредности? — я отпрянул от столь возмутительной мысли.

Маман, слегка нахмурившись, ответила:

— Нет, конечно, нет! Я опасалась, что ты не захочешь взять ответственность на себя. После подлого завещания твоего отца... Это ведь его родственницы...

— Еще лучше! — хмыкнул я. — Ты же знаешь, как мало это меня волновало, — я покачал головой. Видно мне не дано понять, куда движутся матушкины мысли.

— Я ошибалась, ты... никто не знает, какой ты замечательный человек! — матушка расплакалась, вытирая глаза батистовым платком.

Я усмехнулся, пытаюсь ее утешить и, дотянувшись, погладил ее по ладони.

— Почему, кто-то точно знает... — вспомнил, как на меня смотрела Джил и повторил:

— Знает...

Если я отправлюсь к Джил, а так и будет, то матушка останется одна. Так что появление девочек придется как нельзя кстати — мама всегда мечтала иметь дочь.

Утешая плачущую маму, я сказал:

— Знаешь, на самом деле я рад, что сюда прибудут эти девочки. Ты сможешь возиться с ними сколько душе угодно, — и ласково улыбнулся.

Матушка поджала губы:

— Артур, ну что ты говоришь? Кто заменит матери ее ребенка? Как бы я не любила

этих детей, твое место в моей душе никто не займет!

Я поднялся и обнял матушку.

Становлюсь сентиментальным... ну и хорошо. Главное, чтобы она знала, что ее место тоже никто не займет! Тут я вспомнил о Джил.

Взяв ее руку, я приложил шкатулку с исцелениями к маминой ладони и, отвечая на изумленный взгляд матушки, пояснил:

— Это новое патентованное средство от болезней... Выпей горошинку, тебе нужно здоровье племянниц воспитывать.

На коробочке высветилась цифра четыре. Сама жемчужина под крышечкой была бледно-голубого цвета.

— Выпей.

Удивленно кивнув, видимо потому что я никогда подобным не увлекался, она потянулась за колокольчиком. Пока маман вызванивала служанку, чтобы попросить у нее стакан воды, я между делом сообщил:

— Если меня долго не будет, не волнуйся, пожалуйста. Со мной все будет хорошо...

Матушка со вздохом покачала головой.

— Ты не представляешь, как я корю себя, что тогда заставляла тебя жениться! Дался мне этот титул, никому он счастья не принес! И прекрасная девушка так нелепо погибла...

Я кивнул и радостно улыбнулся, удивив матушку.

— А я рад, что послушал тебя... и даже рад, что отец оставил ТО САМОЕ завещание. Хотя когда ты настаивала на исполнении его условий, мне казалось, что ты меня предаешь.

— Что ты, Артур! Я же наоборот мечтала, что ты вырвешься из тисков условий по завещанию, и все унижения останутся в прошлом! А еще, мне было жаль, что ты с таким трудом возродил разоренные поместья, а они попадут к Гаррету.

— Да, отец отличался замечательной способностью распоряжаться чужими деньгами, — проговорил деланно невозмутимым голосом я. — Но это все уже не важно.

Немного поболтав, затем распрощавшись, я покинул дом матушки с печалью в душе. Ну почему все складывается так сложно...

Добравшись домой, я удивился, застав дворецкого Джона как всегда в ливрее у двери:

— Я же сказал, что вы с Лили едете со мной. Или передумали?

— Все готово к путешествию, милорд. — Джон поклонился.

Дьявол, и это тот человек, что учил меня скакать на лошади, ловить рыбу и всячески скрашивал мое детство!

После встречи с Джил у меня словно открылись глаза, и я заново взглянул на привычные вещи. Теперь мне совершенно не нравилось быть господином по отношению к Джону и Лили.

— Тогда оденьтесь как мои гости, а не как слуги... Я хочу, чтобы вы не просто сопровождали меня, а отвлеклись и отдохнули!

Пока я скакал на Красавце вслед за каретой, мои помыслы менялись, словно направление ветра на морском побережье. В голове все пережитое постепенно становилось на свои места.

Судя по тону Кларка, они в будущем еще те высокомерные снобы. Сколько между нами веков, а ничего не изменилось — всегда найдут того, над кем можно почувствовать себя выше. Промелькнуло сравнение: те в будущем чувствуют себя здесь, словно «цивилизованные» британцы в Африке и, по их мнению, недоразвитые аборигены — мы,

жители прошлого.

Сначала от этой мысли стало до боли досадно. Ведь меня использовали в непонятно чьих интересах, но тут же вспомнил, что Джил, молоденькая чистая девочка, и с ней поступили куда хуже, цинично выставив как приманку. Напрасно на нее злился... в подобной ситуации, я тоже скрывал все до конца.

Когда мы в ночи добрались до Гемпширского поместья, я чувствовал себя ужасно усталым. После целого дня скачки все тело ныло от тупой боли.

От ужина торопливо отказался.

Горячая вода смыла дорожную грязь, и мне внезапно захотелось есть. Но время было уже позднее, и я не собирался снова беспокоить слуг, которые и так поднялись среди ночи, чтобы встретить хозяина и его гостей.

Уснуть не получалось, слишком устал.

Я положил голову на подушку, а после ворочался, поднимался, чтобы посидеть перед камином, снова ложился и вновь ворочался. Опять вставал, смотрел в залитое лунным светом окно. И наконец, махнув рукой на тщетные попытки соблюсти режим, сел у окна начал ждать рассвет. Но терпения не хватило, и я решил, что пойду вниз, заодно найду себе что-нибудь съестное.

Подхватив с камина зажженную свечку, вышел из спальни. Тихо двигаясь по лестнице вниз, услышал шум. Неужели это те самые... за мной? Слегка запыхавшись, я бегом поднялся наверх и, подхватив с подставки тяжелый мраморный бюст Гомера, остановился в дверях отцовской библиотеки.

Никого.

Я приподнял свечу и вдоль полка с книгами обошел зал... Никого. Давно пора любимое место жены называть «ее библиотекой».

Медленно приблизился к старинному столу, обитому толстой кожей. Джил любила за ним рисовать, утверждая, что чувствует себя здесь причастной к всемогущему Времени.

На столе лежал серебряный поднос для писем, а поверх нескольких соседских визиток появилось письмо. Я взял его в руки.

Запах бумаги... этот запах на миг затуманил мой разум.

Кто бы ни числился адресатом, я точно знал от кого весть!

Джил

Я принесла из кафешки два набора с кофе и сладостями. Их конечно можно было заказать через сенсо, прямо из кабинета Наташи, но мне хотелось показать, что есть достойный повод перекусить, поболтать и повидаться. Майка была на задании, так что мы с Натой остались вдвоем.

— Ты словно читаешь мои мысли, — подмигнула Наташа, усаживаясь на пластиковый диван и включая установку, выдвигающую столик для трапезы. — Сегодня все меня ищут. Никак не найду время позавтракать, но с твоим появлением у меня появилась веская причина отложить все!

— И у меня! — Я улыбнулась, окинув Наташин кабинет быстрым взглядом.

Ничего не поменялось: на уровне глаз в теневых экранах с коротким интервалом менялись новости с Земли и колоний; вдоль стен стояли яркие разноцветные диваны и прочие сиденья, компенсируя человеческую тоску по Земле с ее зеленью и цветами; в углу,

как у всех, стоял стационарный сенсо.

Я мгновенно вернула взгляд подруге и с легкой обидой сообщила:

— Представь, мне совершенно поменяли задание! — И тут же, вкратце поясняя суть изменений, я подвинула Наташе последнее пирожное.

— Эх, в Лондон хочу! Как в первом задании, чтобы жить среди высшей аристократии, а то сейчас неизвестно сколько пробуду дочкой часовщика из Неаполя!

— Ага... хитренькая какая! — Наташа откусила кусочек, оставив на верхней губе усы из крема. — Такие задания, какое было у тебя в Лондоне, вообще редкость, больше всего в девятнадцатый век историков посылают слугами или военными.

— А что, туда кого-то отправили? — невинно спросила я. Сердце заколотилось...

Наташа кивнула, а я продолжала:

— Завидую! Эпоха на самом деле меня покорила! Жаль, что мне пришлось возвращаться так быстро, столько всего осталось недоделанным... — искренне посетовала я.

— Угу, ты только оттуда, а как я завидую! Я вообще нигде не была! Сейчас как раз список отбывших диктовала для директорского отчета, а то сгинут в прошлом и потом ищи. Хорошо, что только двух бойцов отправили.

— К Наполеону или Кутузову? — вновь «забросила удочку» я.

— Да нет... пункт отправки обозначен позже... сентябрь 1820... Хотя зачем не знаю, безопасность историкам не отчитывается. — Наташа недовольно отмахнулась, и наконец с довольным видом облизнула сладкие усы.

Эта отправка, именно то, что меня интересовало, но заставив себя успокоиться, я грустно произнесла:

— Жалко их, тогда солдат по дорогам бродило не меряно... как правило, голодные, грязные, никому ненужные. В ноябре 1819 приняли закон «Шести актов суровых репрессий». Так вот, второй акт запрещал ношение оружия; магистраты были уполномочены конфисковывать оружие, арестовывать любого владельца оружия, входить в частные дома в любое время суток для поисков оружия.

— Ужас, как строго! Вот так врываться в дом? Какая наглость! — несмотря на гневный тон, Наташа грустно вздохнула, оглядывая пустую тарелку.

Я, кивнув, грустно уточнила:

— Это началось давно, еще в начале 1817 г. правительство приостановило действие Закона о неприкосновенности личности (Habeas Corpus Act)... Именно из-за бывших солдат и рабочих недовольных хлебными законами тогда и начались манифестации и восстания недовольных. Ну и правительство, как водится в таких ситуациях, чересчур надавило...

Ната покачала головой, осуждая жестокость нравов того времени. А я словно между делом спросила:

— Наши из безопасности знают, что оружие с собой брать нельзя, особенно, если их посылают в северную или центральную Англию?

Наташа, кончиками пальцев смяв салфетку, отмахнулась:

— О, тут все нормально, их послали в Гемпшир, на самый Юг. И с собой дали только сети... Сама знаешь, никакой современной техники! Только механически измененное. Вот только кого они там сетями ловить собрались, я так и не поняла.

Зато я поняла. Ага, ничего они не взяли... не считая прибора для уничтожения памяти!

Но заставив себя улыбнуться, бодро произнесла:

— Тогда хорошо, что вы им подсказали.

Наташа с явной неохотой отодвинула от себя опустевшую кружку с кофе, равнодушно отмахнувшись от моей похвалы:

— Это не мы... Там Кларк Компайн, лично уточнял, что им взять можно, что нельзя.

— Он молодец. Ты бы видела его в деле! Профи — этим все сказано, — я ни на миг не слукавила, он действительно профи.

Жаль, что теперь он против меня, а я совсем не профи... Я тяжело вздохнула и грустно оглядела пустой столик.

— Ну, все, пошла изучать обязанности служанок восемнадцатого века. И как они в быту без искусственного интеллекта обходились? — в шутку усмехнулась я. — Просто ума не приложу!

Лениво потянувшись, и помахав на прощание рукой, я медленно вышла из Наташиного кабинета, но едва за мной закрылась дверь, бегом понеслась по коридору к Роме, который только освободился и спешил к себе из сектора техников.

— О, как я удачно тебя поймала... — сообщила я, с усилием выдохнув, коридор здесь длинный больше километра, так что мне хватило длины, чтобы запыхаться. Все же жизнь в Лондоне на всем готовом меня ужасно изнежила.

Кажется, Рома был не очень рад нашей встрече.

— Джил...ты... А я только собрался с удовольствием заняться «Войной с колониями», мне новую часть игры достали, а ты... — Он печально на меня посмотрел и, тяжело вздыхая, пригласил к себе.

Я, виновато улыбнувшись, прошмыгнула в его комнату.

— Ром... у меня ни одного переходника! И настраивать я их не умею. Хотела тебя попросить показать мне как это делается, это ведь информация не для всех.

— Опять на что-то противозаконное толкаешь? — Пропустив меня вперед, вздохнул он, закрывая за собой двери.

— Угу... обучишь?

— Нет... Кину на сенсо допотопный учебник. Захочешь, сама научишься.

— Отлично, и карту не забудь скинуть! Не по общему сенсо, конечно, но я помню. Ты мне обещал.

— И зачем я только полез помогать такой нахальной и требовательной девице?

— «As well be hanged for a sheep as for a lamb» *... — нахально процитировала поговорку я.

*«Если суждено быть повешенным за овцу, то почему бы не украсть заодно и ягненка» английская пословица, аналог «Семь бед — один ответ».

Рома усмехнулся, и тут же у входа скинул книгу и карту уже непосредственно на мой наручный сенсо.

Я решила наглеть, так по полной программе:

— А еще дай пару переходников, чтобы потренироваться?

— Ох, чувствую, натворишь ты дел... — вздохнул он, высыпав мне на ладонь горсть переходников.

— За кого ты меня принимаешь? — пакуя драгоценную добычу в карман, просто для проформы возмутилась я, так как меня этот вопрос волновал очень мало.

Рома насупился:

— За глупую девчонку! Не вздумай к Артуру на помощь лезть, он сам разберется, не маленький и не ребенок...

— Не переживай, не вздумаю, и даже полагаю, что для парней Кларка он окажется не по зубам, слишком они недооценивают сноровку и силы мужчин прошлого...

В ответ Рома гадко улыбнулся, и чтобы не выслушивать очередную пошлость насчет моих познаний в мужчинах прошлого, я быстро поблагодарила его и умчалась к себе.

На сенсо уже лежали высланные директором материалы по делу Геркуланума. Значит, если я надолго исчезну у себя, изучая настройки временного прыжка, никто не удивится.

Вот и замечательно!

Глава пятая

Женщина не должна говорить мужчине, что любит его. Об этом пусть говорят ее сияющие, счастливые глаза. Они красноречивее всяких слов.

Эрих Мария Ремарк

Артур

Я лихорадочно распаковал таинственное послание на бледно-голубой бумаге, нож для писем дрожал в моей руке... Раскрыв, вчитался голодным взглядом.

Это было приглашение на общественный бал:

«Мистер М. С. Флетчер объявляет титулованным и нетитулованным дворянам, что по адресу Портсмут-зал для балов на Хай-стрит в Олд-Портсмут, с началом нынешнего малогс сезона, с четырнадцатого октября, каждый вторник и четверг будет проводиться бал. Начало танцев в одиннадцать часов вечера. Стоимость билета две кроны*»

Внизу была приписка мелким женским почерком:

С нетерпением ждем Вас на первый бал малого сезона. С уважением, ваша Д.И.

Я разволновался. Если бы что-то произошло, Джил не стала бы откладывать встречу на две с лишним недели. Но что же все-таки случилось? Почему она не прошла по дому хотя бы до моей спальни? Хотя все правильно, сколько было бы криков, если бы слуги узрели «утопшую» хозяйку!

*С 1818 одна крона содержала 26,155 г чистого серебра, если две кроны одной монетой в золоте, то они равны 11 шиллингам — недельной стоимости мяса на семью из пяти человек и трех слуг.

Дом постепенно просыпался — то тут, то там слышались шаги, прислуга, разжигая огонь в главном камине, скребла совком по углям. Кто-то на лестнице поскрипывал ведром заполненным дровами. Запахло дымом...

В библиотеку тихо вошла Джейн, внучка старого Хипса, видно собираясь вытереть пыль и прибраться, но заметив меня за столом, извинилась и убежала.

Тут я вспомнил, что еще недавно очень хотел есть. Зашел к себе, умылся, надел сюртук и направился в голубую столовую.

Мисс Кринби чопорно стояла возле длинного стола накрытого белой скатертью. В ее руках был небольшой поднос, на котором ровной линией лежали свернутые салфетки,

вложенные в серебряные кольца из комплекта фамильного столового серебра, с изящно выполненной гравировкой в виде цветов и листьев аканта. Она еще не закончила подготовку к завтраку и сейчас грозно указывала служанкам на мелкие просчеты. Мисс Кринби очень ценила традиции, за что ее уважал мой отец, великий поклонник условностей.

Сегодня моя церемонная экономка выглядела как-то необычно — бледное лицо в тон выбеленному чепчику, под глазами темные круги, дрожащие руки...

Что-то случилось?

Я кивнул прислуге накрывать и сел за стол. Тут в столовую по моему приглашению спустились Лили с Джоном. Лицо мисс Кринби на миг искривилось, этого гневного взгляда, в котором отражалось все разочарование, мне хватило, чтобы понять, что моя гемпширская экономка против присутствия слуг за господским столом.

Ну вот, а я только замыслил расспросить ее, желая помочь. Я жестом показал на стулья возле себя и громко сказал, обращаясь к Лили и Джону:

— Все же я настаиваю на том, чтобы вы, как члены семьи, обедали со мной! — В душе поселилось беспокойное, свербящее чувство досады и вины. Все же я желал, чтобы они здесь отдохнули, а не волновались из-за ничем не оправданного снобизма мисс Кринби.

Джон молча присел справа от меня, он вообще вел себя весьма разумно и сдержанно. Лили покачала головой и тихо устроилась рядом с ним.

По моему знаку подали завтрак. Как всегда по большей части мясной, в этом я был непреклонен. Мисс Кринби то и дело гневно поглядывала на Лили так, словно собиралась хорошенько отчитать упрямую служанку с кухни, но пока все шло спокойно.

Джон и Лили, вспоминая мои шалости и забавные случаи в детстве, когда мы еще жили в деревне с матушкой, скрасили мой одинокий завтрак, превратив его в теплую семейную трапезу. Улыбаясь, я слушал их с тяжелым сердцем — мне все еще предстояло сообщить им об отъезде на «континент».

Нет, я отложу это грустное сообщение напоследок.

Подали чай. Мисс Кинби с отвращением наблюдала, как Лили наливает себе чай в драгоценную веджвудскую* чашку, выполненную под китайский фарфор. Затем она перевела гневный взгляд на Джона, который в бесценном китайском чае ложкой из серебряного французского набора для чаепития в версальском стиле равнодушно размешивал обыкновенные гемпширские сливки.

*Веджвуд — английская фирма по изготовлению посуды конец XVIII–XIX век знаменитая торговая марка. Поставщик королевского двора.

Пока экономка не затрагивала моих гостей, я не счел нужным вмешиваться, так что по окончании завтрака встал и, как положено хозяину, сказал:

— Я сам провожу вас, — поклонился я и повел Лили и Джона к выходу, где их уже ожидал открытый экипаж. Еще за завтраком я уговорил их прогуляться по деревенским магазинчикам, а после с гостинцами навестить родню.

Затем направился к себе в кабинет. Несмотря на предшествующую этому утру бессонную ночь, мне надо было выполнить намеченное. Начав с письма своему поверенному, я увлекся и забыл обо всем, разбираясь с накопившимися делами...

Я сидел в кресле из орехового дерева с желтой бархатной обивкой за своим столом и изучал подготовленную управляющим подборку отчетов, когда услышал, что мой новый

дворецкий Мюинг, буквально на той неделе сменивший престарелого Хипса, пытается остановить настойчивого гостя. Который уже быстро пересек холл и шагнул на лестницу, невзирая на возмущенный возглас слуги:

— Если у вас деликатное дело, буду весьма счастлив, передать ваше послание лорду Инсбруку!

— Нет, в моем визите нет ничего подобного, я здесь по семейным делам... — уверенно отозвался тот.

Видно это показалось Мюингу серьезным объяснением, так что он пропустил гостя и через секунду тот уже появился на пороге моего кабинета.

Изысканный покррой дорогого темно-синего сюртука подчеркивал ширину плеч, да, кузен никогда не экономил на туалете.

— А, родственничек! — удивленно, но без радушия в голосе воскликнул я, дивясь наглости Гаррета. — Давненько ты сюда не жаловал! Что-то в Египте натворил? Что, уже и от мумий в Англии скрываешься? — все так же нелюбезно предположил я, пока мистер Дрейк шел от двери к моему письменному столу.

Однако смутить незваного гостя было нелегко. Приблизившись, он коротко кивнул и, игнорируя мой сарказм, кротко произнес:

— Я сердечно соболезную тебе, брат! Гибель Джулианы стала для меня настоящим шоком! Я даже в страшном сне представить такое не мог!

— Думаю, ты доволен, наследничек? — Я стиснул зубы, глаза налились кровью — мне вновь захотелось его задушить.

Гаррет нервно покачал головой:

— Я... я очень скорблю. Ты не знаешь, но она дважды спасла мне жизнь! — В волнении он застыл перед письменным столом, защищавшим его от меня.

Я не собирался продлевать визит кузена, потому садиться не предлагал, но после его слов, в немом удивлении склонил голову, так как подобного услышать от него никак не ожидал!

Видя мое недоверие, Дрейк продолжал:

— Это длинная история... Я расскажу тебе самое главное. Когда Клей решил, что я ему больше не нужен, он приказал заковать, избить и бросить меня в глухой подвал. Я уже умирал, когда туда же кинули Джулиану. Твоя супруга, избитая и слабая как котенок, в полной темноте вправила мой вывих, потом вытащила меня из горящего подвала и, привязав к коню, отослала из поместья, тем самым спасла от рук головорезов Клея...

Кузен всегда любил драматизм и театральщину, но на этот раз я не сомневался, что все именно так и было.

— Мой доктор позже сообщил, что «неизвестный сельский доктор», излечивший вывих, спас мне ногу и жизнь, грамотно обработав раны...

Злость постепенно утихла, этому способствовало, что Дрейк, на удивление, говорил это совершенно искренне.

— Да, она необычная... — вздохнул я, тут же сурово поджав губы. Еще не хватало сочувствовать Дрейку.

Он печально покачал головой:

— Я тебе так завидовал, и дело не в ее наследстве. Джулиана была настолько предана тебе, что в ее голову даже не пришло, что она сможет жить спокойно, стоит ей оставить тебя.

Если бы... Я тяжело вздохнул, но в чем-то он был прав. Так что довольно резко спросил: — Я так и не понял, что привело тебя сюда? Решил осмотреть, что достанется тебе по завещанию?

Дрейк снисходительно усмехнулся:

— О чем ты? Какое завещание?

— То самое завещание, где мой отец самым нелепым образом поместье и все наследство в случае моей гибели завещал тебе? — сложив руки на груди, ледяным тоном осведомился я.

Гаррет пожал плечами и равнодушно добавил:

— Ну, а что ты хотел?.. Ты против его воли отправился на войну и единственным родственником мужского пола остался я.

— Смешно. А ты от всей души старался заменить ему сына...

— Нет. Но тогда все выглядело логично! Писем от тебя не получали, наследников у тебя не осталось, да и у твоего отца в роду одни девицы малолетние, а мы с ним всегда ладили куда лучше, чем ты с нами!

— Два сапога пара!

Дрейк спорить не стал, но гадко улыбнулся, как только он один умел, и довольно нагло сказал:

— Ты до сих пор его ко мне как мальчишка ревнуешь!

— Нет, я до сих пор гневаюсь! Я вернулся с войны, и тут меня извещают, что мое наследство должно отойти к тебе, если к тридцати одному году у меня не будет наследников!

— Условия ставил он...

— А ты радовался...

— Конечно. По пальцам одной руки можно перечислить титулы в Англии, которые можно передать по завещанию! — и гнусавым голосом герцога Кентского добавил, передразнивая: «Является ли завещание отца высшим законом? Требуется ли высший закон наличия двух свидетелей?»

— Да, и два свидетеля не заставили себя ждать... — с сарказмом добавил я.

Кузен дерзко улыбнулся и равнодушно кивнул.

Я строго на него взглянул. А зачем, собственно, титул, если я собрался к Джил? Однако мне уже не стоило слишком долго размышлять над этим.

— Знаешь... условие его завещания не выполнено, так что титул через год ты все-таки получишь.

Странно, но сейчас меня это вообще не волновало.

— Ты еще успеешь жениться и обзавестись наследником, — отмахнулся кузен. Последняя фраза была произнесена с гадливым смешком. Он бросил на меня выразительный взгляд, говоривший о том, что он обо всем догадался.

Я усмехнулся, если бы!

— Не успею... У меня еще к тебе одно предложение. Я хотел продать свой конный завод герцогу Ремингтону, но передумал. Я знаю, ты любишь лошадей. И хотя тебе абсолютно не верю, но думаю, что матушку и тетушку не станешь обманывать даже ты...

— Я ошачливлен столь высоким доверием, оказанным мне... — скривился кузен, отведя взгляд к стоящим на камине часам. Я проследил за его взглядом, и тут же добавил:

— Так вот... мой завод поделим пополам, за твою половину ты возьмешь все

управление на себя. Те суммы, которые принадлежат мне, ты будешь адресовать моей матушке.

— И что же тетушка будет с ними делать? — и тут же усмехнувшись, добавил. — Или пока меня не было, она увлеклась покером?

— У нее сейчас пять воспитанниц, которых надо обучить вырастить и дать всем приличное приданное.

Гаррет медленно и с удивлением кивнул, будто обдумывал услышанное, потом спросил:

— Ни один здравомыслящий человек не станет наделять конным заводом того, кто пытался его убить... Что это ты задумал?

Он ожидал, что я вспыхну и дам ему под глаз, но Гаррет ошибся, сейчас возня с ним меня абсолютно не интересовала, так что я спокойно оглядел его и невозмутимо ответил:

— Я отбываю в Европу, так что тебе придется взять все в свои руки.

— Ты разорен? — предположил кузен. — Если желаешь, я могу одолжить тебе нужную сумму. Я бы дал тебе в подарок, но ты не возьмешь...

Честно, такого предложения я от него не ожидал, не иначе те злоключения с Джулианой поспособствовали росту его порядочности?

— Нет, Гемпширские имения процветают, как и Ланкаширские маслобойни и шерстяная мануфактура в Йоркшире... на самом деле я просто уезжаю и не знаю, когда вернусь.

Я, наконец, смилостивился и кивнул кузену на диванчик с кожаной обивкой возле моего стола, Дрейк в ответ задумчиво пожал плечами, однако сел, устремив невидящий взгляд в пустое пространство перед ним.

Мы с минуту помолчали... Я со вздохом продолжил:

— Жду поверенного к себе со дня на день... Когда он появится, мы все оформим законно, чтобы ты не сомневался...

— Я еще не озвучил свое решение, — сухо заметил Гаррет и вновь одарил меня недоверчивым взглядом, выискивая каверзу в моем предложении.

Не знаю, что повлияло, но в какой-то момент я увидел брата в другом свете. Он вдруг напомнил мне дикого пса, дворнягу, опасующуюся удара камнем. Недоверие на его лице сменилось удрученным видом, сейчас он вызывал у меня только сочувствие.

Грядущее изменение моей жизни давало мне возможность быть с ним не в меру великодушным, и я предложил:

— Как твоя страсть к охоте? Сложно было с этим в Египте? Небось, с лисиной травлей по английским полям ничего не сравнится?

— Так она здесь все еще в моде? — с великосветской ленцой поинтересовался Дрейк, быстро подстроившись под новую тему для разговора.

— О, по-моему год от года становится только популярней. До первого ноября ездят на охоту incognito, а с первого ноября в «красном кафтане», так что если ты здесь задержишься, то попадешь на нее. Я как раз планировал отправиться через неделю.

Дрейк миг помолчал, потом, не скрывая удивления, заметил:

— Я наивно полагал, что твои нервы все еще расстроены смертью супруги.

подавив желание подняться и вышвырнуть его отсюда, чуть склонив голову, я сухо произнес:

— Думаю, ты прав. Мои нервы действительно расстроены недавними событиями, не говоря уже о твоём грубом вторжении. Я бы хотел вернуться к своим занятиям, если не

возражаешь.

— Но... — Дрейк запнулся, заметив раздражение в моем лице, тут же напустил на себя светское равнодушие.

Я все же поднялся, положив конец разговору.

— Благодарю за визит. Всего доброго.

Стиснув челюсти, Дрейк поклонился и собрался уходить.

Но и тут все испортила моя сентиментальность. Как мне кажется, что подобное размягчение нрава — побочная сторона моего брака. Так как первое, что пришло в голову: Джил бы не одобрила глупую ссору. Пришлось исправляться:

— Где ты остановился? — ожидая ответа кузена, я размышлял об отношении моей супруги к братским отношениям.

Да, она желала, чтобы мы хотя бы попытались не убить друг друга. Милосердно простить подлеца? Хотя ко многому она относится довольно строго — сначала что-либо сломает, а после вряд ли пожалеет, но конкретно в вопросе братской дружбы она была непоколебима.

Кузен, внимательно наблюдая за мной, наконец, ответил:

— Пока нигде... Я только что прибыл сюда, верхом.

Я кивнул.

— Оставайся у меня, выпишься... Мой камердинер будет к твоим услугам.

Гаррет резко втянул воздух, словно мое предложение что-то в нем глубоко задело.

Я взял колокольчик с подноса и вызвал экономку. В дверь тотчас вошла миссис Кринби, со строгим выражения на лице, в скромном платье из серой саржи и белом крахмальном чепце и фартуке.

— Подготовьте для гостя лиловую комнату и обеспечьте всем необходимым...

Когда «образец общественных условностей», кивнув, вышла, я предложил кузену:

— Давай я провожу тебя... мне как раз надо найти мистера Моуди и обсудить с ним пару вопросов по имению.

Входя в лиловую комнату для гостей, Гаррет внезапно рассердился, остановился на пороге, повернулся ко мне и сквозь зубы сказал:

— Ты был бы последним глупцом, если бы простил меня!

— Я и не простил... Просто из двух зол выбираю меньшее...

Я поклонился и вышел.

Джил

Глотнув пилюлю для укрепления, вместо еды и прочих так не вовремя отвлекающих телесных нужд, позабыв обо всем на свете, я сутки изучала учебник Ромы, постигая азы программирования переходников.

Передвижение по ленте времени и в пространстве открыли не так давно, чуть больше полвека назад. До сих пор на этом поприще многое делалось с опаской, так как никто точно не знал, какое действие может пагубно отразиться на истории человечества. По это же причине подобное передвижение было разрешено только паре научных институтов, одному биологическому центру на соседней станции, ну и конечно военным.

Современных учебников на эту тему, с мгновенной установкой на подкорку головного мозга, в широком доступе не было, эта информация считалась государственно-важной, а

такие учебники, как дал мне Рома, невозможной редкостью. Когда его писали, ученый мир не до конца осознавал, к чему могут привести подобные знания, если оставить их в свободном доступе.

Да и Земле тогда нужны были специалисты в этой области, потому на начальном этапе писались книги, а основы временного перехода, как последнее достижение физиков, преподавались студентам повсеместно. Это долго не продлилось, для того, чтобы пересмотреть отношение к свободным знаниям в этой сфере, хватило «усилий» одного талантливого математика, который своим грубым вмешательством вызвал в прошлом настоящую войну.

Подробностей я не знала, но поговаривали, что исправлять его вмешательство пришлось не только историкам, но и военным. Хорошо, что смогли заметить вовремя, а то так бы и жили, считая, что та война состоялась и привела к расколу материков и изменению климата...

Я привыкла теорию постигать мгновенно, так что над учебником мне пришлось в буквальном смысле попотеть. Как настроить переходник поняла сразу, но решила разобраться в тонкостях работы до конца. Хоть практика давалась мне легко, все же пару раз пришлось помучить вопросами Рому.

Первое время переходники никак не хотели меня слушаться. Два из них испортила я, один оказался бракованным, но это узнала уже от Ромы, который нервно тыкая в нужные точки схемы, гневным шепотом проклинал минуту, в которую решил мне помочь...

Через два дня учебы я была вымотанная, дико голодная, но безумно довольная. Как показал инструмент настройки, оставленный Ромой, мои переходники вели в точно заданную точку, так что в случае сложной ситуации я могла заменить техника по этой специализации. Конечно, до опытного специалиста мне далеко и, пока хорошо разбиралась только в теории, но временные переходы мне стали все-таки уже подвластны.

Однако закончив с обучением, я вновь окунулась в свои проблемы и, шагая по квартире из угла в угол, уже несколько часов не находила себе места. Взгляд впустую блуждал по искусственным стенам спальни, меня же волновало только одно, что же там творится в XIX веке? Удалось ли Артуру отбиться от посланников Кларка? Или он уже ничего не помнит?

Эта мысль обожгла грудь, от боли аж дыхание перехватило.

Скинула комбинезон и пошла в душ... Термокабина закрылась за мной с тихим шипением. Не время страдать, надо взять себя руки. Что я могу сделать, чтобы узнать, что с ним?

Жаль, что на станции вода в рассеянном виде, в Лондоне XIX века я полюбила ванны с живой натуральной водой.

Молекулы, бившие по коже под давлением, заодно совершали легкий массаж. Если принимать душ с закрытыми глазами, казалось, что гуляю по пляжу вдоль океанского берега. Жаль, пахло здесь скорее озоном после грозы, чем морской водой. Хотя можно было заказать для себя на это время реалистичный эффект пребывания, где угодно, хоть на Северном полюсе...

Я голосом остановила подачу воды. Включилась сушка, руки и ноги автоматически очистили от ороговевших частиц. Волосы завились по моему желанию в упругие колечки... Руки в порядок я приводить не стала, хотя нервничая, обломала все ногти.

Ожидая, пока медленно скользящая в нишу дверь выпустит меня наружу, я с горечью думала о том, что столько всего выдуманно человеческим гением за это время, а проблемы

остались те же самые... Одиночество, поиски счастья, желанию любви. И, если даже повезло это все найти, как вовремя оценить и удержать?

Я вышла из кабины, словно заново родившаяся Афродита из пены.

В голове вертелся вопрос: «Как я могу выяснить, что с мужем?».

Ответ был один: только самолично явиться в дом Артура или найти другую возможность поговорить. Осталось только узнать, где он будет в тот момент. Но это невозможно. Он может выехать на прогулку, спать в соседней комнате, и мне без помощи хрононаладчиков не удастся это выяснить и появиться в нужный момент.

Идти искать его на свой страх и риск? Но для всех я утонула. Да и Кларк, я уверена, точно поставил на контроль мое присутствие на станции и, конечно, все личные прыжки историков. Единственное, что он не станет проверять — официальные отправления тех, что идут через Наташу, а это значит... значит... что ей пора исполнить свою мечту и наконец попасть в прошлое!

Да, назад в Англию XIX века. В голове созрел план, я мгновенно высушила волосы натянула свежий костюм и направилась к подруге.

Глава шестая

У самого злого человека расцветает лицо, когда ему говорят, что его любят. Стало быть, в этом счастье. Лев Толстой

Артур

Когда я занялся разведением породистых лошадей, то достиг в этом деле настоящего успеха. В свете мне приписывали какую-то мистическую удачу, так как на момент покупки первого скакуна, я был обременен немалыми долгами, разоренным поместьем и развалившейся маслобойней.

Первым делом я возобновил добычу на заброшенном оловянном руднике в Корнуолле*. Вложил в него деньги, вырученные за продажу офицерского патента, положив начало работ закупкой новых механизмов для подъема касситерита (оловянный камень).

*В 445 году до нашей эры древнегреческий историк Геродот назвал Британию «касситеритовыми», или «оловянными» Островами.

Восстановив и наладив производство, закупил машины для Йоркширской мануфактуры и увеличил производство на маслобойне. Первые два года я спал пять часов в день, вставал до рассвета, чтобы лично проследить за делами, ездил из Корнуолла в Йоркшир. Хотя это и выглядело логично, никто даже не подозревал, что мне это нужно, дабы уставать так, чтобы мои сны не утопали в крови и взрывах.

Сейчас же мне надо все это цветущее и доходное хозяйство пристроить в надежные руки. Хотя с этим проблем не будет, аристократам позволительно заниматься только землей и тем, что она приносит, так что все мои предприятия станут достойным приобретением для любого джентльмена, который хочет сколотить приличное состояние.

Конный завод я отпишу кузену. Дом в Гемпшире вскорости и так перейдет ему по завещанию моего отца. Но вот земли поместья, проданные папашей за карточные долги, восстанавливал я самостоятельно, скупая по кусочку у соседей.

Кому их передать? Опять Гаррету. Я ему их продам, а вырученные деньги положу на матушкино имя.

В душе был сумбур. С одной стороны мне было жалко отдавать то, во что вложено столько души и сил, но с другой стороны я уже не мог мирно жить, накапливая золото, чтобы спустить его на скачках за Лондонский сезон! Купить еще два экипажа? Сшить полтора десятка самых изысканных туалетов у модного портного? Купить услуги опытной куртизанки?

Нет, этот смысл жизни не для меня.

Проводив Гаррета отдыхать, я встретился с мистером Моуди, управляющим, чтобы обсудить с ним продажу конного завода. Он, по моей просьбе, решил не уходить со своей должности и даже пообещал не оставлять нового хозяина без помощи и подсказок. Но раз мой управляющий согласен за ним приглядеть, то за завод я спокоен. Если кузен захочет, я продам ему все остальные свои предприятия; не захочет, поручу продажу мистеру Моуди.

Завтракая на рассвете горячими бисквитами гемпширского повара, я задумчиво смотрел в окно. Непогода не добавляла радости к моему и так скверному расположению духа. Ветер по-осеннему выл, сгибая верхушки деревьев в парке, море шумело. Меня настигла знаменитая на весь мир английская хандра — сплин.

Гаррет пока за завтраком не появлялся, видно сильно утомился в дороге.

С места двигаться не хотелось, ничего не хотелось... Борясь с унынием, я заставил себя выйти из дома, собираясь прокатиться на коне.

Пока запрягал Красавца, отпустив сонного конюха, мечтал о том, что Джил вдруг появится рядом и составит мне компанию. Но так никого не встретив, кроме пьяного бродяги возвращающегося домой, наконец, отправился на прогулку.

Но отдохнуть и легкомысленно прокатиться так и не получилось, вместо этого я объезжал свои владения, привычно по пунктам составляя план работ по подготовке поместья к зиме. Управляющий управляющим, а без хозяйского глаза никак!

Опустив взгляд, обдумывая последние события, я торопливо шагал по коридору к столовой, не желая, чтобы из-за меня еще больше задерживали поздний ужин. Но распахнув дверь, застал немую сцену.

Мисс Лили стояла у стола, явно лично пытаюсь помочь рыженькой Джейн накрывавшей на стол. Джон, сцепив руки за спиной, с яростью смотрел на женщин. Над ними, сжав руки в кулаки, гневной тенью возвышалась моя гемпширская экономка.

В момент моего появления все замолчали. Лили виновато улыбнулась, молоденькая Джейн покраснела, Джон расслабился, собираясь привычно поклониться.

Я обвел взглядом присутствующих гостей и прислугу, поприветствовал их, жестом отпустил взволнованную девушку и строго спросил мисс Кринби:

— В чем дело? С каких это пор в моем доме слуги спорят с гостями?

— Гостями? — возмущенно повторила она, скрипнув зубами. — Гостями?! — На этот раз словно было преисполнено яростного презрения.

— Не думала, что после стольких лет преданного служения доживу до подобного унижения! — На столь мрачной ноте мисс Кринби развернулась и покинула столовую.

Я пригласил гостей сесть.

— Вот же... — буркнула Лили, опустив смущенный взгляд в тарелку.

— Не стоит обращать внимания, это легко исправить... — заявил я, позвонив в

колокольчик. Никто подавать нам ужин и не думал, сидение за пустым столом стало выглядеть глупо.

Я безумно устал. Был голоден и зол, так что, полыхая гневом, скинув льняную салфетку под ноги, рывком поднялся из-за стола.

— Не потерплю дерзости в своем доме! — Я швырнул смятую салфетку с кольцом в пустую тарелку и шагнул к двери. Но за дерзкую экономку, как ни странно, заступилась мисс Лили.

— Не надо, Артур! Она столько лет служит тебе верой и правдой. Не стоит ее за это наказывать. Давай я схожу...

— Нет!

— Артур... — Лили, опустив голову, тяжело выдохнула, — не стоит. Мне было бы тоже не по себе в такой ситуации, и моя вина, что я не сдержалась. Она так гневно отчитывала бедную девочку...

— И ты кинулась ей помогать? — немного остыв, усмехнулся я.

— Да, понимаешь, я пришла в этот дом такой же девчонкой и сначала тоже прислуживала за столом. Тогда здесь экономкой была моя тетушка, золотой души человек. — Опустив взгляд к тарелке, мисс Колобок минуту помолчала, кремовые кружева на ее чепчике дрогнули, когда она подняла голову и подвела итог:

— Я понимаю, когда ругают молодую прислугу за проступки, лень и небрежение, но не могу смотреть, когда вытрясают душу из тех, кто слабее из-за плохого настроения. Но все же миссис Кринби увольнять не стоит.

— Возможно, ты права. Но в любом случае я не позволю ей оскорблять людей, по сути, ставших мне вторыми родителями!

Пока Джон, с благодарностью молча глядел на меня, Лили разрыдалась, зарылась в платок, всхлипывая:

— Мне... Я так... Ты всегда был моим мальчиком! Я полюбила тебя, как увидела... Рыженький, пухленький... и так задорно смеялся! — Рассказывая это, она и всхлипывала, и улыбалась, качая головой.

Чтобы скрыть замешательство, я неловко погладил ее по ладони, и предложил Джону в ожидании ужина вместе со мной угоститься замечательным хересом, который стоял в графинчике на буфете.

Наблюдая за мисс Лили, которая вытирая глаза платочком, вышла, чтобы заняться ужином, я наливая нам херес, размышлял о том, что я не раз был зол, нет, даже взбешен словами своей нянечки, а позже экономки, и много раз хотел поставить Лили на место, напомнив, что кто ее господин, но быстро раздумывал. Зная по опыту, что подобные слова не производят на нее никакого впечатления. Слишком трудно, впечатлить какими-то словами того, кто менял тебе в детстве пеленки. С Джоном у меня таких проблем не было, но к нему я и не был привязан как к Колобку Лили.

Ужин, наконец, состоялся. После него я тщетно ожидал в библиотеке появления Джил и, так и не дождавшись, на рассвете уснул.

В субботу утром приехал поверенный и, не мешкая, я отписал обещанное имущество кузену, а деньги официально оставил маман.

Мне осталось наладить кое-каким мелочи. По присланному приглашению попасть на общественный бал. И, наконец, отправиться в будущее к Джил.

Жалел ли я о том, что все оставляю? Наверно — да, но совсем немного.

Гаррет на глаза мне не попался и даже не явился для подписания документа на владение половиной конного завода. Так что обещанную часть моих владений я отписал ему как дарственную, недоумевая, что могло помешать его появлению. Позже выяснилось, что куда-то пропал его экипаж с багажом и слугами, а Дрейк тщетно пытался их разыскать.

В воскресенье, отстояв службу в храме, выстроенном моим дедом на границе поместья, я внезапно решил после завтрака отправиться на лисью охоту.

Мое приглашение у Гаррета было, но он в очередной раз дерзко проспал богослуженье. И присоединился к нам только когда мы с Лили и Джоном после службы приступили к позднему воскресному завтраку. Экономка, мисс Кринби, тем вечером самовольно ушла из поместья, лишив себя всех положенных выплат и Лили пришлось взять на себя все дела. Чему я, несомненно, был рад, так как меня уже изрядно раздражал осуждающий взгляд миссис Кринби.

Отложив вилку, я обернулся к Гаррету:

— Я хотел бы сегодня поохотиться. Пока сезон официально закрыт, возьму с собой только пару гончих... Ты составишь мне компанию?

— Я согласен, — коротко ответил кузен и, промокнув губы салфеткой, потянулся за чашкой.

Но тут возмутилась Лили:

— Как можно охотиться в воскресенье? Это против всех божеских правил!

— Я посетил воскресное богослужение. Выслушал Евангельские притчи с пояснениями старого vicария, а теперь, в оставшуюся часть дня, имею право делать, что мне угодно! — почти как упрямый подросток заявил я. Меня злил любопытный взгляд кузена, который внимательно посмотрел на Лили, явно ожидая моей реакции. Но я не собирался пояснять ему какие отношения связывают меня с близкими.

— Я боюсь за тебя, Артур... поезжай завтра, — попросила Лили, но я, скорчив страдальческую гримасу, не стал тратить силы на споры с упрямой мисс Колобком, быстро выпил шоколад и, кивнув Гаррету, отправился на конюшню.

Я укоротил свои стремена на две дырки, выправляя их под охотничью посадку, на случай, если лошадь тянет сильно вперед, буду сидеть немножко наклоненным вперед и держать шенкель чуть позади. Кроме всего этого, зацепил к седлу Красавчика старые ножны палаша.

Заодно попросил молодого конюха оседлать Буйного Грома для Дрейка. Прекрасный образчик коня, оставленного в поместье в качестве производителя Буйный Гром, был родным братом моего скакуна.

Спокойно готовился к охоте, поджидая кузена, но Гаррет, согласившийся за завтраком поехать со мной, в конюшне так и не появился, и мне пришлось подняться к нему за разъяснениями. Все оказалось так тривиально — ему нечего было надеть, карету с его багажом так и не отыскали.

Я приказал камердинеру отдать свой новый охотничий костюм из серой замши кузену, а самому подготовить бордовую куртку и старые замшевые бриджи, надеваемые на охоту еще до войны. Затем захватив свой шотландский палаш, спустился вниз.

На мою радость Лили куда-то ушла и мне на глаза не попала, и провожал меня один Джон, который в воскресной охоте ничего преступного не видел.

Минуя сад с беседками и заброшенный лабиринт, мы выехали по гравийной дорожке в сторону полей. Гончие отца, уже отяжелевшие от старости, весело неслись вперед, словно

вспоминая вольную юность, а у нас с кузеном беседа не клеилась.

Наконец он спросил:

— Ты слышал анекдот о «Большой охоте на кроликов»? — Я, отрицая, покачал головой. Гаррет уточнил. — Про ту, что была организована Александром Бертье, начальником штаба армии Наполеона I, чтобы польстить императору?

Я не любил выскочку корсиканца, но готов был выслушать анекдот брата с охотой. Гаррет весело начал рассказ:

— С истинно военной дотошностью он организовал все вплоть до мельчайших деталей, включая и пышный завтрак, предшествовавший всем этим событиям, а также группы барабанщиков и держателей ружей, сопровождавших охотников. Чтобы обеспечить достаточные запасы дичи, Бертье держал сотни кроликов наготове. Но, к сожалению, к моменту охоты они стали слишком ручными. Когда Наполеон выступил вперед, чтобы начать отстрел, кролики окружили его. Они по ошибке приняли царственного охотника за егеря, который ежедневно кормил их салатом. Конюшие напрасно пытались отогнать голодную стаю. Наконец императорский двор и охотники были вынуждены вернуться в Париж, разгневанные кролики продолжали преследовать кареты до дворца...

Я рассмеялся, представив Наполеона в панике удирающим от голодных кроликов.

После этого анекдота из наших отношений ушла былая напряженность, и Гаррет почти по-братски похвалился своим новым оружием:

— Ты видел новинку? — он гордо протянул мне свое ружье. — Я купил его в Патентной ружейной компании Форсайта*, той, что на Пикадилли (Лондонский район).

*В 1807 году шотландский священник Александр Форсайт получил, пожалуй, один из наиболее значимых патентов в истории огнестрельного оружия. Он изобрел замок, в котором пороховой заряд воспламенялся от детонации гремучей ртути.

— Я слышал о них... что еще нового изобрели? — лениво поинтересовался я.

— Непроницаемый для сырости запал. Благодаря полному воспламенению заряда удастся увеличить силу боя ружья примерно на треть! Показать?

Я кивнул, внимательно разглядывая оружие кузена, с удовольствием ощущая приятный вес в руках.

По форме медный колпачок напоминал миниатюрную верхушку шляпы, заполненную детонирующим веществом. Ее надели на специальный ниппель на запальном отверстии, куда закладывался порох. Спусковой механизм был достаточно простым, ибо для воспламенения требовалось только ударить колпачок специальным молоточком.

— Такое решение предложил английский мастер Джошуа и теперь его применяют оружейники Эгг, Ментон и Парди.

— Да?! — я немного неискренне покачал головой, удивляясь. — Ну, если лучшие оружейники взяли это изобретение на вооружение, значит и мне стоит его купить.

Раньше бы такое открытие меня, несомненно, впечатлило, и я тотчас бы послал в Лондон слугу сделать заказ на новое ружье, но, увы, сейчас у меня в мечтах было изучение «Железного Поттера» Джулианы. Никакой фантазии не хватит представить, как из столько крошечной трубки, возможно выстрелить чем-то опаснее спички. Возможно, в его заряде яд?

Раздумывая над этим, я пришпорил Красавца, направляя к лесу. Гаррет спокойно следовал следом. Гончие унеслись довольно далеко, так как их не было слышно.

Раздался выстрел. Конское ржание.

— ...Сзади! — Истошный вскрик брата заставил меня резко увести коня за дерево, и выхватить кавалерийский палаш из ножен.

Новый залп сопровождался глухим гортанным криком — конь Гаррета, никогда не бывший на охоте, испугался выстрела и понес. Раненый кузен вылетел из седла и грузно рухнул на землю.

Сердце бешено колотилось от волнения и от ярости. Я пришпорил коня и мгновенно настиг нападавшего. Он был в старом темно-зеленом мундире королевских стрелков без знаков различия, в его руках винтовка Бейкера — значит, напавшие рядятся под элитных стрелков Его величества Георга IV!

Лезвие палаша во всю длину вспороло стрелявшему предплечье, и он, закричав, упал на одно колено. Второй, с ружьем на плече, ловко бросился на землю и откатился в сторону, тщетно пытаясь выстрелить.

Склонившись над ним с палашем в руке, я угрожающе осведомился:

— Что оставить? Руки или ноги?

Но он чем-то выстрелил. Я поднял на дыбы умного Красавца, увиливая от сети, которая словно облако паутины пронеслось рядом, едва не задев мою щеку.

Я спрыгнул с коня, собираясь ударить врага палашем, но тот не собираясь сдаваться, выстрелил повторно, на этот раз точно спеленав бесцветной паутиной Красавца. Конь упал, на миг отвлекая внимание нападавшего.

Приставив острие клинка к шее стрелка, я приказал:

— Брось оружие или я снесу тебе голову! — В траву полетела серая трубка. Руки чесались добить мерзавца, но разум останавливал от поспешных решений. Я перехватил у него ружье, взвел курок и наставил его на второго неприятеля.

— Теперь вставай, освобождай моего коня и убирайся туда, откуда пришел! И дружка своего забери!

Тот, с опаской на меня оглядываясь, спешно подошел к истекавшему кровью собрату и, водрузив того на себя, потащил к опушке леса. Видимо, чтобы незаметно убраться отсюда.

Я кинулся к Гаррету.

Он стонал, кровь с шипением и бульканьем вырывалась из отверстия в груди. Вот тебе и убивать не будут... Рана Гаррета была смертельной. Он задыхался. Я уже видел такие кровавые дырки в легких. Оборвав край рубашки, склонился над братом, пытаюсь остановить воздух куском ткани. Промокая кровь, я прошептал:

— Я затащил тебя на охоту, а ведь знал...

Гневаясь на свое скудоумие, едва сдержал рык бессилия и злости. Любой самый бешеный гнев, был бы сейчас слабее чем досада на себя. По моей просьбе люди следили за появлением незнакомцев. Недавно мне сообщили, что мимо поместья шли двое вооруженных бродяг, слуги ясно слышали бешеный лай соседских собак, которые яростно встречали незнакомцев в потрепанных мундирах. И что сделал я? Бессмысленно подставился под удар!

Гаррет, наблюдая за моими потугами его спасти, криво усмехнулся, выражение его лица смягчилось, на нем появилась улыбка.

— Бродя по пескам Египта под жарой невыносимой для моей английской крови, я до болезненного кома в груди желал попасть к себе, в северный Норфолк, на лисью охоту. Я все бы отдал, чтобы скакать по утренним покрытым туманом полям и видеть, как встает

солнце...

Я только с молчаливым сочувствием посмотрел на брата. Да, понимал его тоску. Чистота осеннего утра, красота природы и полет на лошади... но с некоторых пор для появления благости души не хватало, чтобы, упиваясь и делясь радостной улыбкой от прекрасного утра, радуясь каждой мелочи, рядом скакала Джил.

Да, Джил. Я вынул тут шкатулочку и приложил к руке кузена. Тут же на белом коробке замигала красная точка, из коробочки появилась игла, которая на короткий миг вошла в кожу и тут же исчезла.

Криво усмехнувшись, я похлопал кузена по руке и сказал:

— Ты так говоришь, будто умирать собрался. Даже не надейся, что натворив столько бед, ты спокойно уйдешь! Нет, теперь ты, как примерный сын и племянник, будешь следить за семейным достатком, женишься, и произведешь потомков, которые начисто изведут скверный след крови нашего деда...

— Или оставят свои, еще хуже... — со смешком хрипло закончил брат.

— А ты на что? Будешь наставлять их на путь истинный. Рассказывать, как плохой человек вновь вступил на путь благоразумия и чести, — с легким сарказмом закончил я.

— Тебе бы викарием стать, я бы ходил на твои проповеди, чтобы посмеяться.

Кузен заметно засыпал, из раны перестала пузыриться кровь. Ломая голову, умирает он или все же поправляется от непонятного лекарства Джулианы, я подложил ему под голову свою куртку, и осмотрел сломанную ногу. Кость торчала над кожей, без опытного медика не обойтись.

Вернулись из леса взволнованные выстрелами гончие. Я подошел к коню, с которого словно легкий шелк сползла сеть воинов из будущего и, прикрепив поводья к седлу, хлопнул по крупу, приказывая:

— Домой, Красавец! Домой!

Мой умный друг вместе с собаками понесся в усадьбу с вестью, что хозяину нужна помощь. Надеюсь, Лили догадается прислать доктора. Осталось дожидаться помощи... или нового нападения. Эти вояки из будущего играют со временем как младенцы с лошадками — надо быть готовым ко всему.

Мне повезло, что растерявшись, они не стали сражаться дальше. Я видел Кларка в бою — это удивительное и страшное зрелище.

На всякий случай перезарядил ружье, поднял палаш и прикрепил его к поясу.

Лес жил своей жизнью, где-то в кронах щебетали плашки, ветер перебежал с места на место, охлаждая жар, солнце висело почти над нами. Ярко пахло осенью.

Отыскал во влажной траве коробочку с сетью, но что-либо сделать с ней не смог: то ли заряды кончились, то ли я не отыскал рычаг. Очень скоро появились слуги, и исследования пришлось отложить.

Джил

Я тронула пальцем кусочек карты, и ты автоматически нас проинформировала:

— Хэмпшир, или Гэмпшир — графство на юге Англии. Столица — Уинчестер, крупнейший город — Саутгемптон. Другие важные портовые города — Госпорт и Портсмут.

Я с надеждой посмотрела на Наташу и произнесла:

— Думаю, в Портсмут мы и отправимся. Давно попасть туда хотела! — Это ведь совсем

близко к владениям Артура!

Наташа дождалась, когда мой взгляд устремится на нее, выдержала паузу, и только когда я уже была готова взорваться от нетерпения, взяла булочку с котлетой из корзинки на столе и с невозмутимым видом объявила:

— Едем, конечно, я столько лет мечтала побывать в прошлом!

— Не боишься? — любопытно спросила я.

— Боюсь, но мы же никому не скажем? — заговорщицки улыбнулась Наташа, накручивая на палец конец светлого локона.

— А как прикроем наше отсутствие на станции? — откинувшись на спинку дивана и удовлетворенно сложив руки на груди, поинтересовалась я.

— Скажем всем, что поедем отдыхать на Землю, только время не укажем. Ты же свой отпуск не отгуляла?

Я молча покачала головой, опасаясь, что конкретно Кларк таким объяснением не удовлетворится.

— Значит, решено! Только я хочу попасть сначала в Лондон, ты столько о нем рассказывала, я просто мечтаю хоть одним глазком глянуть. — Наталья мечтательно улыбнулась. — Да, у тебя скоро отправка в Неаполь, так что или сегодня... или никогда!

Но хоть в этом полностью согласная, кивнув, я подошла к двери:

— Ладно. Вот так слепо и рискнем. Все, пошла переодеваться. Встречаемся у камеры перехода!

— Джил, какие же мы с тобой авантюристки, — поежилась от восторга Наташа.

Я подмигнула:

— Главное, не терять времени! Используем свой шанс на все сто процентов!

Глава седьмая

Первый признак любви у мужчин — несмелость. Первый признак любви у женщин — смелость. В. Гюго

Джил

— Все в порядке, миссис Соун. Спасибо за заботу, — с улыбкой поблагодарила я, глядя на тарелку с натуральной едой, за которой успела жутко соскучиться. — Прекрасно, просто замечательно пахнет.

— Сию минутку, миссис Браун... — Миссис Соун поставила мою тарелку на стол и побежала на кухню.

Я сидела рядом с Наташей, чувствуя на себе ее счастливый взгляд. Сбылась ее хрустальная мечта и, наконец, она в прошлом.

Мы прибыли в Портсмут вчера вечером, так как днем оказались недалеко от пригородной станции дилижансов, там же наняли экипаж и выяснили, где можем снять дом на подобии пансиона.

Домик миссис Соун оказался очень милым. Небольшой английский особнячок, с узкими коридорами и маленькими довольно темными комнатками. Вокруг которого росли розы, жимолость и другие растения, названий которых я не знала.

Хозяйка, милая дама лет сорока в белоснежном чепчике, радушно приняла гостей и тут

же выделила нам по комнате. Мы пояснили ей, что прибыли сюда потому, что якобы разыскиваем старую родственницу, живущую в Портсмуте.

Сочувствуя горю, по рассказанной версии Наташа осталась сиротой и миссис Теккерей, которую мы ищем, ее единственная родственница, доброжелательная хозяйка пообещала расспросить о ней знакомых и друзей. А сейчас кормила нас чисто английскими блюдами.

— Не верю... Как же замечательно! Джи, ну никак не верю, что мы здесь! — Наташа, осматривая небольшую столовую, все еще пребывала в полном восторге от происходящего и от собственной смелости.

Я ответить не успела, наша хозяйка быстрым шагом вновь вошла в столовую, неся на подносе еще одно блюдо.

— А это вам, мисс Уддел. — Она поставила перед Наташей морковный пудинг, и, ожидая благодарности, застыла возле стола.

Ох, наблюдая за нашим столом за появлением разномастных овощей перед Наташей, я поняла, что совсем позабыла о местном воззрении, что мясная и острая пища не подходит молоденьким леди. Так как я дама пожилая, солидная, немного за тридцать — Ната заgrimировала, постаралась! — то мне положили кусочек бараньей грудинки с горошком и грибным соусом.

Я любезно поблагодарила заботливую миссис за нас обеих:

— Спасибо, миссис Соун, я думаю, мисс Уддел по достоинству оценит ваши старания — что может быть лучше пудинга для молодой леди!

Миссис Соун, поклонившись, засияла от похвалы.

Смеясь про себя, я наставительно сообщила:

— Молодым леди следует воздерживаться от мяса, — и на греческом добавила. — Привыкайте, мисс Уддел.

Наташа, здесь мы ее звали мисс Джейн Уддел, криво улыбнулась, изображая благодарность, когда хозяйка покинула столовую, на какой-то момент возвела глаза под потолок и принялась отрешенно копать в сладкой морковке.

Я легко уговорила подругу сначала посетить знаменитый общественный бал.

— Ну что может быть интереснее бала для молодой девушки из будущего? Платья и украшения у нас с собой, осталось прикупить приятные мелочи: перчатки, веера, ленточки и прочие милые сердцу мелочи. Кстати, тебе кусочек мяса дать?

Она покачала головой — нет, но, кажется, Наташе мой аргумент о нарядах пришелся по душе, и она с радостью согласилась прогуляться по магазинам. Хозяйка, поддерживая наш замысел, рекомендовала в качестве сопровождающей свою подругу, миссис Бирд. Вдову купца, в девичестве — леди из обедневшей аристократической семьи, которая благодаря многочисленной семье и теперь имела прочные связи с местными сливками общества.

Вечером, пока утомленная, но счастливая Наташа в гостинной в третий раз рассматривала покупки, торопясь, чтобы никто не обнаружил мое отсутствие, я отправила письмо Артуру в библиотеку, используя переходник. Так как вся эта поездка затевалась, с моей стороны, чтобы убедиться, что он жив, здоров, и с нападавшими справился. И, конечно, не забыл меня. Но еще, и это главное, — мне безумно хотелось его увидеть!

Но, увы, эта часть замысла не сбылась. В библиотеке никого не было. Так что я полностью сосредоточилась на предстоящем балу.

Благодаря стараниям Луизы, горничной француженки, рекомендованной нам миссис

Бирд, Наташа полностью наряженная сидела перед зеркалом. Она пыталась прикрепить чуть ниже тоненькую косичку, украшенную атласными бантиками-шпильками, чтобы та красиво провисла над ухом. Модное шелковое платье с атласными окантовками сидело на ней просто великолепно, ее белые балльные туфельки я лично украсила кружевными бутончиками, какие носила в бытность графиней, так что она была просто красавицей. Чем вполне наслаждалась.

Я же наслаждаясь тем, что в отместку за ужасный грим и тоскливое серое платье престарелой компаньонки, мучила Наташу инструкциями:

— Сильно не глазей, без представления с незнакомцами не разговаривай, если что, сразу кивай на меня. Или зови на помощь.

— Джил, да ты совсем в роль матроны вошла. Ты забыла? Мы здесь для того, чтобы повеселиться.

Я тяжело вздохнула, завидуя ее ничем не отягощенной радости.

— Угу, надеюсь, наше веселье не войдет в учебники истории, в качестве предупреждения будущим авантюристам.

— Ну что ты! Мы ведь с тобой умненькие-благоразумненькие и такие, оказывается, милые!

Она вскочила с пуфика и принялась кружиться перед большим обвальным зеркалом, пренебрегая прической.

— Несомненно, отключить контролера, и смыться в прошлое, самое, что ни на есть, благоразумие, — насмешливо ухмыльнулась я. — Вот твоя накидка. Судя по звукам, экипаж миссис Бирд уже здесь, да и Луиза внизу ждет нас. Ну, пошли...

Я ворчала от того, что просто не знала как скрыть свое волнение. И, увы, это было не радостное предвкушение праздника, как у Наташи, это был страх, что с Артуром что-то случилось.

Мы довольно быстро погрузились в карету, изнутри отделанную бежевым бархатом, видно вдова купца действительно очень богата, чем объяснялся ее успех у аристократической родни.

Рассмотрев аккуратно уложенные подушки, я устыдилась собственного цинизма. Миссис Бирд, по местным меркам пожилая женщина, — сорок три года, здесь глубокая старость — очень доброжелательная и симпатичная особа, неограниченные средства которой, конечно играли свою роль, но все же... Она отослала за нами свой экипаж, так как сама отправилась на бал с сыном и его другом.

Кучер убрал порожки, и карета тронулась в путь.

Мы жадно смотрели в окно, изучая расположение и архитектуру центральных улиц Портсмута, с интересом разглядывая дома с блестящими дверными молотками и медными табличками.

Видимо следуя указаниям хозяйки, кучер съехал с дороги и направил лошадей к высокому строению. Вскоре карета остановилась перед великолепным домом. Я ничего о нем не знала, и сделала себе заметку, выяснить это попозже.

На входе в зал лакеи помогли снять и унесли в комнаты для дам наши накидки.

Как нам любезно пояснила миссис Бирд, традиционно эти балы давались в честь нового урожая, и проводились до начала рождественского поста. Я понимала, что с аристократическими частными балами Лондона им великолепием не сравниться, сюда приглашали слишком разномастную публику, но само здание меня очаровало.

Рядом Наташа тихо прошептала:

— Боже мой, я хочу это запечатлеть!

Я тоже остановилась завороченная красотой зала. Высокие мраморные колонны, увенчанные позолоченными фигурками граций, привлекали взгляд к сводчатому потолку, обильно украшенному изображениями греческих божеств.

— Самый расцвет классического стиля.

Наташа кивнула, оглядываясь.

В просторном зале с обитыми парчой и бархатом стенами чинно расхаживали джентльмены в строгих черных фраках и дамы в не очень роскошных, но все же очень нарядных туалетах, а вокруг горели сотни свечей. Разговоры велись вполголоса, как того требовали правила хорошего тона, при этом я физически чувствовала на себе жадное любопытство, которое излучали их взгляды.

Хотя, если честно, мы с Наташей смотрели на всех с не меньшим интересом.

Центр зала, выделенный для танцев, окружали мягкие скамьи на львиных лапах, по краям стояли обитые кожей диваны. Здесь не угощали, видимо отплаты в две кроны на это не хватало, но в остальном все было великолепно.

У входа мы встретись с миссис Бирд, которая вяло помахивая веером, радушно улыбнулась мисс Джейн (Наташе) и вежливо кивнула мне:

— Я надеюсь, вам понравится наш праздник.

Наташа рассыпалась в благодарностях и душевно уверила нашу патронессу, что всю жизнь с восхищением будет вспоминать этот праздник и доброту миссис Бирд, оказавшую нам честь своим приглашением.

Благосклонно выслушав нашу признательность, любезно кивнув, леди удалилась беседовать с другими знакомыми. Я склонилась к Наташе и прошептала:

— Знаешь, я думала, все будет гораздо проще. Но здесь все как в Лондоне: красавицы, джентльмены, апельсиновые деревья в кадках и даже ломберные столики на троих вдоль стен.

Она довольно кивнула, словно принимала в украшении этого зала горячее участие, и потянула меня к выходу в маленький сад.

— Погоди, пока рано. Еще танцевать не начали. Пошли в дамскую комнату, нас там Луиза ждет. Будем поправлять твои бантики.

Настроенная чрезвычайно романтично, Наташа не стала сопротивляться. Она вела себя как я в самом начале: почти не верила что здесь, радовалась и жадно впитывала впечатления, при этом волновалась как настоящая дебютантка:

— Я боюсь, что толком ничего танцевать не умею. Может только вальс...

Я сделала большие глаза и с ужасом сказала:

— Это катастрофа! Кто тебя такую неумеху замуж возьмет! Так и останешься старой девой, тут ведь надо уметь вышивать, наливать чай или варить ароматное мыло, а твоя квалификация здесь не котируется, ну кому нужен начальник отдела временных переходов в качестве жены? — Прикрыв рот рукой в белой атласной перчатке, Наташа захихикала, опьяненная предвкушением праздника.

В дамской комнате, разбитой на несколько отделений ширмами, царил суета. Толпились женщины, которые приглаживали локоны, цепляли новые шпильки с жемчужинами, щипали щечки перед выходом. Так что мы там не задержались, потратив ровно две минуты на поправку Наташиной прически.

На выходе нас снова поймала миссис Бирд, на этот раз без накидки, наконец, я смогла рассмотреть ее бархатное платье цвета беж, украшенное мелкими топазами, и высокую прическу, видимо подчеркивающую высоту ее положения в этом обществе. Отмахиваясь веером из белых страусиных перьев, украшенных жемчугом, она торопливо предложила:

— Миссис Браун, я уведу вашу очаровательную подопечную, меня уже несколько джентльменов попросили их представить ей. Мы прогуляемся по залу, я как раз покажу милой Джейн картины, подаренные моим мужем городскому собранию. — Так и не разобрав из пояснений дамы, почему компаньонка вместе с ними не может наслаждаться изобразительным искусством, смиренно кивнув, я сделала запоздалый книксен.

Наташа, согласная на все, упорхнула навстречу новым впечатлениям. Я поправила очки, вздернула подбородок, приказав себе не глупить, чинно направилась к диванам в углу, предназначенным пожилых матрон и компаньонов.

Без хлопот и Наташи нервное ожидание сразу напомнила о себе. Оказывается, я настолько напряженно выжидала Артура, что оказавшись в одиночестве и покое, стиснула руки так, что они начали дрожать. Тем не менее, так и не смогла унять это дурацкое внутреннее ожидание.

Я боялась, что он не придет, или того хуже, придет и не вспомнит меня...

Пары выстроились в каре для первого танца. Наташа в своем очаровательном шелковом платье была среди них. Я смотрела на нее с улыбкой, радуясь, что хоть она счастлива. Ее молодой кавалер смотрел на партнершу с обожанием. Думаю, Наташа вернется домой полная приятных впечатлений.

Между первым вторым танцем запыхавшаяся «дебютантка» вернулась ко мне.

Раскрыв веер, она принялась энергично на себя обмахивать:

— Эта Бирд решила познакомить меня со всем Портсмутом. Представь, меня даже какому-то аристократу представили! То ли граф, то ли барон, я отвлеклась и не разобрала. Жаль, что он тут один, мне бы парочку... — она лукаво улыбнулась. — Но самое смешное, несмотря на ее пиетет перед титулованными особами, за его спиной она все равно безудержно сплетничала.

— Ну и как? Ты ему понравилась?

— Он видимо такой сноб, что на меня даже не посмотрел, механические кивая на приветствия и грубую лесть миссис Бирд.

Я заучено улыбнулась и незаметно пожалала плечами, а что делать, они тут такие...

В сердце прокрадывался страх. Артур не пришел, неужели они до него добрались? Наташа, кокетливо обмахиваясь шелковым веером, продолжала:

— Едва граф скрылся, она принялась рассказывать, что этот странный, но очень богатый тип, живет недалеко в поместье. Недавно овдовел и уже посещает балы, а еще миссис Бирд больше всего раздражает, что он отзывается только на титул и имя, отказываясь принимать родовую фамилию отца, ужасного кутилы и развратника. Но это еще не все, больше всего ее возмутило, что аристократ с таким титулом появился здесь, здесь на балу для простых горожан, будто ему великосветских в Лондоне мало...

Я замерла, надеясь, что не ослышалась. Наташа продолжала делиться впечатлениями:

— Потом миссис Бирд познакомила меня с баронетом, тем самым, с которым мы танцевали первый...

Овдовел? Не принимает фамилию отца? Артур здесь!

Я в шоке встrepенулась. Хотелось бежать к нему, искать, но... Наташа не должна знать.

Долгие годы практики научили меня умело скрывать смятение.

Теперь я улыбалась и кивала, увы, не слыша, о чем она говорит.

Пока я всеми силами удерживала себя от глупости, заставляя себя чинно сидеть на месте, Наташу вновь пригласили на танец. Я очнулась от того, что на меня с ожиданием смотрели две пары глаз.

Пришлось подняться и сделать книксен в ответ на приветствие нового Наташиного кавалера. На этот раз ее приглашал светловолосый молодой человек в красном мундире. Я видела, как ее смешат его бойцовские усы и манерность. Упускать такой объект без знакомства было недопустимо.

Я разрешила увести мою воспитанницу.

Офицер залихватским жестом предложил руку, приглашая на танец.

— Разрешите?

— Конечно, — Наташа сжала губы, чтобы вслух не рассмеяться, и мягко протянула свою ладонь.

Я проводила их взглядом. Надеюсь, он расскажет ей что-то смешное, иначе она долго не продержится, ее так и распирает смех.

Едва я отпустила свою «подопечную», ко мне с приглашением подошли. Я подняла взгляд.

Артур. В вечернем костюме, заказанном еще в мою бытность его женой.

— Позвольте пригласить вас на танец?

Не сводя с него глаз, я начала задыхаться от волнения, не в состоянии вымолвить слова. Если он цел, то эта бугафория не помешает, если они до него добрались...

Какие глупости закрутились в голове! Я напряженно выдохнула. Он узнал! Помнит!

— Простите, сэр, — сдержанно ответила я, — но нас, кажется, не представили. И суровым жестом поправила на переносице очки.

Высказав это, готова была сама себе заплодировать, ничем не выдала, охватившего меня волнения. Соседки зашушукались, не отрывая от нас жадных взглядов.

Его глаза насмешливо блеснули, когда он посмотрел на меня.

— Думаю, это легко исправить, леди...

— Миссис Браун...

Он с легкой озадаченностью во взоре поклонился, и представился:

— Лорд Артур Инсбрук, леди, — и тихо добавил. — Как вам известно.

Не сдержавшись, я одарила его теплой улыбкой.

— Да, да, наконец припомнила. Нас друг другу представила леди Торнхилл. Но это было так давно. — Я с грустью вздохнула. Да, примерно плюс-минус пятьсот лет назад...

— Совершенно верно! Позвольте пригласить вас на вальс, миссис Браун, а после вы составите мне компанию в саду?

— Конечно, ваша светлость.

Я протянула ему руку. Провожая меня к центру, он прошептал:

— Леди, вы несколько перестарались с образом компаньонки...

Так я ему не понравилась? Забавно, а чего он хотел, чтобы я вилась при всем параде, с брильянтами?

— Ну, а вы, милорд, только что кинули перчатку всем этим достойным дамам! Мало того, что вы пригласили невзрачную ПОЖИЛУЮ даму на новомодный и развратный вальс, так еще и хотите, что бы она, потеряв последнюю совесть, после вышла с вами с сад? Кто

такую дерзкую служанку у себя потерпит! — Я кокетливо улыбнулась, муж усилил нажим на мою ладонь:

— Не считая, что именно несравненная компаньонка оказывает им честь, присутствуя на этом общественном балу. Думаю, позже нам надо прохладиться. Для дамы вашего возраста здесь несколько душно.

С намеком на улыбку, Артур повел меня в танце, стараясь приблизить нас к выходу в крошечный садик. Я предупредила:

— Чуть позже... не нужно, чтобы нас видели.

Артур насмешливо поднял одну бровь:

— Здесь кто-то следит за нравственностью пожилых компаньонов?

— Конечно. Моя воспитанница. Не хочу, чтобы она на станции случайно рассказала, что я встречалась здесь с кем-то. Во-первых, она почувствует себя одураченной, а это не так; во-вторых, я пытаюсь бороться с искушением, а ты мне совсем не помогаешь.

— Искушением? — Он многозначительно улыбнулся. Но, все же сверкая глазами, перевел разговор в приличную плоскость.

— Давно хотел спросить. Станция... что это?

— Искусственно созданное небесное тело или гигантский корабль, который стоит относительно неподвижно среди звезд, — надеюсь, столь наивное пояснение его удовлетворит.

— То есть... я был среди звезд? — Он недоверчиво поднял брови.

Сдерживая улыбку, я кивнула. Когда у него такое удивленно-восторженное лицо, трудно сдержаться, чтобы не прижаться и поцеловать. Но мне пришлось.

Артур

Стоило мне войти в зал, как оживленные разговоры гостей, сидевших с обеих сторон от двери, тотчас смолкли. Ну да, такие мероприятия титулованные лорды не жалуют.

Я лениво обвел глазами зал. Оркестр наигрывал что-то модное. Да, в провинции с этим легче, в погоне за Лондонским блеском они его, то и дело, перегоняют, даже не замечая этого.

Драгоценные камни или очень на них похожие подделки сверкали по всему залу, переливаясь всеми цветами радуги, как и одежды гостей.

Юные девы, самодовольные юнцы, пожилые вдовы, и сидящие джентльмены заполнили бальный зал в поисках развлечений. Некоторые из них готовились танцевать, записывая кавалеров в таблички для танцев, другие разговаривали, не ангажированные девицы подпирали стенки, стараясь не выдать своего разочарования, вот-вот должен начаться первый танец. Все как всегда.

Внимательно вглядываясь в гостей, я медленно обошел зал. Джулианы нигде не было.

Мне ничего не оставалось, только надеяться, что она просто опаздывает.

Я вышел из особняка и осмотрелся, гости все еще пребывали. Меня окликнули, я вежливо приветствовал знакомых, махавших мне с тротуара, но в разговоры не вступал — мысли были заняты моей леди. Из-за моего появления ее могли как-то наказать?

От этой мысли сводило скулы, хотелось размазать Компайна и всю их камарилью по стене!

Прогулявшись, я вернулся к построенному в XVI веке, в эпоху Тюдоров, особняку.

Прокладывая себе путь ко входу, внимательно разглядывал опоздавших дам и джентльменов, восходивших по мраморным ступеням к дубовым дверям. С каждым мгновением шум, доносившийся из бального зала, становился все громче, как мое раздражение. Я не мог ее пропустить.

Джил не приехала.

Едва я вошел в зал, как рядом появились старые «друзья», виконт Клер и его друзья, которые были мне не представлены. Поклонившись, он весело произнес, благоухая ароматами хорошего бренди:

— Инсбрук, добро пожаловать. Много времени прошло с тех пор, как я имел удовольствие облегчить ваши карманы у Сеплтона, — добавил он, подмигнув.

— У меня на сегодня другие планы...

— Да, я слышан о вашей потере и думал, что с годик вас не увижу в подобных местах.

Я резко к нему обернулся и сухо сказал:

— Если есть что сказать, я выслушаю, если желаешь оскорбить, лучше сразу назначай место и время!

— Прошу принять мои самые глубочайшие извинения, лорд Инсбрук. — И тут же растерянно прибавил. — У меня и в мыслях не было оскорблять тебя, Артур.

Я коротко склонил голову в ответ, принимая извинения.

— Прошу простить, меня ждут.

Я еще раз поклонился и отошел, игнорируя шущуканье за спиной. Поприветствовав распорядителя, вежливо отделавшись от нескольких надоедливых дам, я вновь направился обходить зал, когда на глаза мне попала знакомая фигура.

Если бы Джил не встала, я никогда не узнал ее. Она избрала интересный образ строгой гувернантки. Серое платье, строгая прическа, и новомодные очки в тонкой роговой оправе.

Я поспешил к ней.

Моя леди только что отпустила свою «воспитанницу» танцевать.

Как удачно, что следующий танец — вальс. Вальс создавал для нежных объяснений особенно удобную обстановку: близость танцующих способствовала интимности, а соприкосновение рук позволяло передавать записки.

Пока вел ее к центру, незаметно передал моей леди крошечный листок, который она сунула под атласную перчатку.

Заиграла музыка, мы закружились по залу. Мягко сжав пальчики Джил, я спросил:

— Почему ты молчишь?

— Восхищаюсь тобой, смотрю на тебя, не хочу расставаться... — с нежной улыбкой ответила моя супруга.

Скрывая легкое смущение, я с усмешкой отмахнулся:

— Ты просто хорошо ко мне относишься, — я улыбнулся, и продолжил, — если бы это бы кто-то не столь дружелюбно расположенный, он бы обозвал меня безумным лошадиником, солдафоном презирающим устои общества или сентиментальным слабаком, прощающим подлецов, заслуживающих пенькового галстука...

Миг, и глаза Джил удивленно раскрылись, я не заметил и намека на укоризну.

— Гаррет вернулся? Вы наконец помирились? Я так рада... Ты не понимаешь, как важно, когда у тебя есть кто-то родной!

— А у тебя? — в моем голосе прозвучала суховатая нотка, я на самом деле ничего о Джил не знал, почти ничего.

С улыбкой на устах, явно сознавая, что я хочу выпытать, она сообщила:

— У меня есть бабушка и ты...

Ну что за манера, отвечая ничего не говорить! Не скрывая усмешки, я покачал головой.

— Нам надо многое обсудить... Где ты остановилась?

Она печально покачала головой:

— Тебе туда нельзя. Ни записок, ни визитов. Да, и мы завтра отбудем назад.

— Я готов отправиться за тобой. С делами почти покончил.

Она вновь покачала головой.

— Пока нельзя, меня скоро отправят на задание в Неаполь. Должны были в 1814 год, а теперь не знаю ни время, ни точное место прибытия.

Мы минуту помолчали, в танце огибая замешкавшуюся парочку, потом я все-таки спросил:

— Тебя наказали за мой визит?

— Нет, просто безопасность, конкретно Компайн, взял меня на заметку. И конечно не простил того, что мы обвели его вокруг пальца.

— Так чем ты занимаешься? — Я перевел разговор на более приятную тему. Близость жены кружила голову, жар ее рук разжигал кровь, запах дразнил. Не сдержавшись, сделал глубокий вдох, вдыхая ее аромат.

— Я историк, изучаю историю, спасаю артефакты.

— Вот никогда бы не подумал, что моей женой станет ученая дама, — усмехнулся я.

Джил смущенно улыбнулась, я а вспомнил, что она у меня совсем молодая девочка, только из-за школьной скамьи.

Не сдержавшись, притянул ее к себе, нарушая все приличия. Но, увы, танец звуки вальса смолкли, неохотно отстранился от жены, отступив на шаг.

Я поклонился, она сделала книксен. Проклятье, до этого никогда не замечал, насколько все эти движения соблазнительны!

— Джил... — прошептал я, не в состоянии стоять от нее так далеко. Она виновато улыбнулась и оглядела зал. Сотни горящих свечей и еще большее количество людей, пребывающих в постоянном движении, — все это почти не оставляло в зале свежего воздуха.

— Пойдем в сад... — Словно почувствовав мой порыв ее обнять, она покачала головой. — Мне надо тебе много рассказать...

Я сомневался, что в саду нам удастся поговорить, но, наконец, Джил протянула руку. Чинно беседуя, мы направились к выходу в сад, и тут ее окликнула недавно представленная мне девица в белом:

— Миссис Браун...

Джил аккуратно отобрала свою руку у меня и, вежливо склонив голову, поблагодарила:

— Спасибо за танец, сэр... — Она многозначительно замолчала, словно позабыв мое имя. А я не рвался ей помочь, вежливо поглядывая на «воспитанницу» моей жены.

— Вашей дуэнье стало жарко, я предложил ей выйти на воздух.

Девушка на миг недоверчиво прищурилась, но заметив мой грустный уставший взгляд, поторопилась поблагодарить:

— Благодарю за хлопоты, сэр. Но нас с миссис Браун ждет карета, наша покровительница, миссис Бирд, уезжает...

Джил с болью взглянула на меня, но, сделав книксен, проследовала за воспитанницей. Я попытался ее остановить, но это было невозможно сделать, не привлекая внимания.

Я не мог предложить им карету, так как прибыл верхом; не мог напроситься на визит, так как, Джил попросила не привлекать внимания; не мог поцеловать жену, не мог сказать ей, как безумно скучаю и люблю...

Вышел следом и успел застать только отбывающую карету с моей женой. Подозвал лакея, которому приказал привести моего коня. Сам на несколько секунд уперся лбом в стену, пытаясь пережить эту боль. В душе поднимался протест против подобной несправедливости, кипел гнев, хотелось проклясть все и отправиться в таверну.

— Вы уже покидаете нас? — Не скрывая любопытства, произнесла миссис Бирд с напускным разочарованием, поправляя меховую накидку.

— Да. — Вот и виновница быстрого отъезда Джулианы.

Услышав в моем тоне грубость, миссис Бирд стала сама чопорность, но все же в ответ вежливо кивнула и, надеясь на сочувствие, сетуя, произнесла

— Вот так всегда, сначала поможешь, потом страдаешь. Приходится ждать карету сына, я отправила в своем экипаже двух бедных знакомых, которых пригласила сюда из христианского милосердия.

— Если бы вы не подчеркивали милосердие каждым своим словом, оно бы не обесценилось с такой скоростью.

Я поклонился, сел на коня и отбыл домой, сожалея, что почти ничего не успел сказать Джил.

Глава восьмая

Никогда не делайте ничего, что могло бы помешать вам находиться рядом, чтобы помочь девушке, когда ей понадобится рука, на которую можно опереться. Совет)

Джил

Уже полчаса я блуждала по комнате не в состоянии сосредоточиться на словах Наташи.

— ...Ты же заметила, на том кирпичном доме были массивные дубовые двери с тремя гербами наверху?

Я кивнула, история Портсмута имеет очень древние корни, здесь замки стояли задолго до времен Вильгельма Завоевателя, так что, здесь удивляться трем гербам на дверях наивно.

Вошла служанка с подносом, на котором стояли чашки с горячим шоколадом, за ней к нам в комнату заглянула хозяйка:

— Не желаете позавтракать перед отъездом?

— Нет, благодарю вас, миссис Соун.

— Я буду... — Наташа незаметно толкнула меня локтем.

Я извинилась, чувствуя вину, ей хочется увидеть и попробовать как можно больше из века XIX, а мне после бала кусок в горло не лез.

Поклонившись, миссис Соун вышла.

Наташа, переполненная впечатлениями, в длинной ночной рубашке уже кружилась по комнате, прижав кулачки к груди, просто ликовала:

— Боже мой... Живая история, настоящее прошлое, в котором мы можем все!! Познакомиться с настоящим принцем, поругаться с королем, подружиться с принцессой...

Я и не знала, что Наташа такая романтичная особа. Но все же скрыла улыбку.

Наталья, планируя развлечения дальше, предложила:

— Давай перед отъездом отправимся в Лондон? Да-да, я знаю, у тебя перед отправкой в Неаполь не останется времени, но побывать в Англии и не заглянуть в Лондон... Я такого не переживу! — Наташа умоляюще посмотрела на меня. Кажется, ее устраивает моя роль, няни для молоденькой сумасбродки, и не важно, что няня на три года младше воспитанницы.

Повернувшись к ней, я на миг задумалась, а потом энергично предложила:

— Мы сделаем лучше! Сейчас отправляемся прямо домой. Показываемся всем и вся, подбираем туалеты, подходящие для элиты середины этого века, — обожаю пышные юбки! — потом отправимся прямо в Лондон! В Викторианскую эпоху!

Наташа запрыгала как ребенок, хлопая в ладоши:

— Да-да-да! Ты молодец, Джил!

Улыбаясь, я добавила:

— Хочу попасть в Воксхолл-Гарденз!

Одного слова об этом хватило, чтобы Наталья пришла в еще больший восторг.

— Я тоже хочу... А что это такое?

— Это же знаменитый парк развлечений на юго-западе Лондона, — я бегло перечислила:

— Там есть павильон, и частные ложи, и изысканная еда. Там живая музыка, и танцы, и фейерверки, и широкие аллеи, и тенистые тропинки. На деревьях развешаны лампы, а на лодках можно переправляться через реку... Хотя можно и в карете по мосту.

— Давай, я вспомнила, где это, но он по-другому назывался.

— Да, Спринг-Гарденз, но это позже. В лучшие годы я его видела, а я хочу попасть в момент, с которого он пришел в упадок.

— Завидую! А кто нас будет сопровождать? Найдем лакеев в гостинице?

Я вздохнула, для меня идеальным сопровождающим для такого приключения был только Артур.

Ната подняла глаза к потолку и предложила:

— А еще я хочу попасть в Гайд-парк-лейн. Мне Аришка рассказывала...

Я была в том парке и тоже влюбилась в него. Парк расположен на самом краю Лондона, городская суeta там не ощущалась. За два часа мы с Артуром встретили лишь несколько прохожих, да детей, гуляющих со своими гувернантками.

Наташа ждала ответа, я весело кивнула:

— Отлично, за день везде успеем! И в парке покататься тоже.

Но всем планам пришел конец, едва мы оказались на станции.

Я настроила переход в свою квартиру, так как, к Наташе по делам то и дело забегали сотрудники. Но едва мы вышли в коридор, полные радостного предвкушения, как Наташу и меня буквально поймали за руку.

— Я полдня вас ищу! К тебе два раза ходила... — Майка, на этот раз в образе кудрявой блондинки, была сильно на нас обижена. — Я и графики полетов проверила и в управление заглянула, где вы были?

— Девочки, ко мне! Немедленно! — раздалось из наших браслетов. Джо заметил нас в коридоре.

Неужели кто-то узнал о нашем путешествии? Мы с ужасом переглянулись с Наташей.

— Май, ты что, нас у Джо искала?

— Нет, что я вас искала, вообще никто не знал, а где вы были? — с трудом поспевая за

нами, выдавила она.

Мы не ответили, так как добрались до кабинета директора. Джо показал на маленький, обитый кремовым шелком диванчик, теоретически пригодный для двух взрослых людей. Я осталась стоять около девушек, сложив руки на груди и сурово разглядывая нашего «Аполлона».

— Что случилось? — Ната устала волноваться и решила сама допросить начальника, когда-то занимавшего ее сердечные думы.

Джо не понравился снисходительный тон Наташи, но он не выдал досады, всего лишь сухо отозвался:

— Военные запретили все временные перемещения для историков. Категорически.

— И что нам теперь делать? Джо, ты не мог им объяснить, что мы тут тоже не прохлаждаемся? — с раздражением поинтересовалась Майка.

Джо с гневом махнул рукой:

— Меня никто и слушать не станет и, скорее всего, нас выставят отсюда в ближайшее время.

— Что? Да что за безобразие! Джо, будь ты решительнее, они бы не посмели сломать нам все планы и затормозить работу! — Боже мой, и эта девушка сегодня утром скакала и хлопала в ладоши как ребенок.

Я поразились гибкости женского восприятия... И мужскому терпению. Губы Джо чуть дрогнули от раздражения, но он даже не стал спорить, а лишь небрежно пожал плечами.

— Останови, Натали, свой гнев, а то наговоришь лишнего. Здесь я отвечаю за всех вас! И мне это тоже не нравится. Но! Колонии взбунтовались. Это пока не война, но обстановка сложная. Гражданских тихо и без шума устраняют от любого командования на военных станциях. Хорошо, что не удаляют вовсе...

Наташа гневно покачал головой. Но Джо не дал ей продолжить:

— Мы все же отправим тех, кто должен был идти на этой неделе, и все. Остальных переведешь на теоретические занятия, пусть выписки каталогизируют, я уже год порядка в отчетах добиться не могу!

— Но как? Нет... — растерялась Майка, — я должна была...

— Нет, из Европейских историков мы успеваем отправить только Джил, о ней походатайствовали, троих исследователей пошлем в Африку периода Османской империи, а всем остальным придется заняться бумажной работой. Натали, особенно это касается тебя. Полный хаос в отчетности по отправкам!

Обо мне явно походатайствовали... Даже знаю кто. Мстительный Кларк.

Я вздохнула. Ничего, как смогу, вытяну Артура к себе. В конце концов, могу уйти к нему или перетащить нас в нейтральное время!

— Джил, о чем так сильно задумалась? Я тебя два раза окликнул, — прищурившись, поинтересовался Джо. Я равнодушно отмахнулась:

— Отпуск, полночи гуляли, не удивительно, что засыпаю стоя.

Джо сурово кивнул:

— Выспишься, но только в Неаполе. Твоя отправка вечером.

Я онемела от шока, не в состоянии даже возмущаться. Наташа спросила его вместо меня:

— А как же подготовка, а прививки? Они там что, все с ума сошли?!

Джо отмахнулся:

— Это все прямо сейчас. Наташа, помоги Джулиане собраться. — И внимательно нас оглядев, добавил:

— Свободны, девочки... приступайте к делам.

— Спасибо, тебе Джо, огромное! — Думаю, можно не добавлять, что слова Наташи были преисполнены сарказма.

Артур

Я сидел в читальной комнате клуба «Уайтс», удобно расположившись в одном из кожаных кресел, когда ко мне подошел «Рома» в одежде швейцара. Что случилось? Я ждал знака от Джил, уже потерял надежду и нервничал, и вот явился он, ее посланник.

— Ваша светлость... У меня к вам послание от одной хорошо знакомой вам дамы.

Я резко поднялся. Скорее!..

Наконец-то!

***

Весь месяц после бала я жил как на иголках в ожидании посланника Джулианы. Но ни писем, ни попыток напомнить о себе больше не было.

Чувствуя мою нервозность, кузен то и дело пытался сбежать в свое имение, но во мне вдруг проснулась чувствительность, так что я настойчиво просил его остаться у меня и спокойно долечить поломанную ногу:

— Я скоро отбуду, поживи пока здесь. Матушкам на радость и умиление, — не упустил шанса усмехнуться я.

Я трезво смотрел на вещи, и никогда раньше не страдал от избытка сентиментальности. Но мне было больно, что скоро покину родных и неизвестно когда вновь смогу их увидеть.

Сообщив в письме, что мы с Гарретом поделили мой конный завод пополам, мы просто безумно поразили тетушку. Под внушительным впечатлением от новости, тетушка, великая домоседка, подхватив мою матушку, тотчас же прибыла ко мне в имение. Так что неожиданно получил настоящее семейное собрание. Которое, спасло меня от уныния после нелепого прощания с Джил.

И хотя я планировал все не так, собираясь мирно попрощаться с близкими в Лондоне, был рад побыть с ними еще немного именно здесь. Да, именно в этом доме я родился, и молоденькая белокурая няня, Лили, которая была старше меня лет на пятнадцать, впервые вынесла меня из этого красивого классического портика кирпичного фасада с двойным рядом колонн, чтобы прокатить в коляске с запряженным в нее серым пони.

Так что перед отъездом в Лондон, первым делом я пошел к ней, к Лили.

Нянюшка сидела на веранде в кресле, на коленях лежала корзинка полная разноцветных ниток. Едва она доверчиво сообщила мне, что очень любит вязать, но у нее для этого занятия нет времени, я приказал закупить ей разноцветной пряжи, и заказал у местного плотника кресло качалку.

Проглотив комок, вставший в горле, остановившись рядом с ней, я сообщил:

— Лили... я надолго уезжаю в Европу, вот и хотел поговорить с вами, тобой и Джоном...

— Матушка знает? — всполошилась Мисс Колобок, сразу отложив вязание и схватившись за подлокотники пытаюсь встать.

— Да... я все объяснил. Хотел узнать, о ваших предпочтениях: решите вы вернуться в Лондон или останетесь здесь? Если так, то я куплю вам с Джоном здесь дома, или ты предложишь нечто иное?

Лили внезапно приуныла и, опустив голову, и вдруг всхлипнула. Боль в ее глазах вновь ударила по нервам, вызывая гнетущее чувство вины.

— Лили, ну я же не навсегда... — ложь давалась мне тяжело, но все уже решено и я ничего менять не собирался.

— Я стара, для меня это все... А когда ты приедешь? — Тут же всполошилась она.

— Когда получится, но не буду обманывать, думаю, что нескоро.

Последовали долгие слезы и неловкое утешение с моей стороны.

Мама отнеслась к предстоящему отъезду с пониманием, видимо она уже свыклась с мыслью, что меня какое-то время не будет, и мы пока не расставались, да и в Лондон я отбывал в ее карете.

Так что осталось попрощаться с тетужкой, которая осталась в поместье ухаживать за Гарретом. Ну, тетужка расцеловала меня, шепнув на прощание, как она благодарна, что я обуздал неугомонного братца.

Кузен, все еще лежал в бордовой спальне, теперь уже своего дома. Он настолько тяжело поправлялся после нападения, что мне пришлось потратить оставшееся лекарство Джил, чтобы появились видимые улучшения.

Завидев меня в дорожном костюме, кузен только и сказал:

— Уже едешь?

Я кивнул.

Он помолчал, подыскивая слова.

— Я рад за тебя. Мне тоже всегда хотелось увидеть земли, лежащие за горизонтом. Теперь моя очередь оставаться в Англии и следить за наследством. — Он криво усмехнулся. — Только все-таки не забудь, что когда-нибудь ты должен вернуться домой.

— Не забуду.

Мне стало легче.

— Оставляю тебе Красавца. Не забывай о нем...

Лицо Гаррета на миг окаменело. Он с тоской посмотрел на свои несчастные ноги. Но через секунду протянул мне руку для пожатия. Усмехнувшись, я пожал его руку в ответ, что не делал с далекого детства. Затем, скрыв легкое смущение, поклонился и вышел.

Дружеское прощание с братом приподняло настроение и помогло вынести повторное слезное расставание с Лили.

И вот этот миг настал. За мной прибыли!

Я вышел из комнаты следом за «швейцаром», взволнованно ожидая новостей. Мы прошли к утренней комнате, в которой в это время никого не было. Едва мы закрыли за собой дверь, Стивер был краток:

— У нас сейчас невеста что творится. Вот-вот переключают все временные ходы, счет идет на часы. Если ты готов, я отправлю тебя к Джулиане. Если нет...

— Я готов.

Швейцар кивнул, потом поинтересовался:

— Переходниками пользоваться умеешь?

Я кивнул. Дома лежала горсть черных жемчужин, врученная мне Джоном перед

отправкой со станции. Меня так и подмывало активировать одну, но разумное беспокойство, что это может навредить Джулиане, побеждало природное любопытство.

— Для отправки воспользуешься вот этой... — Он протянул мне розовую бусину. — Если что-то пойдет не так, используешь серую, если, конечно, пути не законсервируют.

— Как я найду ее?

Я прекрасно помнил, как нелепо бродил по станции пока не наткнулся на Компайна.

Джон понимающе кивнул:

— Я дам тебе датчик, он настроен на уровень радиации людей нашего времени. Суть пояснять не стану, пусть этим Джил занимается, просто смотри...

Он протянул мне крупный серебряный перстень, с лунным камнем, над которым, при нажиме, появилась полупрозрачная картина. Роман ткнул пальцем в картинку. Она тут же засветилась, внизу проявилась какая-то надпись. Что там я не разобрал, Роман еще раз нажал на камень, и картина исчезла.

— Понял? Это карта, на ней ярким огоньком будет выделяться Джулиана. Внизу на английском будут указаны направление и расстояние до нее. Сам разберешься?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я кивнул, с некоторой опаской натягивая перстень с завитушками на указательный палец.

— Вроде все... Оружие тебе не дам, бери свое, только без ваших новомодных штучек. Старый мушкет, шпага и прочие атрибуты вашего времени туда подойдут.

Я вновь молча кивнул, так как для перехода первым делом приготовил себе золото и оружие.

— Одежду тоже бери незаметную. Время отправки 1749–1755 года, точнее не скажу. Парик, духи, туфли с пряжками, и все прочее...

— Хорошо.

— Переходники береги! Ну и все... Я пошел, пока меня не кинулись. Если кто узнает, что я тут был, образно выражаясь, не сносить мне головы.

Я коротко поклонился:

— Спасибо тебе, Джон Стивер.

— Не за что, граф. Удачи в вашей аванюре!

Он улыбнулся, так и не поклонившись, направился к черному входу.

Проводив глазами посланника, сдерживая внутреннюю дрожь радости, я поспешил к выходу. Нанял карету и через десять минут был дома.

В спальне висел дорожный плащ, на постели лежал готовый костюм для путешествий, в саквояже были сложены, белье, деньги и оружие. В маленьком потайном кармашке — переходники.

Новая экономка собрала мне в дорогу мясной пирог, сыр и вино. Молодой дворецкий, заменивший Джона, вызвал экипаж. Для всех я отправлялся в Европу. И хотя мою челядь смущало столь мизерное количество вещей, англичане, как известно, предпочитают путешествовать со всем своим, Лили здесь не было, чтобы вслух высказать свое недоумение на этот счет.

С трудом сдерживая нетерпение, я быстро попрощался со слугами, сел в карету и приказал двигаться к ближайшей станции дилижансов.

Там расплатившись с кучером, взял свой саквояж и направился к темнеющим над Темзой зарослям.

Вот и все... Я перекрестился.

Дрожащими от волнения руками достал и активировал переходник.

В воздухе появилась едва заметная прозрачная арка. Собравшись с духом, бегом преодолел пространство арки и оказался на темной улице. Под ногами хлюпала грязь, сильно пахло рыбой.

Невидимое в темноте, где-то рядом плескалось море. Неаполитанский залив.

Я осмотрелся и нажал на камень перстня.

Часть вторая. Спасай и спасайся

*В орнаменте витом увидишь тут и там
Победоносный шлем и вазы фимиам,
Колонны, капитель, пилястры и аркады
Увидишь всюду ты, куда ни кинешь взгляды,
Амуры. Вензеля, вплетённые тайком,
И головы ягнят, увитые шнурком
И статую найдёшь в великолепной нише,
В узорах и резьбе карниз под самой крышей...*

Поэт Жорж де Сюдери

перевод Е. Тараховской(1891–1968)

Глава девятая

Большинство смельчаков достигает цели главным образом потому, что не осознаёт опасности. Антуан- Франсуа Прево

Джил

Я впервые видела Непальский залив на рассвете, с рыбачьими баркасами, множеством причалов и кораблей, пейзаж показался мне удивительно прекрасным. Небо у горизонта еще отливало розовым перламутром, а над головой оно уже было ярко голубым. По песчаному берегу гордо вышагивали жирные чайки. На подернутой легкой зыбью воде грациозно покачивались лодки.

Пахло морем и летом. Чудесное сочетание.

Повернувшись к городу, в котором мне придется жить и работать, я принялась жадно изучать окрестности Неаполя, пытаюсь проникнуться духом этого времени. А он был не простым. Дух времени, дух изменений, момент, когда родословная и титул начали отступать перед значением богатства, а аристократия окончательно оторвалась от естества, окружив себя правилами поведения, этикетом и изысканной куртуазностью, как оградой.

Я бегло оглядела строения...

Барочная «рельефность» фасадов, элементы ордерной архитектуры... Ох, этот итальянский барокко*! Стиль, который отвергал естественность, которая отождествлялась с дикостью, бесцеремонностью, и невежеством — всем тем, что чуть позже, в эпоху

романтизма стало добродетелью. Женщины дорожили бледностью кожи, вычурной прической, корсетом и искусственно расширенной юбкой на каркасе из китового уса. Обувь теперь была обязательно на каблуках.

Идеалом мужчины в эпоху барокко стал гладко выбритый и надушенный джентльмен в напудренном парике. Это проявлялось во всем: в изысканном столовом этикете, (именно в эпоху барокко появляются вилки и салфетки); интерес к противоположному полу — в учтивом флирте, ссоры — в утончённой дуэли.

Красной нитью барокко шла идея облагораживания естества на началах разума. Самое забавное, именно академик Вискельман, с которым мне навряд ли посчастливится столкнуться на раскопках, привел к изменению стиля, и его стараниями чудный барокко канул в лету, сменившись классицизмом.

Итак, я оказалась в порту, из которого идти надо прямо, вдоль крепости Кастель-Нуово*, ну, а там уже можно легко сориентироваться. Но мне «ориентироваться» не хотелось, я жадно поглощала глазами древние стены Нового замка, возведенного Карлом Анжуйским в 1266 году. Юмор заключался в том, что замок XIII века на самом деле был новым, так как Старый замок, расположенный тоже на берегу Неаполитанского залива, был построен в V веке.

*Нового замка

По плану мне предстояло устроиться служанкой в дом неаполитанского аристократа, но из-за спешной отправки, все могло сорваться в любой момент.

Так что, бодро шагая с котомкой в руках по тропинке, залитой розовыми лучами солнца, я обдумывала ситуацию, в которой оказалась. На выходе, я знаю только общую стратегию действий, тактика полностью на мне. Ни четкого плана, ни инструкций, ни конкретного места работы.

Из положительных моментов, Геркуланум находился к Неаполю ближе всего, почти на окраине, в отличие от Помпеи и Стабии, которые были не так чтоб очень далеко, но все же немного дальше.

Из минусов мне назначили параллельное задание, работать на прикрытии второго сотрудника, то есть, там я должна работать на вторых ролях, в случае необходимости обеспечивая помощь и безопасность своей спутнице, Сирене, историку этого периода.

Надеюсь, что я ей не понадобится.

Если честно, удивляться этому не стоило, историков всегда кто-то прикрывал, меня в Лондоне защищал Кларк, ну и Рома, конечно, а здесь я обеспечивала поддержку Сирене. Так что я обязана находиться где-то недалеко, но стараться внешне не пересекаться, чтобы никто не смог связать нас вместе.

Саму Сирену еще неделю назад отправили в Торре эль Греко, грязное, воняющее рыбой и морем, захламленное местечко, когда-то бывшее пригородом Геркуланума, расположенное прямо у подножия Везувия. Это поселение в очередной раз было разрушено этим грозным «лавопыхающим» вредителем чуть позже, в 1631 году.

С этими извержениями постоянно всплывало много неточностей. Извержения Везувия уничтожали окрестные городки с некоторой периодичностью, накладываясь слоями. Выдавая старое за новое, а новое за старое. Тем, кто вел раскопки, было очень трудно определить, часть какого периода попала им в руки. Что не один век вызывало множество

недоразумений среди специалистов.

Меня отправили на восточную часть Неаполя, выпустив из порталной арки около порта на рассвете. Чему я была очень рада, несмотря на раннее утро парочка рыбаков уже проулюлюкала мне в след.

Это только первый раз меня обеспечили все и прикрывали, теперь мне предстояло устроиться здесь самой.

Кристиан, один из псов Кларка, работал в доме вдовствующей графини Борх ливрейным лакеем. Все родня графини перебралась в Померанию* так что слепая графиня осталась одна. Так что жизнь нашего агента была безмятежной. Пожилая донна редко выезжала, предпочитая прогулкам и светским мероприятиям общество своих компаньенок и кошек.

* в Померанию, на тот момент Пруссия, ныне часть Польши.

Я торопливо миновала живую изгородь из высоких кустов, мраморную беседку, увитую розами, и решительно вступила на едва заметную дорожку, ведущую к дому. Здесь мне должны были дать инструкции.

Кристиана я почти не знала, единственное, что выделяло его из других агентов Кларка, при встречах он мне всегда подмигивал. Но с чем было связано столь пристальное внимание к моей особе, так и не поняла.

Не успела я подойти, как навстречу в парике и расстегнутой ливрейной куртке бордового цвета, украшенной золотыми позументами, вышел Кристиан.

Как удачно, мне не пришлось его разыскивать.

Я притронулась к широким бокам своего голубого фланелевого платья на фижмах и, скромно склонив голову, сделала книксен.

Смуглый высокий и дерзкий, словно коренной неаполитанец, Кристиан громко поприветствовал меня:

— Синьорина Лаура... О... Вы уже здесь? Донна Росина ждала вас. Вы готовы исполнить ее поручение?

Ни о каком поручении на станции речь не шла. Вернее никакого договора не было, но видимо именно так агент решил передать мне инструкции. Улыбнувшись, я вежливо поклонилась.

— Значит, вы согласны быть нашим ангелом*? — Игриво спросил Кристиан.

*ангелом — здесь посыльным, переводится с греческого как посланник.

Куртуазно получилось, отличная подготовка. Интересно, зачем он здесь? Нефть в катакомбах под Неаполем упаковывает?

Я кокетливо ответила:

— Для меня честь служить донне Росине и вам, синьор Петро.

Кристиан сделал знак и из-за кустов вышли молодые слуги в ливреях попроще.

— Марио, доставите синьорину Лауру в Портичи, виа Модонелле. К вилле Святогс Януария.

— Да, синьор Петро.

От удивления замерла на месте... Итак, что я знала о Портичи кроме того, что там очень недолго была летняя резиденция Неаполитанских королей (Reggia di Portici)? И того, что в начале девятнадцатого века на весь мир прогремела опера «Немая из Портичи»(Фенелла), которая имела не только грандиозный мировой успех, но и, по мнению

композитора Рихарда Вагнера, спровоцировала несколько революций? Да почти ничего не знала.

И запросить данные не у кого, историки по столь мелким географическим объектам не работали. Но потом поняла, что Кристиан прав, это и в самом деле очень удачный выбор.

Портичи, поселок расположенный посредине Мильо д'Оро «золотой мили»*, в двух итальянских милях от Неаполя** — просто идеально подходил для моего задания.

*Отрезок побережья от Неаполя до Торре-дель-Греко.

**До Неаполя — семь километров, до Торре-дэль-Греко — три с половиной, до Резины (Ерколана) полтора, до раскопок и того меньше)

Слуги куда-то отошли и через миг явились с портшезом, раскрашенным яркими эмалями и позолотой.

Новенький, краски так и сияют. Благодарно кивнула Кристиану.

Один из носильщиков откинул верх, я ступила между поручнями и села в портшез.

— Синьорина, вот и ваше послание. Да защитит вас святой Януарий! — Кристиан протянул мне свиток, обвязанный зеленой шелковой лентой и скрепленный красной восковой печатью графини Борх.

— Благодарю вас, синьор Петро. Благословит вас святой Петр за вашу доброту...

Мы поклонились друг другу.

Переднюю дверку закрыли и заперли, а верх опустили. Носильщики подняли портшез и отправились. Я развалилась в кресле, но вскрывать свиток не спешила, из-за занавесей внимательно рассматривая улицы Неаполя.

Но довольно скоро мне это надоело. От Неаполя до Портичи с одной стороны дороги — все пространство «золотой мили» было застроено вилами неаполитанской знати, вокруг которых были со вкусом разбитые и ухоженные парки; с другой — плескалось лазурное море. И этот пейзаж был хоть и прекрасным, но в каком-то смысле, довольно однообразным. Его немного украшали цветущие лимонные деревья и благородный миранголев, высокие кусты из рода кипарисовых.

Я пощупала кошелек с карлино*, на этот раз мне дали золота в обрез, но в прямом смысле слугам принявшим на себя все трудности пути, надо будет заплатить, я чувствовала себя виноватой, что им приходится идти по жаре, только потому, что Кристиан решил проявить свою галантность.

*Карлино, или карлин, — монета Неаполитанского королевства (итал. carlino, франц. carlin), в разное время золотая или серебряная, чеканившаяся с XVI в. и названная по имени испанского короля Карла I.

Никто так далеко портшезы не отправлял, используя их только в городе, но видимо у графини другого транспорта не нашлось, вот Кристиан и помог, чем смог.

Я облокотилась на алые шелковые подушки, распечатывая послание, написанное по всем правилам, с красными строками и завитушками, но на современном мне английском языке:

«Джи, привет!

Позволь поздравить с прибытием в Неаполь, в почти новый 1752 год.

И всех окрестных поселений я выбрал разрушенный землетрясением Портичи, который

был недавно полностью отстроен, надеюсь, там тебе понравится. Я не смог найти тебе более подходящее для работы место, графиня давно не отпускает меня от себя, иногда путая с погибшим сыном. В делах мне это очень на руку, вот только в путешествиях я немного ограничен.

Зато могу помочь советом.

На холмах, под которыми ведутся раскопки, по приказу короля посадили виноград. Осенью его собирают и делают на продажу вино, а вырученными деньгами расплачиваются с рабочими. Там можно легко устроиться на первое время, пока не найдешь работу на какой-нибудь вилле, так как половина «тружеников» там каторжане, приличные католички избегают работать рядом с подобными отбросами и женские руки там очень нужны. Но думаю, ты им не по зубам. Или тебя пугает будущий образ вайяссы?*

Но, помнится, Кларк отзывался о тебе в превосходной степени, так что я в тебя верю! Первоначально пребывающего историка хотели устроить именно туда, но теперь мне кажется, что мысль работать почти на месте раскопок, не очень удачна, так как там постоянно ошиваются люди короля.

Так что первым делом попробуй устроиться на виллу Эммануила-Мориса Лотарингского, герцога д'Эльбефа, французского дворянина. Да-да, того самого, который все это начал*. Его наследник занимает построенную дедом виллу с тщательно ухоженными садами и террасой на крыше, откуда открывается вид на Неаполитанский залив. И там наверняка требуется прислуга.

*Выкупив участок земли вокруг колодца Нучерино, герцог на протяжении 9 месяцев на свои средства проводил там раскопки путем пробивания штолен. Он нашел первых 9 статуй

**Вайяссами назывались женщины из неаполитанского простонародья, говорившие на местном диалекте

Я на миг отложила послание Кристиана, оглядывая Сент Джовани. Итак, впереди еще два поселка: Тедучио и Пиетра Бланка.

Несмотря на жару, мы довольно быстро передвигались по дороге. Навстречу мне ехала с открытыми окнами роскошная коляска, внутри обитая шелком, с лакеем на козлах, одетым в дорогую, отделанную золотой тесьмой зеленую ливрею и напудренный парик с косичкой.

Я с интересом их рассмотрела и вновь вернулась к письму:

«Но если тебя все-таки прельщает жизнь простой крестьянки, то советую переоблачиться в юбку и пиджак»...

И это он предлагает мне там, где красота в одежде возведена в ранг высшего из достоинств? Вот не повезло...

Я тяжело вздохнула и принялась читать окончание письма:

«...насчет Сирены, она обожает гонять своих помощников в хвост и гриву, так что лучше быть от нее подальше. Дел в этой эпохе не меряно, но помни, в одних руках пять арбузов не унесешь, так что не пытайся ей угодить, занимайся только своим заданием.

Кстати, как ты относишься к свиданию под луной на берегу Неаполитанского залива? Надо кое-что передать по работе. Жди мою записку.

*И, как говорится, целую ваши пальчики, синьорина Лаура.
P.S. Кстати, это имя тебе тоже очень подходит.*

Кристиан

Устало свернула письмо. Не понимаю, что еще ему надо передать мне, ведь я только прибыла и все необходимое при мне?

Предложение Кристина насчет раскопок мне понравилось больше, чем решение работать в особняке. И каторжане не пугали, вот только работая на новом месте, обрастаешь знакомствами.

Значит, на вилле герцога, если мне придется туда идти, обязательно будут знать, что до этого я работала в столь сомнительной компании, и могут не взять на службу в особняк. Ведь у служанки в доме куда выше статус, чем у крестьянки собирающей виноград.

Ладно, буду решать проблемы по мере появления. Кажется, мне придется эти занятия, работу на вилле и на раскопках, совмещать. А вообще-то мне хотелось найти себе место, с которого можно незаметно отлучаться по любым делам.

Это ведь нечестно! У меня как у ребенка в магазине игрушек разбегались глаза! Хотелось остаться в Неаполе, который в это время рос и развивался как никогда, в нем работали лучшие художники и скульпторы. Хотелось попасть в Геркуланум в правильный момент, чтобы прочесть ту самую, пропавшую надпись из накладных медных букв, которую, по приказанию Алькубьерре*, сняли по буквам и отправили в музей с указанием их общего веса. А поскольку никто не фиксировал буквы в момент находки, то смысл надписи не сохранился. Как было здорово прочесть ее, ту надпись, целиком! Хотелось побывать в Помпеях... Там, как и в Геркулануме, мне здесь все интересно!

*Занимался раскопками, вошел в историю как невежественный вандал.

Глава десятая

«К Неаполю непосредственно примыкает Гераклова крепость, лежащая на мысе, выдающемся в море, и настолько открытая дуновению юго-западного ветра, что это делает поселение удивительно здоровым. Этим городом и следующим за ним, Помпеей, мимо которого протекает река Сарн, когда-то владели оски, затем тирренцы и пеласги, а потом самниты. Однако и последние были вытеснены из этой области».

Страбон «Географии» (V.4.8.)

Джил

Наконец мы прибыли в Портичи.

Мой «трон» поставили на землю. Тот парень, которого Кристиан назвал Марио, приподняв крышу, галантно подал мне руку. Я выпорхнула на землю, раздала слугам по монете и осмотрелась на месте.

Чудесно! Вокруг светило солнце, внизу плескалось теплое Средиземное море, впереди ждала любимая работа... Почти здорово, еще был рядом был тот, кто мог разделить со мной эту радость.

Я прошла по улице, жадно рассматривая Портичи. На тот момент довольно крупный поселок, в котором был большой музей, открытый пару лет назад королем.

С момента прибытия в Портичи, больше руководствуясь нестерпимой жарой, чем доводами рассудка, — как хорошо, что в этот момент они совпадали! — я спустилась к морю, где рядом с пристанью, в ряду торговых рыбой и овощами, купила новую большую корзину. Затем нашла укромное местечко и переделалась в прихваченные из дома вещички, уложив фижмы на дно корзины, прикрыла их платьем.

На себя быстро натянула тонкую белую блузку, юбку и лиф на шнуровке, укрыв слишком открытый вырез на груди белоснежной косынкой.

Прислуга в особняке не жила, так что, прежде всего, мне пришлось найти себе комнату в доме одинокой торговки рыбой, с которой я сговорилась за одну монету в месяц.

— Лусия... — Седая и досадно тощая, в выбеленной на солнце рубашке и темной дранной юбке из непонятной ткани, старушка хозяйка, которая в этот момент под деревом вытряхивала из корзинки рыбью чешую, обернулась на мой зов.

— У меня здесь рядом на винограднике в Резине подруга работает. Там недалеко еще статуи копают. Вы мне подскажите, как пройти к тому месту?

Торговка вышла из тени и подставила ладонь к глазам, чтобы солнце не слепило.

— Лаура, уж не красавчик ли черноглазый тебя там ждет? — засмеялась старушка скрипящим смехом. Прищурившись, она пристально вглядывалась в мое лицо. Зубы у нее были желтые, сточенные, но все на месте.

Я опустила глаза и покраснела. Так как работать придется ночью, то пусть думает, что красавчик.

— Насмотрелась я на таких дурех, доженихаешься на свою голову. Пусть сам к тебе прибегает. Я оставлю вас в доме одних, ты мне за это монетку, а старушке радость... А потом и я пригожусь, скажу, что он и есть отец ребенка. — Старушка нервно сжала сморщенную и надубленную от постоянной работы с солью руку в кулак.

— Не может он бегать сюда... Да и монет нет, мне еще надо работу найти...

— Не жадничай, твой черноглазый еще принесет! Или он у тебя каторжник? Я слыхала, что эти там землю копают...

Дабы не высказать торговке чего лишнего, я крепко зарыла рот и только молча покачала головой. Вот никогда не мечтала поживиться за чей-то счет. Но что я знаю об их жизни, чтоб осуждать?

Я вновь улыбнулась старушке, и продолжила расспрос:

— Так вы знаете, как туда добраться?

— Знаю, у меня там крестная жила, работала в услужении самого графа!

Я с преувеличенным уважением на нее взглянула, простые нравы требуют простой реакции, и склонила голову, ожидая продолжения рассказа.

— Так вот, когда она была жива моя крестная, — старушка нервно перекрестилась. — Вечный покой даруй ей, Господи, и да сияет ей свет вечный*.

*Католическая молитва, что-то вроде нашего «Царства небесного вечный покой»...

Я перекрестилась за ней.

— Так вот... Когда жила покойница, я каждое воскресенье после мессы ходила к ней вдоль берега, мимо леса. Можно и лесом, но там дорога тяжкая, да вся в норах. Так что, хоть лесом, хоть полями, приходила к ужину. Крестная меня, ну угощать, а у них там виноград сладкий, что нектар небесный...

Я поняла, что старушка Лусия решила пересказать мне все воспоминания юности, связанные с долиной Геркуланума, так что пришлось ее прервать.

— А я не перепутаю дорогу?

— Да нет... Там не спутаешь. Поднимешься на наш холм, оттуда все видно, как перед носом, не заплутаешь, сразу поймешь куда идти... виноград пробовать... — Лусия гадко хмыкнула и вернулась к своим корзинам.

Я оправила на себе платье, умылась водой из колодца, даже в таком облегченном виде было очень жарко, и направилась к вилле.

Дальше все шло, как по нотам, я быстро сориентировалась.

По аккуратной тропинке подошла к великолепной вилле с тщательно ухоженными садами и террасой на крыше, откуда открывался волшебный вид на Неаполитанский залив. И даже сразу наткнулась на управляющего, который отдыхал в беседке после сиесты. Заметив меня, он любезно поднялся со скамьи.

Высокий, смуглый мужчина лет пятидесяти, в белом напудренном парике и в ярко красной вышитой весте, с узкими длинными рукавами. Которые не сшивались, а скреплялись по локтевому шву в нескольких местах, демонстрируя, сквозь отверстия, роскошь рубашки из тонкой белой ткани. Сама куртка, веста, застегивалась впереди на талии до середины груди, открывая шикарное жабо.

В общем, по местным меркам он смотрелся благородно, а по такой жаре довольно забавно, словно собрался на бал. Вот только чулки вино-красного цвета демонстрировали, что передо мной не аристократ, но особа очень к ним приближенная.

Я подошла, придерживая юбки, сделала реверанс и учтиво представилась:

— Синьор Скарлатти, разрешите представиться, синьорина, Лаура Бланко... Вам писал обо мне синьор Петро Браско...

Он посмотрел на меня изучающим взглядом, словно припоминая о чем речь. Пауза становилась неловкой... Наконец он прервал свое монументальное молчание:

— Я ответил синьору Браско, что ничем помочь не могу. Домашних слуг на вилле переизбыток.

— Ах, Боже мой, синьор, — скромно потупившись, продолжила я, — прекрасно осознаю, что затрудняю вас, но если бы не происшедшее со мной несчастье, поверьте, я никогда не стала бы злоупотреблять вашим великодушием. Умоляю вас, примите меня в услужение! Я буду исполнительна и безмолвна...

— Вы изъясняетесь будто благородная дама... И странно для воспитанницы монастыря упоминать Божье имя всуе.

Он еще раз внимательно осмотрел мой скромный, но достойный наряд.

Я вновь поклонилась.

— Мой отец был часовщиком, у нас с сестрами была гувернантка... а когда он погиб, нас отправили на обучение в монастырь святой Магдалины. А все остальное от отчаянья. Я осталась одна, без крова, без денег. Родственникам написала. Мне нужна работа. Скоро приедет мой жених...

Синьор Скарлатти вновь замолчал, внимательно изучая мою покорно склоненную голову.

— Синьорина, пусть мне ваше желание и кажется странным, но я исполню ваше прошение...

— Благослови вас бог, синьор Скарлатти! — подняв на него счастливые глаза, радостно

воскликнула я.

— Погодите благодарить, дочь часовщика. Я возьму вас на кухню. Наш повар на днях жаловался, что не хватает слуг умеющих считать.

С благодарностью взглянув на синьора, вновь молча поклонилась. Он был немного разочарован, видимо ожидал возмущения, ведь работа на кухне была столь низким занятием! Но тут же дал приказ молодому слуге с напудренной косичкой проводить меня на кухню для знакомства с поваром. Я вежливо пожелала доброму синьору покровительство Святого Петра и через черный ход вошла в дом.

Вот так, почти с лету у меня получилось устроиться на работу в великолепный особняк герцога. Но по предыдущему опыту я знала, если что-то начинается гладко, то потом все идет наперекосяк.

Вставать приходилось еще до рассвета, и идти в особняк на кухню.

Я затапливала печи, чтобы к приходу повара плита достигала нужной температуры. Быстро убирала все, что оставили с вечера младшие повара, и уходила на рынок за свежей рыбой и зеленью.

Повседневная рутина успокаивала. Больше всего я любила именно раннее утро, когда могла побыть в одиночестве, тишине и покое прогуляться над морем, а позже, выполнить работы по кухне. Здесь не надо было терзаться размышлениями, вспоминать о прошлом, достаточно было быстро и аккуратно выполнять указы главного повара.

Через неделю для себя все выяснила и приступила к выполнению основного задания. Теперь и по ночам я с головой ушла в работу, присматриваясь к ночной охране, остающейся возле раскопок, и всячески пыталась избавиться от чувства вины. Увы, меня сейчас гораздо больше волновали перипетии на станции и будущее с Артуром, чем полуистлевшие свитки на Вилле Папирус.

Задание было сложным из-за расстояния. Вроде всего одна итальянская миля (около 3 км), но меня и каторжники так не смущали, как несколько километров ночных дорог. А еще мучило одиночества, затаившееся в душе, которое по вечерам разрасталось, словно какое-то злобное существо, мучая и лишая последних сил.

Закончив дела на кухне, я приводила себя в порядок, принимала пластинку бодрости, из своих профессиональных запасов, переодевалась в нарядное платье (надо было поддержать легенду о черноглазом) и шагала по ночному побережью к месту раскопок, разъяснив старушке Лусии, что от нетерпения не могу сидеть на месте.

В принципе, в таких условиях я бы спокойно работала и год и два, но очень скоро затишье закончилось.

Сама не желая того, я случайно вызвала к себе ненужный интерес у одного из гостей хозяина. Настолько, что едва рассвело, он заявился на кухню, когда там, еще никого кроме меня не было.

Заметив на пороге зрелого синьора в весте, расшитой разноцветными нитями и таком же ярко голубом берете с пером, я тут же отложила тряпку на стол и, склонив голову, присела в реверансе.

— Что желает, синьор?

Вместо ответа он подошел ко мне вплотную и двумя пальцами небрежно приподнял мое лицо за подбородок.

Я сдержала первое желание стукнуть его головой, всего-то вырвав и вновь опустив подбородок.

Он не стал настаивать и махнул рукой, приказывая подняться.

Встала перед ним, не ожидая ничего хорошего. Решив для себя, что если попробует применить насилие, немного его покалечу и сразу уйду из усадьбы. Пойду в работницы на виноградник. Хоть по ночам бегать по лесу не придется.

Гость окончил свой осмотр.

— Ты странная служанка... вчера я застал тебя склонившийся над томиком Страбона...

Такой прокол для историка! Я была уверена, что в комнате никого нет. Отвернувшись, мысленно себя обругала...

Но ведь никого из гостей на вилле не было, и я наконец-то без свидетелей добралась до большой гостиной, где схватилась за Страбона. Письмена были греческие, явно старые, но вполне читаемые, и я погрузилась в чтение, внимательно пробегая взглядом по каждой строчке.

Но как это объяснить ему?

— Я заметила странные буквы на корешке и попыталась сложить... Я немного умею читать. Меня в монастыре монахини учили! — гордо ответила я, теребя уголок серого застиранного фартука...

Принесла же тебя нелегкая на рассвете! Конечно, я сама виновата... но это был подлинник десятого века, я просто не смогла устоять!

— На греческом?! — Он захохотал. Затем вытирая выступившие слезы, самодовольно предложил. — Если хочешь, я помогу тебе научиться... А ты мне скрасишь вечера в этом проклятом доме!

Потрясающее предложение, я просто не знала, куда себя деть от оказанной чести.

— Я порядочная девушка. У меня есть жених. — В этом богобоязненном времени такое признание иногда останавливало насильников.

— Я могу сказать управляющему, что ты собиралась украсть книжку...

Вот же поддонок! Интересно, что же мне помешало, желая я сделать это на самом деле?

Я подняла глаза и сухо предупредила:

— И чем вы объясните управляющему, что я не взяла более дорогие книги с позолотой, а решила утащить старый облезлый фолиант? Тем более, ничего я не воровала и даже не собиралась. А еще герцогу, члену «Общества Кулака*» будет интересно узнать, как в его собственном доме совращают невинных девушек.

«Общества Кулака*» считали, что в преступлениях по большей части виновато само общество, толкающее бедняков на воровство и даже на убийство. Они считали, что число преступлений уменьшится с установлением всеобщего равенства перед законом.

Синьор, в костюме окраса райских птичек, нагло похлопал меня по щеке:

— Зубки показала...

Я с достоинством отступила к стене.

— Вы бы шпагу показали, обвини вас кто в воровстве... И извините меня, синьор, вот-вот сюда пожалует повар, он не выкажет радости при виде посторонних. Синьор.... — смиренно произнесла я и поклонилась, настойчиво прощаясь.

Радужный гость покачал головой, оценив всю дерзость жеста, но ничего больше говорить не стал. Молча вышел вон, резко хлопнув дверью.

И правильно, чего унижаться из-за прислуги.

Я с облегчением выдохнула. Что-то тяжело мне даются неравные отношения, особенно с теми, кто слуг за людей не считает. Все же Артур, несмотря на аристократическое воспитание, именно добрым отношением к слугам сразу мне понравился.

Сейчас мне затея с перенесением мужа из 19 века в век 18 уже не казалась столь правильной. Времени в обрез, я и часа для себя не имею, за месяц — два раза спала, употребив упаковку пластинок для бодрости.

Тяжело вздохнув, я продолжила уборку, благо в плите уже разгорелся огонь, и большая часть утренних дел была исполнена.

Повар, толстый усатый испанец, едва вошел, тут же вручил мне корзинку и отправил на рынок, так как в постный день господин желал чего-то новенького.

— Возьмешь зелень, сыр, чеснок, орехи... Да чтоб все свежее...

Я слушала и кивала, понимая, что сегодня ночью не смогу пойти на Виллу Папирус, так как просто падаю без сил.

Артур

Итак, жемчужина сработала, я в Неаполитанском королевстве.

Какое-то время празднично шатался по Неаполю, зашел в величественный кафедральный собор, побродил по улицам, попробовал местного вина... Казалось, что все пространство вдоль залива хаотично застроено стоящими впритык зданиями, о существовании проходов между которыми порой можно было лишь догадываться, поскольку узкие проулки перекрывались выступавшими вперед верхними этажами грязных кирпичных строений.

Над городом постоянно висел едкий дым бесчисленных очагов, печей и жаровен, забивавший вонь, исходившую от производства шкур и копчения рыбы.

На улице было полно народа, туда обратно сновали рыбаки, торговцы, и ремесленниками. Порой людской поток рассекали портшезы аристократов, которых слуги в ливреях проносили над толпой.

Наконец перстень привел меня к точке, горевшей как маяк.

Золотой, врученный слуге, дал возможность беспрепятственно миновать лакеев у входа. Предвкушая встречу, я вошел в великолепный особняк. Меня тут же окутали ароматы фиалковой воды и разогретого воска.

Огромная зала, залитая сиянием тысяч свечей, радушно встречала гостей. Хрустальные люстры, висящие где-то высоко-высоко, освещали рисунки изысканно расписанного, отделанного под золото, потолка. Изящные канделябры на длинных, покрытых белоснежными скатертями столах всеми изгибами подчеркивали свою утонченность...

Одежды на гостях были в стиле моего деда.

Я и сам успел отыскать себе новый наряд с жюстокором в виде красного мундира и колютов синего цвета, не скрывая, что англичанин. Обувь с огромными пряжками смешила, но что не сделаешь ради любимой жены...

Все это время я с интересом разглядывал прогуливающих по вилле гостей. Высокая стройная женщина в великолепном боа из перьев с напудренной высокой прической, украшенной цветами, держала руках кружевной веер. Почувствовав на себе мой взгляд, она грациозно повернула голову в мою сторону...

Но это была не Джил. Лет на десять старше, с тяжелым взглядом хищницы, который никакими бантиками на шее не смягчить. Леди, прищурившись, на меня вопросительно

посмотрела.

Я любезно поклонился гостю из будущего и вышел.

Итак, в Неаполе Джил нет.

Не придумав ничего лучше, следующим утром я нанял слуг, купил закрытый экипаж и попросил доставить меня на окраину Стабии, крайнего пункта из всех, куда по работе могли отправить Джулиану.

Рассудив, если ее нет в Неаполе, то путешествуя по «золотой миле» с помощью перстня, я непременно наткнусь на нее, так как здесь все поселения расположены вдоль побережья.

Великолепный «тарантас», изнутри оббитый шелком, нещадно трясло, отсутствие рессор в этом веке довольно тягостно сказывалось на выдержке и здоровье путешественников. Я бы купил коня и этим удовлетворился, но, увы, внимательное рассмотрение чудного перстня с картой, требовало уединения.

Один раз он замигал, указывая на путешественника во времени. Я остановил кучера возле богатого дома посреди большого поместья прямо на выезде из Неаполя, и послал слугу узнать, кто живет там. Но это ничего не дало. И часа не прошло, как огонек начал передвигаться по карте.

Но чуть взглядевшись в толпу выходящих из дома слуг, хотя огонек на перстне увеличился и усиленно мигал, показывая, что объект приближаться, женщин среди них я не обнаружил.

Раздосадовано качая головой, сколько же здесь пришельцев из будущего, приказал кучеру трогаться, решая добраться до конечно пункта, Стабии. И только в крошечном Портичи я, наконец, увидел ее...

Белый огонек на карте перстня усиленно замигал.

Оставив карету, я устремился следом... И оказался на небольшом приморском рынке, где горластые торговки наперебой предлагали свежую рыбу.

Одетая как торговка с рынка, Джил с необыкновенной легкостью несла огромную корзину зелени, ловко минуя столпившихся то тут, то там покупателей.

Мысленно поблагодарив слугу, за приобретенную по его совету маску, я сначала догнал ее, потом пристроился следом.

Еще на станции я отметил, что моя леди за год после замужества изменилась даже внешне, исчезла излишняя резкость, фигура приобрела женственность и нежность изгибов, которые только подчеркивали романские одежды прошлого века.

Но это было до того как я ее увидел вблизи. От прежней Джил осталось только тень, скулы выступили, под глазами залегли серые тени и словно навечно приклеилось и застыло суровое выражение лица.

Заметив, что прохожий из черни, попытался ущипнуть мою леди, я кинулся вперед, но Джил не оборачиваясь, на ходу вывернула негодяю до хруста руку и пошла дальше, словно ее не касались проклятия покалеченного нахала.

Я поторопился ее догнать.

— Синьора...

Но она не остановилась, прибавив шаг, поторопилась уйти. Услышала.

— Синьора... Синьорина...

Опустив голову, она стала удаляться, как английский фрегат от родного берега.

— Еще немного и мне придется за вами бежать. У меня для вас есть важное известие. — Мой итальянский был выше всех похвал, я бы и сам удивленно заслушался, не думал, что я

его еще так помню, но длинноногая маска приглушала звуки, меняя голос.

Джил резко остановилась, поставила корзину с зеленью на пыльную дорогу и, скрыв раздражение за стиснутыми губами, повернулась ко мне:

— Господин, кто бы вы ни были, это вы мене звали? Так я слышала. — С простонародным говорком сказала она. Джил глупо улыбнулась, по-крестьянски нелепо широко растянув губы в улыбке. — У вас новости о моем женишке? Марио, что с ним? Что опять натворил этот негодяй?

Какой Марио?!

— У меня новости о войне. Колонии взбунтовались.

Она отступила.

— Слова-то какие мудреные, о чем это вы, господин под маской? Небось, наше вино распробовали? Оно быстро пробирает, даром что молодое.

Рядом остановились какие-то люди, помня наказ Джона, я не решился сразу открыться. Значит, она думает, что я пьян, ладно...

Я навалился на нее, обнимая. Но увидев, что она протягивает руку, чтобы незаметно лишиться меня сознания, торопливо напел:

— Не губи меня, красавица. Я еще не все сказал...

Она выдохнула и скороговоркой, как торговки на рынке, произнесла:

— Появился на мою голову, обрученную девушку позоришь... стыдно, синьор.

— Я дам тебе два золотых, ты побудешь со мной? — прошептал я внезапно охрипшим голосом.

Я видел, что она стиснула кулаки, но всмотревшись в мою улыбку, схватилась за горло, словно ей не хватало дыхания...

Мне его тоже не хватало.

— Да, господин... — прошептала она. — Вечером буду ждать на старой верфи. Если получится...

Целуя ее ладони, я довольно кивнул, тут позади раздался чей-то голос.

— Вот как? Что-то ты меня не захотела приголубить, женишком своим отмахивалась, честной себя показывала, шлюха. А я, оказывается, золота тебе не предложил...

Схватившись за шпагу, я резко обернулся. За мной стоял местный аристократ, один из тех, кто напоминал мне яркостью костюма внезапно разбогатевшего циркача, увешенного драгоценностями, как старые Лондонские герцогини.

Я презрительно отозвался:

— Пошел вон, невежа, синьорина знает, кого ей выбрать...

— Да кто ты такой?

— Не вмешивайся! — прошептала Джулиана. Потом с тем же простонародным акцентом громко затараторила:

— Синьор не прав, я честная девушка, но что с пьяного взять? Помогли бы, синьор, а то господин на ногах не стоит, а вы ругаться вздумали... — и, обратилась ко мне:

— Где ваши носилки, уважаемый синьор? Позвать слуг? — словно причитая, она продолжила жаловаться:

— Ох и достанется мне от Марио, едва он прознает что я тут с вами разговаривала... И от повара достанется. К зеленщику ведь послали...

Она осторожно покосилась на меня и отвела взгляд.

Ясно, они не в игрушки играют...

— Простите меня, прекрасная синьорина, я спутал вас со своей знакомой... — Я снял треуголку и вежливо поклонился.

Всего один миг я видел как облегчение и радость вспыхнули в глазах у Джил, потом она вновь разворчалась, что такая путаница ей дорого обойдется и от повара попадет.

Мне пришлось натянуть маску и с трудом уйти. Но в душе была радость. Все получилось, я нашел ее! Джил знает, что я здесь и должна прийти на встречу. Еще бы выяснить, где здесь старая верфь...

Я с предупреждением оглянулся на франта, но он, в этот момент, прищурившись, смотрел на мою жену.

Тяжело вздохнув, хотелось решить эту проблему и в тоже время не хотелось портить замыслы Джил, так что, стиснув кулаки, я вернулся в карету

Итак, мне надо найти себе приличное пристанище в Портичи, и тут я обратил внимание, что на недавно многолюдной улице, где бойко шла торговля, почти не осталось народа.

К месту вспомнилась испанская поговорка «в жару по солнцу бегают только собаки и французы».

Джил

Воспользовавшись отъездом господ из усадьбы, я сразу отпросилась у повара, так как, после встречи с Артуром никак не могла прийти в себя.

Потому вернулась в дом к Лусии, искупалась и переоделась. Когда с этим было покончено, к своему сожалению выяснила, что только полдень.

Не зная, как дождаться вечера, я продолжала стоять у окна и сушить волосы. И не сразу поняла, что плачу.

Мне так хотелось, чтобы можно было заниматься любимым делом, не нанося боль мужу, за которым ужасно соскучилась, и с которым можно встречаться только украдкой.

Я очень ждала момента, когда начнет смеркаться, чтобы пойти к Старой верфи.

Не знаю, почему так называли местечко над морем, но никакого намека на верфь, пусть и разрушенную, там не обнаружила. Зато там можно было спокойно встретиться и поговорить, не опасаясь, что кто-то подслушает.

Дело за малым, только дождаться сумерек...

Но я ошибалась. Едва колокола в храме Сен-Сиро пробили полдень, мне принесли записку от Кристиана. Я сунула монетку посыльному и поспешно зашла в свою комнату, чтобы прочесть послание.

Сердце громко стучало, предупреждая, что это не к добру, но что делать, я обязана сразу реагировать, иначе он объявит розыск, и меня эвакуируют насильно.

Послание начиналось с уже привычного:

«Джи, привет!

У меня тут разговор к тебе есть важный, не могла бы ты заскочить в Неаполь?

Пешком не советую, такого разгула преступности как в Неаполе тяжело найти во всей мировой истории, но если тебе охота стать ее частью, неволить не стану.

Итак, я буду у церкви Джезу Нуово, это лучшее место, чтобы побеседовать, не привлекая внимания. Заодно изучишь яркий пример неаполитанского барокко. Уникальное

место, я тебе скажу, ну, сама увидишь.

Прибуду к пяти, и буду ждать, пока не придешь.

P.S. Только сильно не опаздывай.

Кристиан»

Итак, свидание с Артуром отменяется, но как ему об этом сообщить? Я с болью прикусила губу, чтобы не взорваться от досады... мне так хотелось увидеть мужа!

Ну почему именно сейчас, именно сегодня?... Именно тогда, когда мы даже поговорить не успели. Я не знаю где он, он не знает, где нахожусь я...

С отвращением склонилась над корзиной, где оставила свои «рыбьи кости», так назывались фижмы в Европе, и принялась одеваться, помня, что в Неаполе не любят тех, кто одевается роскошно...

Отсюда и пешком до Неаполя дойти не проблема, но насчет преступников Кристиан ни капли не преувеличил. Я устало натянула на себя скромный голубой наряд, с кружевным корсажем, пышной юбкой и короткими рукавами, что был на мне в день прибытия, и быстро вышла со двора Лусии.

Конечно, в Лондоне моего времени куда больше свободных карет и нанять извозчика вовсе не проблема, здесь с этим сложнее, но по уровню развития Лондон начала XIX только приблизился к Неаполю середины XVIII. Если бы я оказалась в Лондоне сейчас, то столкнулась бы с повсеместным отсутствием дорог, менее цивилизованным обустройством быта и прочего.

Мне повезло, что я попала в Неаполь в момент наивысшего расцвета, в это время там проживало почти триста тысяч жителей, он был вторым по величине городом Европы после Парижа. Когда перечисляли лучшие города мира, так и говорили: Париж, Неаполь, Вена.

Лондон возвысится чуть позже. А пока все ровнялись на Неаполь.

Именно здесь был лучший оперный театр, лучшие музыканты, первая в мире школа балета, и Академия изящных искусств. Отсюда пошли художественные традиции фарфора Каподимонте. Здесь же появился старейший в мире государственный университет Федерико II. И неудивительно, что светочи мысли писали здесь свои работы.

Знаменитый Томазо Кампанелла 33 года своей жизни из 71 провел в тюрьмах, а конкретно, в Неапольском Кастель Нуово, где написал лучшие свои труды, включая обессмертивший его имя "Город Солнца".

Глава одиннадцатая

Неаполь — весел, свободен, оживлен, бесчисленное множество людей снуют по улицам, король на охоте, королева — в интересном положении, словом — все прекрасно.

Гете.

«Итальянские путешествия»

Джил

Довольно быстро я добралась до Площади Муниципалитета, где находилась нужная мне церковь Джезу Нуово. Которая располагалась между церквями святого Духа и святой Клары. Сам район назывался Спакканаполи — что в переводе означает «раскол Неаполя». Его главная улица делит город на две части, это древний декуман Неаполиса, то есть, античная древне-греческая улица. Где-то здесь рядом, находится монастырь, по легенде основанный святой императрицей Еленой, матерью Константина Великого.

Неаполь полон сокровищ христианства, причем основная масса — это святые, которых признают и которым молятся все христиане, так как они прославились до того, как в XI веке католичество откололось от православия, и пошло своим путем, раскалываясь дальше на различные течения протестантов.

Итак, вот и Джезу Нуово.

Я аккуратно поправила покрывало на голове, заодно огляделась. Видно прибыла слишком рано, так как, Кристиана, обещавшего меня дождаться, на месте еще не было.

Ну, хоть что-то...

С чистой совестью и превеликим удовольствием я изучала статуи и фрески, впитывая каждой крохой души красоту храма, просто кипя от восторженных впечатлений!

Будь моя воля, уволокла бы его отсюда целиком, поставила под стеклом, чтобы все-все любовались, оценивая уровень мастеров этого времени и напитывая души красотой цветного мрамора и ярких фресок, которые словно по волшебству поднимались вверх к куполу, образуя с ним единое целое.

Пока я изучала знаменитую фреску Франческо Солимены (1725), появился, как всегда разодетый под аристократа, Кристиан.

Он снял треуголку и, приветствуя меня, склонился и помахал ею:

— Синьорина Лаура, рад встрече, — очаровательным голосом произнес сотрудник из будущего, незаметно поправляя на груди пышное жабо.

— Бон помериджо, синьор. (Добрый день. *итал*) — Я сделала почтительный реверанс и, скрыв улыбку, всмотрелась в своего сослуживца. На этот раз его волосы были напудрены, на лице приклеены мушки, в руках он держал лорнет. Просто неотразимый красавчик по местным меркам.

Интересно, зачем он так вырядился?

Мы отошли в угол здания, где под сенью статуи Святого Януария стояла чаша со святой водой и, склонившись над ней, начали душеспасительную беседу:

— Вот здесь инструкции... — Кристиан протянул мне свиток из специального материала, который в заданное время рассыпается в пыль. — Ты же знаешь, зачем я тебя на виллу герцогу послал.

Я удивилась:

— Нет, не знаю. Как раз об этом мне никто не сказал. После твоих слов, я могу только догадываться зачем.

Я перекрестилась и пальцами тронула воду, чтобы нанести святыню на себя. Кристиан повторил за мной, и продолжил:

— Вот здесь инструкция. Она исчезнет через два часа. Вкратце: у герцога богатое собрание скульптур, картин и драгоценных украшений. Надо набросать общий план виллы, расположение артефактов по комнатам, состояние, имя мастера и так далее. Хорошо бы иметь полный перечень библиотеки. Но это, как сможешь. Такое задание уже давали тому, что кто открывал работу по вилле Папируса в 1749, но он не справился. Потому тебя

устроили прямо на виллу.

Звучало вроде гладко, однако, что-то меня в его словах царапнуло.

— Большое спасибо конечно, но за месяц я спала всего две ночи. У меня почти кончились противосонные средства, а в сутках всего 24 часа. Если я займусь виллой, то на папирусы, то есть, основное задание, времени уже не останется.

— Все не столь категорично, Джил, — поспешил успокоить меня Кристиан, что успеешь, то успеешь, постепенно соединим данные и получим общую картину. Не волнуйся так...

— Если так все просто, то зачем инструкции? Достаточно словесной просьбы... — с подозрением спросила я, зная, что у историков, в принципе, не может быть все просто.

— Это и есть, словесная просьба... — Очаровательно улыбнулся Кристиан.

Я поджала губы, обаяшка Кри стелил слишком мягко.

— Как я понимаю это не единственная просьба? — мягко поинтересовалась я.

— О проницательнейшая, все так и есть, у меня есть еще одна маленькая просьба... Нет, их две! — поспешно исправился Кристиан.

— Слушаю, о льстивейший, — с тем же легким сарказмом в голосе отозвалась я.

— Первая... надо кое-что захватить отсюда на станцию, мелочь конечно, но у меня нет переходников... как у тебя с этим? — Слабо верится, что у Кристиана нет переходников, их дают только историкам и офицерам безопасности. То есть, ему точно должны были выделить.

У меня они были, но это подарок Ромы и о них никто знать не должен.

Захватить на станцию?! Контрабанда?! Грустно покачала головой.

Я во многом очень наивна, что признаю за собой, но тут я доподлинно понимала, что стоит один раз с этим связаться, потом они не будут просить, а только приказывать. И в случае прокола с контрабандой обвинят во всем меня...

— Меня отправляли в такой спешке, что карту двадцать первого века дали. О каких лишних проводниках может идти речь? — с горечью отозвалась я. — Есть только один — на возврат.

— И то верно... — прищурившись, отозвался «душка» Кристиан. — А то бы отправилась домой, выспалась, искупалась, потом обратно сюда...

Я закивала, как китайский болванчик:

— Спасибо, хоть ты меня понимаешь! Приеду, Джо станет лысым Аполлоном. Я с нег не слезу, пока он мне все переработанное время не компенсирует.

Кристиан, задумчиво похлопав по своей ладони только снятой перчаткой, добродушно усмехнулся:

— Я тебе помогу с ним разобраться... А почему это «Аполлоном»?

Я хихикнула:

— Ну, мы его так между собой прозвали за любовь к своей красоте.

Вернее звала его так только я, Наташа называла его куда более неблагозвучно, если не сказать грубо.

— Жаль, а то мы свои... Я тебе помогу, ты мне... — расплылся в щедрой улыбке сотрудник безопасности.

Вот и ответ на старый вопрос, как рука руку моет, то есть как наши историки с «безопасностью» на тему контрабанды «дружат».

— Кристиан, у тебя был еще один вопрос... — невинно напомнила я, скромно склонив

голову перед изображением неизвестного мне святого с Евангелием в руке.

— Да... Может, познакомимся поближе? Я здесь три года и мне так надоело общаться с местными дикарями. Тем более, мы здесь одни и никого кроме нас... только цивилизованные люди, ты и я. — Он восхитительно улыбнулся и обнял меня.

Я замерла совершенно неподвижно, не поддаваясь его объятьям, но и не вырываясь, точно каменная статуя.

Кристиан остановился, ничего не предпринимая, словно чувствуя, что стоило бы, пожалуй, убрать руки моей талии. Мне осталось только подтолкнуть его к правильной мысли:

— Знаешь, Кристиан, в Неаполе сейчас самый рассвет школы кастратов. Они здесь нарасхват. Ты желаешь присоединиться и разделить с певчей братией гигантские гонорары? — спросила я ровным голосом.

— Какая суровая, — насмешливо отозвался он, но руки убрал. И отодвинулся. Благоразумный тип.

Я резко подняла на него глаза и прямо спросила:

— Прежде всего, не юли и не пытайся укрыться за словесным мусором... Скажи, Сирена тоже замешана в этом?

— Да, она и задумала тебя привлечь, — раздраженно отозвался Кристиан, сосредоточенно натягивая тонкую перчатку. Он сразу стал каким-то равнодушным. Добродушная привлекательность исчезла, передо мной стоял офицер космической безопасности Земли. Заодно преступник и контрабандист.

Но я все равно многого не понимала.

— Если вы вместе, зачем ты пытался предупредить меня насчет нее? И дополнительное задание у герцога в особняке ты придумал, чтобы позже предложить мне помощь в исполнении, а затем потребовать за нее благодарность в виде контрабанды?

— Ну, нет, твое задание в особняке это универсальное доп. требование к историкам этого периода... — заюлил Кристиан.

Все понятно, он ничего мне не скажет. Я кивнула и больше спорить не стала. Если бы оно было таким, я бы о нем знала. Да и способ подачи задания на исчезающем бланке, не внушал доверия. Хотя зная наших организаторов, типа Джо, ни в чем нельзя было быть уверенной.

Подняла на него кроткий взгляд и смиренно отозвалась:

— Рада была увидеть вас, синьор Петро. Спасибо, что сообщили мне об этом, а теперь позвольте попрощаться и пожелать вам...

— Джил, ну чего ты так... — тихо и виновато спросил Кристиан. Но войти в роль добродушного весельчака ему уже не удалось.

Я вновь холодно на него взглянула и с раздражением отозвалась:

— А чего ты хотел? Я на самом деле работаю на износ, и по твоей прихоти потратила целый вечер!

— Уйди с виллы Папирус, иди работать только по библиотеке герцога...

Щедрое предложение. После его слов до меня дошла последняя деталь, которую я как-то упустила — план по вовлечению меня в контрабанду ценностей из прошлого был разработан давно и тщательно. И в особняк герцога меня отправили не случайно. И не факт, что это было начальство института.

— Спасибо за совет... — вздохнула я, собираясь уходить. — Но вилла Папирус — мое

основное задание.

— Джулиана...

Я обернулась и мягко улыбнулась Кристиану.

— Прости, что разочаровала... и удачи с доставкой.

Грустная и подавленная я вышла из храма. Большая разница теоретически предполагать, что рядом происходит такое действие как контрабанда, и столкнуться с ней в реальности. А ведь я всегда была такой идеалисткой в отношении своей профессии...

Злиться или обдумывать дальнейшие шаги не было сил. Я тихо брела по улице, осматривая величественные здания. К Артуру я уже опоздала, но, возможно, еще успею попасть в библиотеку Виллы Папирус. Но после этой встречи меня одолело такое тяжелое уныние, что ничего делать не хотелось, словно вся накопившаяся за месяц усталость разом обрушилась на меня.

Достала свиток, что вручил мне Кристиан, чтобы еще раз ознакомиться. И медленно читая перечень работ, необходимых при осмотре особняка герцога, я так и брела по улицам дальше. Интересно, они сами его составили или скопировали откуда-то еще?

Стемнело.

Возле многочисленных *Macellaria* (лавка мясника), *Pesceria* (рыбная лавка), *Frutteria*, *Formaggeria* (сырная лавка) толпились кучи народу, как будто в этом городе вообще никогда не спали.

Когда я в очередной раз подняла голову от свитка, то оказалось, что где-то свернула не туда и нахожусь на улице Толедо, от которой паутиной расползались Испанские кварталы — историческая и печально известная часть Неаполя. Кварталы появились в XVI в. когда началось испанское господство, и сразу же приобрели дурную славу, проституция и преступность процветали на узких грязных улицах.

Вокруг расположились «низкие» дома с выходами прямо на улицу, где дверь служила и окном. Жилье для бедняков, для тех, кто не мог позволить себе лучшего.

Но, несмотря на внешнюю нищету, эти дома яркий пример неаполитанской жизни, шумной, хаотичной, немного неопрятной, но живописной и динамичной. Неаполь словно притягивал к себе авантюристов, торговцев, бродячих ремесленников, кочевников и преступников всех мастей.

Видимо у меня с ним много общего.

Я тоже то и дело притягиваю темных личностей. И, как правило, не вовремя. Как сейчас.

Навстречу двигались трое явно преступных личностей. Они перекрыли мне выход из улочки. Судорогой свело горло, во рту было сухо, в руках не было сил.

Я остановилась и спокойно сказала:

— Пропустите меня, синьоры.

Мужчина, резко схвативший меня за руку, выглядел настоящим бандитом, прозаичным, грубым, опустившимся, человеком без гроша за душой, готовым на все.

Малорослая фигура, облаченная в жюстокор, точнее, в то, что было им лет десять назад, а ныне немислимое тряпье неопределенного цвета. По опухшему лицу, с кривым от перелома носом, трудно определить, сколько ему лет. Зато концентрированный аромат мочи выдавал все остальное.

Он чуть выдвинулся вбок, преграждая мне отступление.

— Не-а, не пропустим. — Бандит усилил хватку.

Задыхаясь от вони, я с силой ударила по его щеке. Сломать что-нибудь лишнее я всегда успею.

— Вот оно как... — ответил он безразлично, я его определенно не впечатлила. — Такая красивая, а дерешься...

— Давай свои карлино! — нагло сказал мне лысый здоровяк с перевязанным глазом, буквально нависая над моей головой и дыша на меня перегаром. А третий и вовсе наставил на меня мушкет.

Я едва различала, но в темноте на входе в квартал появился чей-то новый силуэт. Широко распахнув глаза, внимательно осмотрела незнакомца, который быстро шагал по узкой городской улице в нашу сторону. Кто он? Враг или друг?

Три бандита посмотрели в его сторону, затем равнодушно переглянулись.

Тощий обладатель мушкета, несмотря на рваную рубашку, смотрелся не так ужасно, как тот, что схватил мою руку, или здоровяк с перевязанным глазом, но его маленькие прищуренные глазки злорадно глядели на меня, и от этого плотоядного взгляда становилось не по себе.

Не дожидаясь их атаки, я резко отпрыгнула в сторону и вывернула пистолет из руки тощего бандита и тут же ткнула широким дулом ему под ребра.

Он охнул и отскочил назад, явно примериваясь вернуть себе отобранное оружие.

— Ага, не нравится, господину пробовать собственноручно приготовленный обед, — прорычала я, отступая. — Вот сейчас как выстрелю, и не станется господина! Для этого мне надо нажать вот на этот маленький крючок, правильно?

Бандиты попятились... Я вздохнула свободней.

Тот, что хватал меня за руки, сбежал первым. Пьяный, а какой шустрый... Я с насмешкой посмотрела ему вслед, криво и очень неумело держа пистолет, притворяясь, что у меня дрожит рука.

— Господи, Габи, отбери у нее мушкет! — в ужасе заорал тощий грабитель, падая на колени под тяжестью нацеленного оружия. — Иначе эта чертова баба превратит меня в решето!

Но здоровяк без глаза тут же развернулся и убежал следом за пропитым насильником прочь, то ли от страха, то ли за помощью.

Судя по взглядам, исполненным надежды, кидаемым в сторону скрывшегося Габи, все же за помощью.

Я выстрелила в сторону и кинула замазанный порохом мушкет насильнику.

— Пошел вон, мерзавец, пока я не отделала тебя как отбивную! — Я легко вывернула ошалевшему бандиту руки до хруста, к своему стыду получая от этого даже удовольствие, и оттолкнула того к стене. — И не попадайся мне больше. Живым не отпущу! — это было сказано на чистом аристократическом неаполитанском, без намека на простонародность, но он вряд ли это заметил.

Прохожий в бордовом жюстокоре отделанном золотым галунами почти достиг нас. Оглядывая место недавней схватки, он покачал головой и на английском весело сказал:

— Опять моя леди развлекается... — Бандит, наблюдая за тем, как аристократ целует мне руку, в шоке попятился.

Я все еще не могла поверить, что Артур здесь, в Неаполе! Я же думала, что он ждет меня в Портичи.

— Артур?! Как ты сюда... — Тут я поняла, что это все неважно и кинулась к мужу,

собираясь, совершенно немужественно заплакать.

— Это становится уже традицией, ваша светлость, леди Инсбрук. Темные улицы, вы и разбойники. Только тумана не хватает. — Насмешливо отозвался он.

Я прижалась к нему, и затихла на груди, не желая отрываться.

— Я ждал тебя на верфи... — тихо сказал он, обнимая.

— Мне запиской приказали отправляться в Неаполь... — я была очень рада, что он не злится, потому что подвела и не появилась.

Меня сейчас наверно просто сломил его гнев, я и так сама на себя злилась.

— Ну что ты... — Я виновато всхлипнула. Мало того, что я подвела его, ему еще и пришлось меня успокаивать.

Судя по раздавшемуся где-то рядом топоту, тощий тип побежал за солдатами.

Я оторвалась от мужа и, с опаской прислушавшись к затихающим шагам, с мольбой попросила:

— Давай поскорее сбежим отсюда ... Понимаешь, здесь настоящий бедлам с стражей, они где им вздумается ставят заставы и берут налог, даже если ты везешь товар с одной улицы на другую... А если уж попасть в застенки Кастель Нуово, то пройдут десятилетия пока они разберутся зачем меня туда упекли. Так что самое благоразумное, скрыться отсюда как можно скорее, пока нас не доставили к местным Радамантам*...

*Радамант — такое имя носил сын Зевса и Европы, славившийся своей справедливостью. Он был судьей в подземном царстве теней.

— Не стоит волноваться, дорогая... — Артур вновь обнял меня, высокомерно оглядывая убогую улочку.

— Мне нельзя с ними связываться... — взмолилась я, не представляя, что он задумал.

— Я британский аристократ, никто не посмеет, усомниться в моих словах... Я укажу страже, кто прав, а кто виноват.

Я догадывалась, что он решит, что это немаловажно. И робко пояснила:

— Артур... Британия только через одиннадцать лет выйдет победительницей из семилетней войны. А пока это далеко не та Великая Британия, которую знаешь ты. Так что, не рассчитывай, что они падут ниц перед английским аристократом...

* «События Семилетней войны превратили Ост-Индскую компанию из торговой державы в державу военную и территориальную. Именно тогда было заложено основание нынешней Британской империи на Востоке. Англия из войны вышла значительно усилившейся, доказав, что она недаром носит титул «владычицы морей».

— Ваша светлость, не окажите мне честь пройтись со мной до кареты? — церемонно поинтересовался мой супруг и тут же тихо прибавил. — Вот только убегать мы не будем...

— Хорошо, сэр Артур, как скажете. Но все же мне хотелось избежать знакомства с местной городской милицией под красивым названием «Святая Эрмандада», — с улыбкой ответила я, стойко игнорируя топот сапог, разносимый по узким каменным улочкам.

Муж взял меня под руку, и мы чинно проследовали вниз по улице, протянувшейся через весь испанский район и выходящей к площади у монастыря, откуда он пришел Артур. Там стояла роскошная коляска, внутри обитая шелком, с лакеем на козлах, одетым в дорожную,

отделанную золотой тесьмой зеленую ливрею и напудренный парик с косичкой. Он церемонно поклонился, опустил подножку и раскрыл дверь.

Я обернулась к мужу и с восхищением произнесла:

— Где ты взял такую красоту? — Не скрывая восторга, я мягко провела пальцем по деревянной покрытой лаком резьбе двери. Мне хотелось обойти и внимательно, как в музее, осмотреть ее, но покосившись в сторону узкой улочки, откуда донесся топот стражников, резко передумала.

Артур сурово покосился на криво усмехнувшегося лакея, который принял меня за деву радости, которыми были переполнены вечерние улицы Неаполя, и спокойно ответил:

— Купил... Я знал, что тебе понравится.

— Боже, она же как игрушечная шкатулка...

— Давай осмотрим ее изнутри, — скрывая улыбку, произнес Артур.

— Да-да, прости, я увлеклась... — Он подал мне руку и помог в нее сесть.

Едва мы оказались на роскошном диване, Артур не давая оглядеться, тут же притянул меня к себе... и я утонула в его взгляде, с нежностью вглядываясь в темные и такие родные глаза.

В этот миг я позабыла, что нужно дышать. Забыла обо всех проблемах, о предательстве и разочарованиях.

Ощущение холода в душе, который накопился за время, когда я рационально составляла планы и пошагово приводила их в исполнение, чувствуя себя не человеком, а искусственным интеллектом обременяемым плотью, которая то и дело мучила меня требованием сна и еды.

Лакей убрал подножку, сел вперед, фореитор натянул вожжи, ожидая приказа трогаться.

Крошечный огонек радости, который согрел душу изнутри, разгорался все сильнее, не дожидаясь пока карета тронется, я обняла Артура.

— Ты не представляешь, как я по тебе соскучилась...

— Я содрогаюсь при одной мысли, что это может быть не так... — ответил он, горячо целуя.

Чувствуя себя совершенно счастливой, я прижалась к мужу, отвечая ему с той же горячностью.

Но, увы, слишком поздно вспомнила, что совсем позабыла принять пастилку антисна... Усталость захлестнула меня словно гигантская волна. Я пыталась сопротивляться, но тут же провалилась в темноту, даже не успев хоть что-то пояснить мужу.

Артур

Такого фиаско у меня еще не было! Чтобы моя любимая супруга уснула в середине горячего поцелуя...

Я усмехнулся и крепче прижал ее к себе, если взглянуть на это с другой стороны, у кого еще в объятьях она могла уснуть столь доверчиво и беззаботно?

Припомнив, как она уснула в Гайд-парке, как бы странно это сейчас не звучало, я не смог сдержать теплой улыбки.

Я отдал приказ ехать к таверне в Портичи, где снимал номер, с расстройством рассматривая обострившиеся черты лица Джил. Видимо это задание ей тяжело давалось.

Но удастся ли мне уговорить ее оставить ее занятие? Возможно ли это вообще?

Почувствовал болезненный укол, было досадно, что в этой ситуации я мало на что мог

повлиять.

Возница бойко подгонял четверку лошадей с крепкими мускулистыми крупами. При каждом ударе бича лошадки прибавляли ходу.

Мягко поменял позу, полностью переместив Джил к себе на колени, стараясь, чтобы фижмы не мешали ей отдыхать, но Джил даже не очнулась, продолжая мирно посапывать, прижавшись щекой к моей груди.

Вглядываясь в бледное лицо супруги, я встревожился, такая истощенная впору обеспокоиться, не заболела ли она? Но при всем при этом, на ее лице было столько умиротворения, что я перестал беспокоиться, наметив ко всем предыдущим вопросам, на которые мне пока так никто и не ответил, расспросить о причине внезапного сна.

Я склонился к ней и нежно поцеловал. Джил, не просыпаясь, едва заметно улыбнулась.

За философским размышлением, как случилось, что оказался здесь и сейчас, и почему воспринимаю все столь спокойно, я и не заметил, как мы добрались до таверны, где я снимал номер.

Едва карета остановилась, укутал Джил в плащ и, подхватив спящую жену, вышел из кареты. Конечно, ей больше подходило выходить из кареты в коричневом бархатном платье и кружевным жабо цвета слоновой кости из индийских кружев, какое осталось у нее дома, в полном блеске, достойно своего титула, однако с этими прыжками во времени и просто находиться рядом, уже награда.

Мы незаметно проскользнули через калитку в ограде к черному ходу. Шагая с драгоценной ношей на руках, я прислушался. Вокруг стояла тишина, разбавленная нежным и таким далеким шепотом волн. Лакей ловко открывал передо мной двери, так что до номера, на втором этаже таверны, мы добрались быстро и без свидетелей.

Я легко опустил свою ношу на кровать, возле которой на столе стояла хрустальная ваза, в которой лежали свежие фрукты и запотевший кувшин с водой.

Лакей ждал приказа у двери, я обернулся к нему и со вздохом сказал:

— Откажись от моего имени от ужина, пусть принесут только вина. Я выпью портвейн.

Увы, вечер получился совершенно не таким, как представлялось мне раньше.

Я аккуратно снял с Джил обувь, снял фижмы и расстегнул корсет. Она не проснулась.

Смирившись с происходящим, я лениво стянул с себя жюстокор, с отвращением откинул жабо на спинку стула, стянул чулки, лег на кровать и нежно обнял жену.

Ха... Наконец-то я смогу обнять ее! И никуда больше не позволю ей сбежать!

Глава двенадцатая

Я не наступаю на одни и те же грабли. Нееет... я прыгаю на них от души и с разбегу... Анекдот.

Артур

Сквозь задернутые занавески едва просачивался далекий свет. Проснувшаяся среди ночи Джил, удивилась, оказавшись в незнакомой комнате.

— Который сейчас час? — хрипло спросила она саму себя, проводя по груди руками, словно убеждаясь, что на ней есть ночная рубашка.

Я приподнялся на локте и неловко одной рукой попытался притянуть жену к себе:

— Ага, вчера рано уснула, а теперь тебе не спится, дорогая?

Словно убедившись, что это я, она с облегчением выдохнула и на какой-то миг поддалась мне, прижавшись.

— Если бы ты знал, как мне хочется спать ... — прошептала она, на миг положив голову на мое плечо. — Но нельзя, мне надо идти в особняк герцога...

Джил вздохнула, поднялась, и нехотя сползла с кровати, в темноте нащупывая свои туфли ногами.

— В такую рань? Еще не рассвело... — я не скрывал раздражения, пытаюсь поймать жену и вернуть ее на законное место рядом с собой.

— Увы... Я чувствую себя безумно виноватой... Но честно-честно, я чуть-чуть разберусь с делами и буду полностью в твоём распоряжении.

Джил отошла к ширме, около которой стоял кувшин и таз для умывания. Налила в него воды и принялась умываться.

Проведя пятерней по волосам, я тяжело вздохнул и тихо поинтересовался:

— Могу рассчитывать хотя бы на поцелуй от своей жены, которую не видел почти около года? — Потом тихо прибавил. — Ты так сладко спала, что я целовать тебя не решился.

Джил, которая уже отложила полотенце и в этот миг застегивала корсет на потаенные крючки, несомненно, еще одно изобретение будущего, виновато на меня взглянула, но с места не сдвинулась.

— Ты опасаясь, что если я тебя поцелую, то не смогу сдержаться? — насмешливо подняв брови, поинтересовался я.

Джил взволнованно кивнула, потом с улыбкой добавила:

— Ну... не знаю, как ты... за себя я точно не ручаюсь.

— После таких обещаний я чувствую себя тем самым ослом, перед носом которого водят морковкой... — упав на подушку, с горечью усмехнулся я.

Джил прекратила на миг свои сборы и, глядя куда-то поверх моей головы, взволнованно произнесла:

— Понимаешь, если я сейчас останусь, я потеряю возможность работать в особняке герцога.

— И?..

Джил тяжело вздохнула и, опустив руки, с горечью пояснила:

— И не смогу выполнить задание, данное мне Кристианом. — Джил на миг замолчала, затем с горечью добавила. — Я боюсь быть излишне самоуверенной. Возможно, он все это придумал, а если это правда? И это на самом деле доп. задание? Как тогда я отчитаюсь на станции? Я же не могу им сказать, что подумала, будто он специально мне его подсунул, чтоб прикрыть контрабанду? — задумчиво призналась Джулиана, заканчивая собираться.

Мне было абсолютно ничего непонятно в ее пояснениях, кроме того, что ее куда-то втягивал некий Кристиан.

Хотелось резко ее остановить, допросить, выяснить, что за Кристиан и о какой контрабанде идет речь, но дрожь в ее голосе заставила меня не торопиться и тихо спросить:

— И что решила сделать?

— На всякий случай накидаю схему комнат и опишу с десятков картин и статуй. В доме герцога д'Эльбеф в 1807 сделают огромный ремонт, полностью изменив обстановку... В общем, до историков будущего мало что дойдет, а ведь это самый лучший особняк в

Портичи, именно насмотревшись на его великолепие и стиль, король приказал строить здесь свою знаменитую резиденцию Reggia di Portici.

Я поднялся с кровати и потянулся к одежде, собираясь проводить Джил, куда бы она не шла.

— Это и есть твое задание?

Джулиана остановилась, с недоумением за мной наблюдая. Она что думала, что я останусь спать?

— Нет, как я и говорила, мне необходимо спасти как можно больше свитков и, по возможности, изучить ведение работ по раскопкам, но ты просто не представляешь, какой там хаос... — печально произнесла Джил. Я сочувственно кивнул и поймал ее руку, чтобы притянуть и на миг прижать к себе.

Она виновато покачала головой и отступила, продолжая рассказ:

— С самого начала раскопки проходили в обстановке полной секретности, никаких отчетов, разумеется, не публиковалось, и общественность слабо представляла, что творится в Геркулануме и Помпеях.

— И что же там творилось? — спокойно спросил я, целуя ее ладонь, мне осталось надеть только плащ.

Она на миг с улыбкой прикоснулась ко мне, потом грустно вздохнула и продолжила рассказ:

— Они сейчас искренне думают, что Помпеи это Стабия, а Геркуланум Помпеи. Хотя и в самой Стабии тоже ведутся раскопки, но только через 11 лет, 18 августа 1763 года — они найдут пограничный столб Помпей, что и позволит точно установить объект раскопок.

— А тебе очень хочется вмешаться и рассказать, как они заблуждаются? — с улыбкой спросил я, заодно отпустил ее руку и порывисто заключил в свои объятия, отложив ее сборы на несколько минут.

— Что ты... нельзя. Да и кто станет слушать простую служанку, да еще и женщину? Ты не забыл, я ведь женщина, значит, не могу разбираться в таких вещах, — насмешливо закончила она, при этом нежно замерев в моих объятиях.

— Моя драгоценная, я неустанно благодарю господу, что никто кроме меня не знает какая ты женщина... Но что за контрабанда? И как ты с ней связана...

Я склонил голову, с нежностью взглядываясь в ее глаза.

— Надеюсь, что ты не ошибся в своей оценке моей скромной персоны, — кокетливо улыбнулась моя графиня. И тут же грустно прибавила:

— Мне не хотелось бы нагружать тебя лишними проблемами... С контрабандистами я никак не связана, да и узнала о них только вчера вечером.

Я замер ожидая подробностей, но Джил устало покачала головой, и пояснила совсем не о том, вновь вернув разговор к работе:

— Я говорила Кристиану, что не могу потянуть второй проект, что за последний месяц спала всего две ночи, все остальное время работала на Вилле у Геркуланских ворот в квартале Юлии Феликс. Мне надо успеть скопировать все, пока до нее не добрался Падерни, будущий директор музея. Из найденного, что придется ему не по душе, все будет разрушено.

— Так вот почему ты вчера так внезапно уснула... — догадался я, испытывая желание удушить незнакомого, но уже ненавистного мне Кристиана.

— Прости... я забыла принять препарат против сна.

Я стиснул кулаки и властно приказал:

— Останься и ляг спать! Я не буду тебя тревожить. И мне не нравится, что ты подвергаешь себя таким испытаниям!

Она устало покачала головой и отступила к двери:

— Вот в этом и хочу разобраться. Кристиан устроил меня у герцога в особняке по своей прихоти или, все-таки, это приказ руководства... Напрямую спрашивать не могу, я сказала им, что у меня нет переходников, чтобы не втягивали меня в контрабанду. Так что, я пока решила сделать так: выйти на работу в особняк еще пару раз, уточнить кое-какие детали в обстановке, чтобы потом по памяти составить схемы и наброски. Затем я переvedусь поближе к Вилле Папирус, и буду почти в полном твоём распоряжении.

Джулиана коротко и виновато улыбнулась.

— Я понял... — многозначительно ответил я, подхватывая с вешалки еще один свой плащ с капюшоном, который лакей вчера по прибытию повесил в гардеробной, и протянул его супруге.

— Что ты понял? — теперь широко улыбнулась Джил, милостиво принимая мою помощь с плащом.

Я натянул ей на голову капюшон, укрыв от нескромных взоров, затем накинул свой.

— Что у меня есть страшный и жестокий и ревнивый соперник — История, который не отпускает тебя ни на миг. А еще я знаю, что мне нельзя спрашивать тебе о работе, если я хочу чтобы ты не переметнулась от меня к нему.

— У тебя нет конкурентов... — с улыбкой ответила супруга, прижимаясь, чтобы поцеловать меня... в щеку.

Опять дразнит, плутовка. Я покачал головой и тут вспомнил, что должен был, но пока не сказал:

— Чуть не забыл. К сожалению, у меня тоже не очень хорошие новости... Джон, когда отправлял меня сюда, сообщил, что вот-вот вас всех призовут назад из-за войны. «Колонии взбунтовались, военные убирают историков со станции». Что это значит, не знаю, передаю дословно, что он сказал...

Открыв дверь, мы вышли из номера. В коридоре никого не было, но с верхнего пролета лестницы было видно, как внизу лакеи в белых фартуках меняют скатерти и накрывают для завтрака столы.

Мы миновали коридор, и подошли к черной лестнице.

Джил ступала рядом, все еще обдумывая мои слова. Мы обошли каретный двор таверны, и вышли на улицу.

Панорама, открывшаяся перед нами, поражала воображение красотой: вдали над морем розовели небеса, к которым воспаряло красное с желтым ободком солнце. Залитая росой трава переливалась словно изумруды, рядом благоухали фруктовые сады, придавая законченность шедевру. Мы остановились возле белой мраморной беседки, повисшей над крутым склоном, любуясь рассветом.

— Наблюдая столь величественное зрелище, даже не вериться, что где-то идет война... — прошептал я.

Когда тронулись в путь, я взял Джил за руку, решив проводить до ее жилища. Мне надо знать, где остановилась моя супруга.

Белая дорога сбегала вниз, огибая острые выступы и цветущие кусты.

Джил, все еще размышлявшая о словах Джона о грядущей войне, задумчиво заметила:

— Внезапная эвакуация домой... Даже не знаю, плохо это или хорошо. С одной

стороны война в космосе с современным вооружением — это безумно страшно, но может, люди все же умнее, чем я о них думаю, и она не начнется. А я так устала, что с огромной радостью умотала бы домой хотя бы на неделю.

Я повернулся к Джил:

— Судя по тону, Джон не считал, что все обойдется. Он уверил меня, что счет идет на минуты...

Она кивнула:

— Надеюсь, он преувеличивал. Но я попробую скорректировать планы работы в связи с будущей возможностью эвакуации, но... вот только боюсь, что не успею предупредить тебя, и ты останешься здесь... Этого я боюсь больше всего!

Дрожа от переполнявших ее эмоций, Джил склонилась ко мне и, целуя, прошептала:

— Ты не представляешь, как я счастлива, что у меня есть ты...

— И твоя Вилла папирус... — с нескрываемой иронией откликнулся я. — Унизительная ситуация, мне приходится провожать супругу на работу, а самому сидеть дома, дожидаясь ее!

Джулиана скорчила гримасу. Эта мысль ее не радовала. Затем она с любовью на меня посмотрела, и хихикнула:

— Ищи положительные моменты, когда я уйду, ты сможешь вернуться и выспаться...

— Если ты будешь и дальше смотреть на меня вот так, — прошептал я, — боюсь, я не смогу никуда тебя отпустить даже на минуту. И тебе придется вернуться со мной! Не искушай, сокровище мое, или я нарушу данное себе слово, не мешать тебе, и не смогу вести себя, как подобает джентльмену.

— То есть, схватишь, дашь дубиной по голове и, сваливав на плечо, утащишь в пещеру? — Я, улыбнувшись, кивнул.

Джил расхохоталась.

— Очень сомневаюсь, что подобное огорчило меня, но, увы... эти дела не мелочь. У меня контракт. В случае нарушения, меня найдут на любой планете и в любое время.

Я так и думал.

— Итак, когда я смогу тебя увидеть?

— Меня отпускают сразу после окончания сiestы... то есть к пяти часам вечера, я полностью освобожусь. В восемь иду на виллу Папирус.

— То есть на сон у тебя не более трех часов?

— Спать не выходит. После работы на кухне надо дойти до дома, натаскать воды, искупаться, привести себя и одежду порядок, разобрать добытые документы и спрятать их так, чтобы любопытные пальчики Лусии, хозяйки дома, до них не добрались.

— То есть за это время ты **ВООБЩЕ** не спала? — Каждый мускул в моем теле застыл от гнева. Я был шокирован, так как надеялся, что она хоть не много сна, но перехватывала.

Конечно, с больше чем уверенностью предполагал, что она себя не жалеет... но я подумать не мог, что настолько!

— Спала, вчера, например. — Джил устало улыбнулась, безразлично пожав плечами. — У меня договоренность с поварихой в Геркулануме, которая готовит охранникам. Я даю ей снотворное и деньги... В общем, она добавляет его в вино. То есть, я работаю по ночам, спасаю свитки, охранники пьют вино и спят. За вино они платят ей, то есть, все довольны. А в те редкие дни, когда она не работает, сплю я.

Ее ответ расстроил меня еще больше.

— Господи, поверить не могу, что ты так рискуешь!

Она нахмурилась.

— Ничего подобного. На вилле риск минимальный. Я просто сразу не поняла, куда меня втягивают. В голову прийти не могло, что Кристиан устраивает меня сюда корысти ради. Не удивлюсь, если им что-то понадобилось из коллекции герцога. Это ведь его дед все эти раскопки и начал. — Она расстроено покачала головой. — Хотя возможно я просто себя накручиваю и ничего такого и близко нет... В общем, я в полном недоумении и пока ничего точно сказать не могу.

В общем, и меня запутала окончательно, я уже ничего не понимал.

У меня было много слов для нее, а пожеланий и того больше, самое легкое и них: увезти ее отсюда и не отпускать из виду, но я остановил себя от гневного порыва, сухо предупредив:

— Только больше ничего от меня не скрывай. — Я припомнил ее побег из Гемпшира.

— Скоро это будет уже не важно, я уйду из поместья, — устало отозвалась Джил, не глядя на меня.

Я замолчал, не сводя с нее гневного взгляда.

Наконец, посмотрев на меня, она взмолилась:

— Я чувствую, как кипит досада в тебе, но прошу, не вмешивайся. Пока нет ничего, чего бы я сама не исправила. Я смогу пояснить все, кроме твоего появления здесь, и если кто узнает, это будет настолько ужасно, что ты не представляешь.

Я стиснул челюсти, наклонился к ней и поцеловал, пока она ничего не успела сделать и увернуться. Затем предупредил:

— Буду ждать тебя у Сен-Сира* вечером.

*Колокольня в центре Портичи.

Джил кивнула и ушла по улице, завернув в стоявший под большим деревом домик.

Я понимал, что пока не разберусь в ситуации, ничем помочь ей не смогу. Но также понимал, в какой она опасности, куда ей, милой девочке, не видевшей ни смерти, ни грязи, распознать подлость человеческую...

Джил

Артур ушел, но с большой неохотой. Проводив его взглядом, я устало вошла в дом.

Призрачный утренний свет проник и уже заполнил всю незамысловато обставленную комнату. Я словно заново увидела всю убогость такого жития, у побеленной каменной стены стояла грубо сколоченная узкая лежанка, у окна под серой скатертью прятался продолговатый стол. На противоположной стороне висели деревянные полки, на них стояли небольшие глиняные сосуды с высушенными травами.

Вместо шкафа у кровати находился огромный сундук, укрытый полотняной рогожкой, в который Лусия не разрешала укладывать чужие вещи, так что все свое я хранила в корзинке у кровати. Сиденьями служили перевернутые бочонки, покрытые сверху с любовью пошитыми синими подушечками, наверно, это здесь единственное творческое приложение рук хозяйки дома.

Меня саму удивляло раздражение, которое я испытывала от недостатка необходимых вещей. Но в большинстве случаев все приглушалось серостью ежедневных забот моего

безмолвного существования.

Устало села на лежанку, чувствуя себя совершенно разбитой и, наконец, полностью осознав свою глупость: еще не так давно, на станции, решительно возражала против расставания, но сейчас, втянув Артура в свои проблемы, готова была прибить себя за эгоизм.

Я упрямо выдернула его из его времени и спокойной жизни, хотя Рома предупреждал, поместила в новую историческую реальность, а теперь оставляла одного...

Нет, в осознание вины проникало понимание, что в моем отчаянье частично виноват откат после чрезмерного приема пастилок антисна, об это говорили такие признаки, как дрожь в руках, отдышка и белые круги перед глазами. И огромное чувство вины. Но все же физическое недомогание было всего лишь частью общего уныния.

Я привычно потянулась за флакончиком, который хранила в корзинке, под видом глиняного свистка, и с ужасом обнаружила, что кончили пастилки восстанавливающие силы, те, что мне сейчас необходимы как воздух.

Но делать нечего, надо переодеваться и идти в особняк.

Поправив чепчик из грубого серого полотна, вышла из дома, на пороге которого, усердно работая, сидела Лусия. Я еще удивилась, что не встретила ее, когда шла сюда. Наверно старушка ходила в соседнюю рощу за свежими ветками.

— Загуляла, нечестивка, уж и ночевать не явилась... — проворчала она, выкладывая свежими листьями каштана дно корзин для рыбы, которой она торговала на рынке.

Я пожалала плечами.

— Была в Неаполе. Лукреция, горничная в особняке, сказала, будто слышала, что в районе Площади мучеников, в магазин шелковых шляп требуется прислуга... — Я на самом деле слышала этот разговор, так что не боялась, что меня обличат во лжи.

Я подошла к колодцу и набрала воды, собираясь еще раз умыться...

— Всю ноченьку рассказывала своему черноглазому, как искала работу? — Рассмеялась старушка, раскрыв рот полный желтых кривых зубов.

— Да уж... Вам набрать воды? — Я взглянула в сторону замызганной стены, где стояли два огромных, но пустых, глиняных кувшина.

— Да нет, раз ты уж добрая такая девушка, дай мне лучше монетку, а то когда Лусия станет совсем немощной и уже не сможет ходить на рынок, ей за эту монетку водичку-то и достанут.

Чувствуя себя такой слабой, я вдруг до слез пожалела одинокую старуху, вытянула лоскуток с карлино, развязала его и дала ей горсть монет.

Лусия с жадностью перебрала каждую, потом пристально на меня посмотрела и неожиданно сказала:

— Не бойсь, девушка, никому не скажу, что ты сегодня не ночевала. Нет, ты не думай, что я такая вредная и слежу за тобой...

Нет, на благодарность я не рассчитывала, но видеть во всем корысть...

Я возвела глаза к небу... и, чтобы прекратить внезапно пробившиеся изливания Лусии, поспешно распрощалась и отправилась в поместье.

На работу, как и думала, я немного опоздала. Помощники повара уже развели огонь в печи и натаскали из колодца воды в огромные сосуды. Но пока ни экономки, ни повара не было, быстро достала муку, большую деревянную миску, собираясь поставить закваску.

Но сегодня все это давалось мне необычайно тяжело. Засучив рукава платья, в перепачканном мукой фартуке я с трудом месила тесто для пирогов. Мне не повезло, у

хозяйина сегодня гости, значит, будет много дополнительной работы.

Руки дрожали, в голове стоял туман, таблетки от сна уже не действовали... Я не помнила, когда последний раз хоть что-то ела и самое главное, есть, вообще не хотела.

Чувствуя порыв холодного воздуха, когда открылась дверь, я равнодушно покосилась на входящего.

Вновь тот разряженный аристократ с неприличными манерами. На этот раз он был в ярко зеленой весте. Судя по мешкам под глазам и густым винным ароматам, он всю ночь пил и еще спать не ложился. Заметив меня, синьор оживился. И этот проблеск не назвала бы это радостью, скорее нехорошим оживлением.

Я прищурилась и смерила незваного посетителя ледяным взглядом.

Синьор, гордо осмотрев пустую кухню, важно приблизился.

— Ну, так сегодня ты согласна развлечь меня? — спросил гость, с придыханием ко мне склоняясь.

Меня передернуло от отвращения и страха. Вообще-то высоких мужчин здесь было еще меньше чем в Англии, но этот был выше меня на две головы.

— Вот увидишь, тебе понравится. И мое золото тоже... Я хочу тебя, красавица, — пробормотал он, все ближе ко мне склоняясь. — Получишь удовольствие, а потом сама будешь искать меня, потому что я умею это делать...

— Мое удовольствие не стоят вашего беспокойства, синьор, — сказала я холодным тоном, который обычно приберегают для зеленщика.

Чего он ко мне привязался?! И куда вся куртуазность делась? Вот же мерзавец!

Я покачала головой, молча отказывая, все еще надеясь, что можно решить проблему мирно. Но гость только злорадно усмехнулся.

Отступая от него, я выставила перед собой руки, перепачканные в муке с налипшими кусочками теста, в надежде, что он не станет пачкать столь превосходную зеленую весту мукой.

— Я вчера проследил за тем синьором, которого ты провела как младенца... — В его голосе звучал явный намек на угрозу.

Сначала я не поняла о ком он, но разряженный синьор сам пояснил:

— Я шел за ним до самой старой верфи, а когда он понял, что ты, плутовка, туда не пришла, принялся рассматривать какое-то дьявольское приспособление...

Я так и думала, что Рома дал Артуру что-то для поиска. Скорее всего, кольцо измерения радиации. Так он и нашел меня в Неаполе.

— Я ни с кем не договаривалась, синьор, вы видимо перепробовали молодого вина или перегрелись на солнышке. — Я попыталась разозлить его, чтобы он перестал болтать об Артуре и кольце.

Наступая на меня, синьор прижал меня к деревянной перегородке, за которой на полках хранили сковородки и котлы. Он резко толкнул меня в нее и сразу же задрал юбку. Гость был здоровый, злой и явно никогда не получавший отпора.

Но, увы, у меня не было сил и поэтому никакой возможности вырваться из его объятий. Пальцы с острыми ногтями впились мне в плечи.

— Прошу, синьор, отпустите меня, — взмолилась я, когда он поволок меня в сторону кладовки. — Это плохо кончится...

— Не лги и не выкручивайся! Ты этого хочешь, не меньше чем я! — рявкнул он, заламывая мои руки.

С выпученными глазами побагровевшим, лицом, похож на сумасшедшего он остервенение оборвал пуговицы на моей блузке и разорвал нижнюю рубашку из тонкого батиста. Кровь в моих венах застыла.

Я ударила ногой, пытаюсь сломать его голень, но то ли сил не хватило, то ли он увернулся и мой удар прошелся вскользь, но в ответ он коленом резко раздвинул мои ноги.

Мерзавец склонился ко мне, чтобы поцеловать в шею, а затем мокрыми губами грубо впился в губы.

Я кое-как вывернула руку, добираясь до его шеи, но не успела. В коридоре на его спине появился главный повар, испанец, и от души огрел соотечественника-негодяя сковородой.

Наглец, пачкая яркую весту, сполз на пол. Я с отвращением оттолкнула тяжелое тело и резко отпрянула в сторону... чтобы сморщиться от резкой боли во всем теле.

Звон в ушах нарастал. Меня тошнило от усталости, слабости и отвращения. Руки не слушались и мелко дрожали.

Повар, взглянув на меня, досадливо поморщился, меряя шагами коридор у кладовой.

С трудом поднявшись, я перевела взгляд на испанца, который так и не убрал сковороду.

— Спасибо... — прошептала я одними губами.

Ничто из того, что случилось сегодня, не было новым для меня, но все же я не могла сдержать гнев и горечь. Выплакаться так, чтобы получить хоть какое-то облегчение, — для меня невозможная роскошь.

Мне казалось, что все вокруг заволочло туманом, а на мои глаза будто затянули серым пластиком. Я стерла с губы потек крови и, не совладав с дрожью в ногах, качнулась вперед, чуть не свалившись на насильника.

Повар подхватил меня и подтащил к лавке, которая стояла под окном, выходящим на море.

— Он сейчас придет в себя... Тебе надо быстрой уйти, девушка. — Тихо произнес испанец. — Я положу твою плату на стол... Подожди немного.

Я качнула головой, выражая согласие, сейчас просто страшась разговоров, но, в конце-то концов, ведь это все равно не выход. Никто этого так не оставит.

Старый испанец сердито засопел, развернулся и пошел к кувшину со льдом, который доставляли с гор для приготовления мороженого и хранения продуктов. Он завернул лед в полотно, которым укутывали тесто, и протянул мне. Я неловко приняла сверток, не соображая, что с ним делать. Повар вздохнул и сам приложил его к шишке на моей голове.

Я была вроде здесь, но чувствовала себя, словно наблюдая со стороны. Видела, как он вытаскивает из корзины бутылку. Как выдергивает пробку зубами и, сделав приличный глоток, наливает вина в кубок и приносит мне. Видела и понимала, но еще несколько мгновений с непониманием смотрела на кубок, словно пытаюсь вспомнить, что с ним делать.

Где-то хлопнула дверь, и я вздрогнула. Стефан, волосатый коротышка: официант, разносчик, мальчишка на побегушках, сделал было шаг вперед, но повар остановил его резким движением руки, он молчал, стиснув зубы и брезгливо рассматривал валяющуюся на полу жертву неумной страсти.

— Эй, что случилось? — озадачено спросил официант. Но вместо ответа повар повернулся к нему и сурово приказал:

— Найди ей покрывало, проводи Лауру отсюда, и забудь что видел.

Стефан пожал плечами, подхватил меня под руку и повел к выходу. Чувствуя себя

сомнамбулой, я послушно шла с ним. При этом переживая, что из-за столь мелкой глупости больше не смогу беспрепятственно появляться в особняке герцога.

— Кто его так? — едва мы вышли из кухни, поинтересовался Стефан.

— Сам упал... — прошептала я, кутаясь в подаренное мне покрывало.

— Ну сам так сам... У тебя здесь кровь... И губы разбиты, — добавил он.

Я провела ладонью по подбородку и посмотрела на пальцы. Кровь.

Проклятие...

Будут синяки, а мне так не хотелось посвящать Артура в свои неприятности. И кухни донесся рев, видимо бешеный синьор пришел в себя. Я резко остановилась и с ужасом посмотрела на Стефана.

— Пойди быстрее туда, скажи, что повар был с тобой, когда вы нашли его на полу и помогли. — Я сунула ему в ладонь все деньги, что отдал мне повар. — Этот старый испанец... Он спас меня... Пожалуйста, Стефан. Ты благородный человек, помоги ему, а я не выдержу, если повара рассчитают за то, что он помог мне.

Стефан кивнул и умчался на кухню.

Я незамеченной вышла из особняка. Миновала пустые беседки, и вышла на тропинку, сокращающую путь к дому Лусии.

В небесах царило солнце, совсем рядом плескалось море, ветерок веселил нежные маслины и пинии, покрывающие склоны холмов, окружающих Везувий.

Передумав возвращаться в дом Люсии, я спустилась к берегу. Свежий морской ветер ударил в лицо. Устроившись на огромном камне, зажмурилась под лучами утреннего солнца, жадно вдыхая ароматный воздух. Запах бурых водорослей несколько портил впечатление, но мягкое тепло ласково согревало истерзанную кожу, покрытую от подбородка и до плеч синяками и порезами.

Я устроилась в тенечке, в полудреме наслаждаясь плеском волн...

Глава тринадцатая

Когда мальчик родился, матери он показался таким слабеньким, что она решила выкупать его в теплом вине, — это придаст силы. Чтобы подогреть вино, отец положил в него лошадиную подкову, раскаленную докрасна. Так и воспринял он всем телом тонкость вина и твердость железа. После купанья мать положила ему в люльку зеленую скорлупу каштана, горечь которой дала острый ум.

Неаполитанская народная сказка

Джил

Очнулась, когда солнце давно миновало зенит и склонялось к вечеру.

Боль в истерзанном теле стала еще больше, но с лица немного сошли отеки. Двигаясь кустами и зарослями, как никогда радуясь, что дом Лусии стоит на отшибе, я пробралась к себе.

Надеясь спокойно переодеться и, по возможности, привести в порядок перед встречей с Артуром. Мне очень не хотелось, чтобы сегодняшняя история имела продолжение. А оно точно будет, если он узнает о нападении.

Надеясь, что Лусия благополучно отдыхает в своей спальне, переживая окончание жары, я бесшумно прокралась в свою комнату.

Там меня ждал большой сюрприз: мои коллеги, так сказать, собственной персоной.

Заметив меня Кристиан, сидевший на бочке заменявшей стул, откинулся на стенку и, изучая синяки на моем лице, насмешливо сощурил глаза. К ни го люб . нет

Меня этот насмешливый прищур здорово разозлил, я хотела вспылить, взорваться гневом и раздражением... но меня остановили словно только что произнесенные бабушкой слова, когда графиня Торнхилл отговаривала меня от поспешной свадьбы:

«Все глупости на свете свершаются из-за торопливости. Заставь себя остановиться, и подумай еще раз».

Я выдохнула, взяла себя в руки и, холодно улыбаясь, сделала книксен, словно разыгрывая встречу служанки и господ, и наконец, внимательно осмотрела сослуживцев.

Сирена, разодетая в красивый красный атлас, затканый белыми и желтыми цветами, в тыквообразном парике, скрывавшем ее собственные локоны, выглядела настоящей светской дамой, ну просто идеалом этого времени. Что я оценила как натуральную глупость, в такой ситуации, как наше свидание, лучше не выделяться и надеть что-то типа наряда служанки. Обслужу, как правило, никто не замечает. Кристиан в этот раз оказался сообразительней и нарядился попроще, чем при встрече в Джезу Нуово.

Я подошла к окну и резко задвинула занавеску, открывая свою убогую комнату вечерним лучам солнца.

Обернувшись к гостям, вежливо спросила:

— Могу я узнать, что привело вас под мой скромный кров?

— Можешь не волноваться, ничего особо сложного... — улыбнулся Кристиан, разыгрывая показную радость.

— Ты, надеюсь, показала ему? — С отвращением в хриплом голосе, не озаботившись поздороваться, поинтересовалась Сирена, брезгливым взглядом скользя по ранам на моем лице.

Я сухо ответила:

— Нет. Потеряла сознание.

— Не может быть! А как же ваша хваленная астерианская подготовка? — потешался Кристиан за моей спиной.

Кажется, знаю, на ком ее сейчас продемонстрирую, я резко обернулась к нему:

— Кристиан, ты с «Сириуса»?

— Нет, конечно, — возмущенно отозвался Кристиан, и гордо добавил, — я с Земли, из нормальной семьи, и в приютах не рос.

— Типа, сливка общества... — хмыкнула я. Чем бы человек ни занимался, всегда найдется тот, над кем можно возвыситься и почувствовать себя на его фоне «не абы кем».

— О чем это ты? — недовольно вскинулся он.

— Кристиан, успокойся, — раздраженно приказала Сирена, сверкая очами на своего подельника. — Мы здесь не для этого!

Затем она повернулась ко мне и спросила:

— Тебе кто-то помог с ним справиться?

Я вяло кивнула:

— Да... повар. Он выкинул распоясавшегося мерзавца из кладовой...

— Как ты в ней оказалась? — поинтересовался Кристиан, и великодушно добавил. —

Хочешь, я найду его и...

— Зачем? — подняв брови, равнодушно поинтересовалась я.

— Как это местное «недоразвитое» посмело поднять на тебя руку? — лениво растягивая слова, спесиво возмутилась Сирена. — Неужели тебе не хочется поставить его на место?

Я в раздражении усмехнулась:

— Ага, лучше расскажу ему кто я, открою «единую теорию поля*» и заодно намекну, где работаю. Он тут же раскается, признает свою недоразвитость и ничтожность и, посыпая пеплом голову, уйдет в монастырь... женский.

* Высшая цель целей современной физики, некий интеллектуальный Грааль, гравитация и электромагнетизм в единой форме.

— Не язви... — с раздражением отозвалась Сирена. — Какая ты агрессивная... Вы все с Астреи такие? — она насмешливо подняла брови.

— Нет, только те, кто связались не с теми людьми... — в тон ей отозвалась я, присев на край кровати. — Так что вам надобно, уважаемые?

Меня трясло от сдерживаемой ярости, но голос оставался спокойным, а лицо невозмутимым. Школа лондонской леди очень пригодилась даже здесь.

Ответил Кристиан:

— Найди нам в герцогском особняке найденный на раскопках браслет... и мы оставим тебя спокойно копать в углях дальше.

От подобной наглости, я просто оторопела...

Чтобы не взорваться, медленно выдохнула, ища глазами, чем бы занять руки, чтобы столь явно не стискивать их в кулаки... которые чесались пройтись по скуле Кристиана.

— Ну что, язык отсох от радости? — иронично поинтересовался он, наблюдая, как я встала и медленно и аккуратно расправила задранное гостями покрывало.

Затем обернулась и спокойно ответила:

— Я как-то иначе всегда представляла себе радость. — И холодно на него посмотрела. Пусть радуется, что у меня хватило сил сдержаться.

Так оскорбить меня, предложить воровать!..

От этой мысли меня вновь захлестнуло бешенство, но на этот раз я справилась с собой быстрее.

Тут вмешалась раздраженная Сирена, обращаясь вроде как к Кристиану, заявила:

— Раз не понимает намеков, надо объяснить ей попроще. — В ее взгляде сквозило бешенство, когда Сирена обернулась ко мне:

— Милая девочка, итак ты возвращаешь назад и пишешь, чторываешь контракт и уходишь с работы по своему желанию, иначе... Не забывай, жизнь — это не приключенческий роман. В ней все гораздо длиннее и менее красиво и гораздо болезненней. Хотя есть еще один вариант, только что озвученный Кристианом, он давно ждет тебя на свидание...

Она многозначительно на него взглянула, ожидая поддержки.

Наблюдая за ней, я насмешливо покачала головой и изобразила удивление, пристально глядя Сирене в глаза. Нет, это никуда не годиться, ей, как историку, надо уметь просчитывать все риски. У меня есть еще парочка не отмеченных Сиреной возможностей, например эвакуация на станцию с тяжелыми переломами. Ему ног, а с нее и носа хватит...

Сирена насмешливо продолжала угрожать:

— Нет, на самом деле у нас есть масса способов воздействия на упрямых «коллэг», от крупных и мелких подстав, до физического устранения...

Кристиан услышав это, громко и натужливо расхохотался, хлопнул Сирену по плечу, видимо, пытаясь остановить запугивание. Но как оказалось мгновением позже, я не правильно его поняла:

— Милая, ну кто же такое выдает в лоб? Это делается тихо и исподтишка, зачем же предупреждать?..

Я насмешливо перебила:

— Сначала скажите, куда вы дели мою домохозяйку? Испробовали на ней один из ваших «способов»? — И с усмешкой на них посмотрела. Деточки домашние, да что вы знаете о физическом давлении...

Сирена не на шутку разозлилась:

— Какая хозяйка?! О чем ты думаешь, Джил? Что мы тут в мячики играем?

— Когда мы пришли, ее не было, — все же соизволил пояснить Кристиан, перебивая гневную речь подруги.

Я равнодушно пожала плечами.

— Думаю, что вам пора. В мячики — не в мячики, а весь наш разговор записан. Хоть одна попытка надавить на меня, и я перекину все Компайну. Уверена, он, как ты выразился, мой собрат «из приюта», поймет все правильно. И кое-кого «опытного и знающего массу способов воздействия» закроют в стеклянной конуре, для исправления личности ментальным путем.

— Ах ты дря-я-нь!.. — Сирена кинулась на меня с кулаками.

Я равнодушно отступила, кивая Кристиану:

— Убери ее от меня, иначе устрою вам экспресс-эвакуацию. Все равно кое-какие записи передать надо... — насмешливо поглядывая на взбешенную Сирену, закончила я.

— Тебе совсем не интересно заработать? — с недоверием и раздражением поинтересовался он, наконец, оттащив от меня разъяренную коллегу.

— Нет, гораздо больше меня волнует будущее, и прошлое всего человечества. — Я широко им улыбнулась.

Кристиан рассмеялся. Сирена затихла, не сводя с меня взгляда полного ненависти. Я ей мило улыбнулась.

Отсмеявшись, он одарил меня пристальным взглядом.

— Тогда могу ли я хоть немного надеяться, что ты разумнее, чем кажешься и не устроишь нам излишние волнения на станции? Ради твоей собственной безопасности, разумеется. Разойдемся каждый своими интересами?

— Надеяться вы, конечно, можете, — я просияла самой широкой, на какую только способна, улыбкой, — хотя пользы от этого вряд ли будет много. Еще раз вас тут увижу — тут же передам документы Компайну, и боюсь, организация, на которую он работает, не примет в расчет вашу блестящую индивидуальность, красоту, приличное происхождение и домашнее воспитание... если вы еще раз встанете у меня на пути.

Кристиан печально покачал головой:

— Я так надеялся, что хоть в этот раз у нас получится приличный разговор. Прежде всего, хотелось профессионально поговорить с тобой о браслете, обнаруженном на месте раскопок вместе с первыми статуями... — произнес Кристиан медленно и задумчиво, с

намеком прищурился. — И мне все еще хочется обсудить с тобой планы на будущее, и услышать ответ на давнее предложение, которое ты, очень надеюсь, рассмотришь повторно.

Он многозначительно посмотрел мне в глаза, намекая на «романтическую» связь.

Я насмешливо отозвалась:

— Я уверена Кристиан, что так оно и было, что ты шел сюда обсудить происхождение и особенно нахождение золотого браслета из Геркуланума, — излишне вежливо согласилась я, словно действительно поверив, в то, что он произнес. — Вот только никак не вспомню, ты планировал обсудить это предложение до того, как вы начали мне угрожать или позже? Или это произошло тогда, когда вы предложили мне стать воровкой?

Он сурово покачал головой и отвернулся. Демонстрируя, как его утонченная личность страдает от напора моей грубости.

Личность вздохнул и вновь начал:

— Хорошо, пусть с артефактами ты нам помочь отказываешься, но мое предложение? — опять начал он старую песню.

Как же он меня утомил! Я сделала огромные глаза и в наигранном шоке покачала головой.

— Я наверно не по-английски сказала? Простите, профессиональная деформация. Сейчас повторю на местном...

— Ну не хочет она тебя и... Хватит уж перед этой астерианкой унижаться! — Наконец отозвалась Сирена, бесцеремонно дергая Кристиана за руку.

Я потешно поклонилась:

— В отличие от вас, господа контрабандисты, я не держу камня за пазухой... А кидаю его сразу... — Рассматривая кислые лица коллег, я сохранила любезно-непроницаемое выражение лица.

Сирена фыркнула, поправила парик и, не прощаясь, гордо вышла. Кристиан на миг склонился ко мне с недобрый блеском в темных глазах, пригрозил:

— Жизнь длинная, сочтемся, — добавил он, отворачиваясь.

— Думаю, вам прежде стоит обсудить этот вопрос с Кларком, и еще... Это предупреждение шло в комплекте с тем твоим романтическим предложением, Кристиан? — кротко поинтересовалась я, нежно улыбаясь. — Удачи на свидании...

Он стиснул зубы и кулаки. Когда за Кристианом громко захлопнулась дверь, я упала на кровать от нервного напряжения не в силах дышать...

Тяжелая дверь внезапно дрогнула и с глухим гулом открылась.

Какого!.. Что еще им надо? Не все сказали?!

Я резко подскочила, намереваясь выяснить что там, но на пороге появился Артур.

Всегда была мужу рада. Но не теперь...

Мне не хотелось, чтобы он видел меня с разбитыми губами. И не потому, что мне стыдно из-за происшедшего. Нет, я боялась, что он вмешается и привлечет к себе ненужное внимание и так разгневанных коллег.

— Как дела, дорогая? Я так и не дождался тебя в условленном месте. Пришлось заплатить твоей хозяйке и на пару часов выставить ее из дома, — насмешливо сообщил он, бегло оглядывая мои невзрачные покои. И этот тон не сулил ничего хорошего.

— Да-да, прости... Так получилось, что я не успела. Проспала сиесту... — сдержанно ответила я, закатывая глаза к небу. Не было сил ругаться или рассказывать, что произошло... Хотя, кажется, он и так все слышал.

— Не надейся меня обмануть, — раздраженно заявил Артур, подойдя к кровати.

...А еще мне надоело, что меня сегодня все поучают и всячески третируют.

Так что, если Артур рассчитывает на мою доброжелательность и терпение, или собирается меня отчитывать, то, увы, ничего не получится. Возможности моей сдержанности исчерпались, то ли в кладовой, то ли десять секунд назад здесь, в этой комнате.

Я с трудом поднялась и опустила ноги на пол и холодно ответила:

— Я и не собиралась. Я хочу лишь предупредить — не домысливай лишнего! — Резко поднялась, оттолкнувшись от кровати. — И хочу напомнить, что я самостоятельная женщина и ни от кого не завишу. Так что, не вижу необходимости лгать или оправдываться. А также предупреждаю, что, где я живу, мужчины и женщины равны, так что оставь свой менторский тон для других!

Артур на миг замер.

Затем задумчиво потер пальцем нос и вдруг улыбнулся:

— Равны, говоришь...

Я не сводила с него серьезного взгляда. Пусть не рассчитывает на слепую покорность с моей стороны.

Он подступил ближе, мягко убирая с моего лица выбившуюся прядь.

— Ну, начну с того, что я старше и опытнее тебя... так что в этом мы не можем быть равны. — И вновь попытался обнять.

Я дернулась, сбрасывая его руку. И отступила.

Артура это не задело, он вновь обнял меня и мягко, но настойчиво, притянул к себе.

— Еще я вырос и живу там, где мужчины берут на себя заботу и ответственность за женщин. Так что женщинам ничего не остается, как их слушаться.

Я неподвижно замерла в его объятиях, не сводя с Артура холодного взгляда. В душе кипело раздражение, но осознание, что он не причем, и не стоит на нем срывать, помогало держать себя в руках.

Артур нежно целовал меня в висок, постепенно опускаясь ниже, перемежал нежные прикосновения с разговором.

— И самое главное... я — мужчина... а ты — женщина...и мы никак не можем быть равны... — Я встрепенулась, чтобы вырваться, и отойти, но Артур не выпустил, целуя и крепко прижимая меня к себе.

— Под обманом, на который ты так оскорбилась, я имел в виду что, если бы ты и пришла ко мне в условленное место, то только после того, как стемнело. Укрывшись плащом, сослалась бы на занятость, и тут же убежала, надеясь, что я не замечу, что с тобой!

Я отодвинулась.

— А тебе, моей несравненной супруге, не приходило в голову, что, не доверяя собственному мужу, ты оскорбляешь его?

— Нет. Я не лезу в твои дела. Не пытаюсь управлять твоими заводами. И со своими проблемами предпочитаю разбираться сама.

— Прямолинейно. Так меня еще не отваживали... Как с тобой сложно... — прошептал он.

— Артур! Оставь... — В раздражении я попыталась увернуться от поцелуя и отступить. Но он не дал. Наоборот, еще крепче прижал к своей груди мою голову.

— Ты сегодня ела?

— Нет...

— Вчера?

— Нет. Я не успела, меня вызвали в Неаполь.

— Позавчера?..

— Не помню, — буркнула я. Нет, я помню, что не ела, но какое сейчас это имело значение?

— Ясно, — тяжело вздохнул он. — Сейчас ты соберешь вещи и поедешь со мной. И это не обсуждается.

Я с ним согласилась, не выказывая при этом особого энтузиазма. Все равно, работать у герцога больше не буду. Надо искать место поближе к раскопкам.

Плохо или хорошо, работу никто не отменял. Никого на станции не будет интересовать, что у меня сил, ни жить, ни говорить, ни думать, нет. Есть только заполонившая все усталость и какое-то тяжелое муторное оцепенение.

Попыталась вырваться, чтобы собрать вещи, он Артур не отпустил.

— И ты мне ни слова не скажешь? — с деланным удивлением поинтересовался он.

— Нет, мне все равно надо отсюда уходить. Остались только раскопки...

Тут он рассмеялся и разжал руки, отпуская меня:

— Не думал, что прибегну к услугам своего «соперника», но как ты думаешь, стоит ли нам присмотреться к этой местности? Когда твой контракт закончится, мы ведь сможем поселиться в любом месте и времени?

Сначала я не поняла, о каком сопернике идет речь, потом припомнила его высказывание о том, что это «история».

Он, что, ждет, что я сейчас ему лекцию о древней истории Неаполитанского королевства прочитаю и сразу оживлюсь?

Я вяло пожала плечами и коротко ответила:

— Нет. Только в будущем... Если только сбежать, нарушая все законы. — Но все же выдавила из себя жалкое подобие улыбки.

— Хорошо, но только не конкретно сюда, — с облегчением в голосе отозвался Артур. — Здесь с тобой мы жить, точно не будем. Ну как можно привыкнуть к ощущению, что землетрясение — дело обыденное. Как можно жить в постоянных клубах адского запаха? (обильный запах сероводорода) Недаром греки называли эту землю исчадием ада.

Я вновь вяло пожала плечами, что удивительного, ведь в окрестностях Неаполя — сорок действующих вулканов. Здесь на самом деле за одну ночь землетрясений появляются горы, а многие прекрасные озера вокруг Неаполя, это кратеры потухших вулканов.

— Ты согласна со мной, что здесь жить невозможно? — И Артур мне подмигнул.

Высоко оценивая его попытку отвлечь, я мягко ответила:

— Зато здесь есть две удивительные вещи: пещеры, или, как обыкновенно их называют, бани святого Германа, и небольшой Собачий грот. Там на входе посетителей обдает природным жарким паром, имеющим серный запах, и человек мгновенно потеет. Больные подагрой и некоторыми другими болезнями получают великое облегчение.

Артур рассмеялся:

— Ну, с подагрой понятно, ты предлагаешь заранее поселиться здесь, чтобы потом не тратиться на переезды и лечение. А что со второй пещерой?

Укладывая свои вещи в корзину, припомнив подробности, я ответила:

— Собачий грот... там прямо из земли выходят ядовитые испарения, а стены оклеены

маленькими окаменевшими скорпионами. Животные, попав туда, сразу умирают. Если происходит отравление, например, собаки, в двадцати шагах есть озеро, в которое окунают и животное оживает.

— Очень практично... — с сарказмом ответил Артур, — а зачем вести туда животное?

— Чтобы продемонстрировать потрясающие свойства озера... — устало растолковала я.

— Ладно, мы просто посетим эти места как путешественники. Кажется здесь совсем рядом знаменитые Елисейские поля и река Ахерон — земные воплощения их мифологических прототипов: переправившиеся через нее души умерших праведников наслаждались прогулками по Елисейским полям. Прогуляемся с ними и мы... — улыбнулся он.

— Да, совсем рядом, — немного невпопад ответила я, вспарывая подушку крошечным ножиком.

Дабы любопытная Люсия, по-хозяйски периодически проверяющая мои вещи, не повредила записи с раскопок, я упаковала контейнер с кристаллами в ее подушку. Проверять наличие тайника среди пуха и пера она не догадалась.

Пока я, вынув содержимое, аккуратно зашивала разрез, Артур сидел и молча на меня смотрел. Не поднимая глаз, я тихо его поблагодарила:

— Спасибо. Я благодарна тебе, что ты не пошел на поводу у настроения.

— Ну, я не двадцатилетний мальчишка, чтобы не осознавать, что для меня важнее, выразить гнев или наладить свои семейные отношения. Будь на твоём месте кто другой, возможно все произошло совсем не так. Но как я могу обидеть милую нежную леди или ребенка?

Он иронично улыбнулся и тут же так мягко поинтересовался:

— А давно этот Кристиан тебя на свидание приглашает?

Засунув в корзинку последней из вещей длинную тонкую сорочку, я равнодушно отмахнулась:

— Среди подобных баловней типа Кристиана и Сирены давно ходит расхожее мнение, что девушки с Астреи до чрезмерности падки на мужское внимание и за него готовы на все, так как выращены исключительно среди женщин, — и, ища понятную ему аналогию, добавила, — на манер строгого католического монастыря. Кристиану и Сирене нужна моя помощь и они, видимо, решил, что таким образом смогут влиять на меня.

— А что ты думаешь об этом?

Я понимала, что он спрашивает о горе-коллегах, но из-за нежелания поднимать унижительную тему контрабанды, ответила в общем:

— Что все девушки разные. Кому-то из моих подруг было очень любопытно, что за явление такое — мужчины; кому их них было просто интересно, а многим из них и вовсе все равно. Они не делили людей на мужчин и женщин, а относились к человеку исходя исключительно из его личных качеств.

Артур, услышав мои пояснения, тут же радостно оживился:

— А как же Божья заповедь для Евы, «к мужу будет стремление твое»?

На столь лукавый вопрос я всего лишь пожала плечами.

— Я не знаю, наверно случилось тоже, что и с заповедью насчет рождения детей в муках, которое у нас давно полностью обезболивается.

— То есть в вашем времени Ветхий Завет окончательно отменили, — насмешливо вывел он. — Ну, а ты? Сама, что о мужчинах думаешь?

Я усмехнулась:

— Ветхий Завет, помнится, отменили двадцать три века назад, при отсчете с моего времени... Насчет мужчин... Сначала мне было любопытно, и я наблюдала за их поведением со стороны. Изучая теорию... Затем мне стало все равно. — Я подняла корзину с вещами и вручила ее Артуру.

Он предложил мне руку, и мы вышли из домика Люсии под нежное вечернее солнышко.

Прижавшись, друг к другу, медленно шагали по переулку, вымощенному булыжником, пока не вышли на большую улицу, вдоль которой тянулись ряды деревьев, цветочные клумбы и резные беседки.

Вдали сверкали в лучах заката высокие купола Сен-Сира, где-то рядом с ним шумели облаченные в мрамор фонтаны, на площади перед которыми Артур оставил свою карету.

— Как хорошо, что теорией ты и ограничилась... — как бы про себя вдруг пробурчал Артур, словно мысленно возвращаясь к прерванному разговору.

— Думаешь? — весело посмотрев на него, проговорила я.

— Еще бы! — хмыкнул супруг, крепче прижимая мою руку. — Кстати, в момент появления здесь у меня был великолепный план. В карете стоит корзинка для пикника, наполненная самыми изысканными блюдами из тех, что можно найти в Неаполе. Дождаясь кое-кого, я исследовал старую верфь и чуть ниже нашел уютную лагуну... — многозначительно отметил Артур. — Так как с самого момента встречи или даже появления в Неаполе все у нас идет не так, я решил предложить тебе все начать заново...

— Представить, будто мы только что встретились? — в тон ему нежно уточнила я.

— Все верно. Так я и задумал. Но если ты очень хочешь спать, то мы можем перенести нашу «встречу» на более удобный момент. — Хитро прищурившись, добавил Артур.

— Кажется... я очень проголодалась, жаль, если пропадет столь изысканное угощение в твой корзине... — робко согласилась я, в данный момент, испытывая к мужу горячую признательность, впечатленная его терпением и деликатностью.

Наверно мы оба перегрелись под горячим неаполитанским солнцем, так как, еще совсем недавно в той же Англии, ни он, ни я, не признательностью, ни особой деликатностью не отличались.

Я повернула голову и с улыбкой посмотрела на мужа, подмигнув мне, он крепче прижал к себе мою руку.

— Я рад.

Так хорошо было идти с ним под руку по вечернему городку. Где-то позади, словно во сне и не со мной, остались утренние неприятности с испанцем, визит коллег и избитое тело.

Солнце еще не село, но все море уже залило оранжевым цветом, как прощальным покрывалом уходящего за горизонт светила. Где-то рядом, провожая солнечный свет, запели птицы.

Карета немного провезла нас и высадила на старой верфи. Артур оставил там корзину с моими вещами, вместо нее захватил другую, туго набитую снедью, вручив мне два теплых пледа и большое груботканое полотенце.

— Вода наверно теплая... — прошептала я, аккуратно шагая за Артуром по тонкому переходу среди скал.

— Как парное молоко... — отозвался он, мягко сжимая мою руку.

Слабо представляя, какое оно, парное молоко, и только догадываясь, я немного притормозила, наблюдая, как чудесно засыпает день над морем. Артур меня не торопил.

Еще миг и мы пошли. Где-то не очень далеко внизу плескалось море. Муж крепко держал меня за руку, следя за тем, куда я наступаю.

Меня все еще не покидало теплое благодушное состояние. И сейчас нравилось все: аромат водорослей, крики чаек, крупные камни под ногами, впивавшиеся в тонкую подошву туфелек. Казалось, ничего не может поколебать состояние счастья.

Пока мы шли сюда и потом расстлали плед, Артур рассказывал, как продавал завод, маслобойню, и принимал в гостях Гаррета. И как позвал его на охоту, заодно упомянул и атаку...

— И они попали в него? — с удивлением уточнила я, замерев с тарелкой в руке над пледом.

Артур, помогая разгружать корзину, кивнул:

— Да... Мой грех. Его багаж где-то застрял, позже выяснилось, что у кареты, груженной ящиками находок с раскопок, не выдержала и сломалась ось, и они остались чинить ее в каком-то захолустье без названия. В общем, я отдал ему свой новый охотничий костюм, а сам надел старый, еще довоенный...

— И они вас спугали... — я с насмешкой покачала головой, наконец разложив снесь на плед. — А еще хвастаются своей подготовкой... Пустозвоны... Если бы ты слышал, что у нас о них рассказывают, а на самом деле...

— Еще миг, и я начну думать, что ты расстроена, что они не подстрелили меня как куропатку, — пошутил Артур, вынимая из корзины вино, пока я, опасаясь, что они повалятся, расставляла бокалы по неровностям пледа.

Я рассмеялась вместе с ним.

— Что ты... Я в тебе никогда не сомневалась, просто историков так достали их хвастливые укоры. Ха, а на самом деле там не все так радужно...

— Дьявольское злорадство? Откуда оно в тебе, дорогая? — шутливо покачав головой, поинтересовался муж.

Я хмыкнула вслед за ним:

— Да-да, каюсь, просто ими не раз была задета моя профессиональная честь. Жаль никому рассказать нельзя, вот бы народ поразовался!

— А Компайн тоже такой... хвастливый? — мягко поинтересовался Артур, забыв убрать руку с кувшина. Я улыбнулась.

— Нет, что ты... Он с «Сириуса», станции, на которой растят воинов, а там сдержанность превыше всего.

— Делаю вывод, что ты его неподдельно уважаешь? — подвел итог Артур, заканчивая с разбором корзины.

Я довольным взглядом осмотрела плед, и кивнула:

— Да, он строгий, но не подлый. Я подозревала, что большая часть безопасности балаболы типа Кристиана... Кстати, не думай, что я не замечаю, как ты исподволь меня расспрашиваешь, — улыбнулась я. — Если что-то интересуется, спроси прямо, у меня от тебя секретов нет.

— Что ты, моя внимательная,... — он многозначительно усмехнулся. Я с нежностью посмотрела на него, чувствуя, как мое сердце взволнованно заколотилось. И Артур едва слышно договорил фразу. — Сейчас меня гораздо больше интересуется совсем не это... — Он крепко прижал меня к себе и поцеловал, обнимая все крепче...

На море опустился белый, как молоко, туман. В этом мареве где-то вдали

перекликались гудками кораблики. Море, засыпая, ласкалось где-то в ногах.

Артур

Два часа пролетели как две минуты, песок под нами ощутимо похолодел, и хотя туман рассеялся, воздух преисполнился влажной прохладой и оседал мелкими каплями на кожу, плед и всю снедь. Но это меня не волновало. Джулиана, прижавшись щекой к моей груди, с легкой улыбкой наблюдала за тем, как над морем, пробиваясь сквозь остатки тумана, загораются звезды.

Я склонил голову к ней и, медленно целуя так, что Джил от удовольствия закрыла глаза, прошептал:

— Когда я вернулся со станции, то с удивлением обнаружил, что в моей жизни образовалась огромная дыра, через которую пронесется холод. И которую, прикрывшись обидой, я всячески пытался не замечать. Ведь с момента свадьбы мы практически не расставались, пока ты не устроила побег, и... кажется, унесла с собой частицу моей души. — Сказав это, я пристально посмотрел ей в глаза.

Она виновато вздохнула и тихо произнесла:

— Я понимаю, о чем ты... Мне тогда казалось, что меня вживую рвут пополам. Но я тогда была не в состоянии тебе ничего объяснить... Когда ты перенесся к нам и сам все увидел... Это ведь просто чудо! Но представь себе, что я рассказала тебе там у тебя, в самоуверенном девятнадцатом веке, всю правду о себе, и подумай, насколько быстро бы меня увезли в Бедлам*?

*госпиталь святой Марии Вифлеемской, психиатрическая больница в Лондоне с 1547.

Я не стал оправдываться и уверять, что в любом случае ее никуда бы не увезли, а всего лишь подобрали врача, тогда бы мои слова доказали, что все мои прежде пережитые обиды были чистой воды эгоизмом. Но это было абсолютно несправедливо по отношению ко мне, когда я думал, что потерял любимую жену, что меня бросили и предали. Так что я не стал продолжать тему и всего лишь сурово предупредил:

— Имей в виду, так или иначе, но я не намерен больше с тобой расставаться.

Она рассмеялась, и в ее смехе не было ни толики радости, уперлась на руку и поднялась, присаживаясь рядом.

— Если бы это все зависело от меня... — грустно вздохнула Джулиана.

— Есть какие-то препятствия, о которых я не знаю? — подняв брови, поинтересовался я, упершись о камни локтями. — Что-то я понял, став невольным слушателем вашего разговора за стенкой, но в общем, многое тебе придется пояснить. Например, кто тебя утром обидел? — Шершавая поверхность камня вонзилась в пальцы, когда незаметно я стиснул кулак.

Джил равнодушно отмахнулась:

— О... Это вовсе мелочь, какой-то местный мачо, которому приглянулась молодая служанка...

Я удивленно уточнил:

— Мачо? Кто это?

— Выходец Иберийского полуострова. Вообще-то это уничижительная кличка крестьян Нового света, говорящих по-испански, те, у кого нет ни мозгов, ни совести, ни чести. Тот, кто готов родную мать или дочь продать за кусок хлеба. Тот, кто никогда не придет на

помощь, и, кто прячет глаза от страха.

Я покачал головой, догадываясь, о ком шла речь. Но с этим мерзавцем я решу дела позже, пока надо устроить жену в нормальную кровать и запретить на сегодня заниматься историей!

Резко встал, протянул руку супруге и озвучил краткий план на ближайшее будущее:

— Думаю, лучше нам отложить все заботы и разговоры на завтра... пока нам надо добраться до кареты. Я покажу, где снял нам номер, думаю, ты будешь довольна...

Удивление осветило лицо Джулианы, а на ее губах появился намек на улыбку, которая свела все мои деловые замыслы к нулю.

— Да? И где же? — прошептала Джил, поддаваясь моим поцелуям.

— В Резине, это возле твоих раскопок...

— Это действительно чудесно. Прямо под Геркуланумом... — нежно прижимаясь, еще тише прошептала она.

Ее реплика осталась без ответа, так как я решил еще немного отложить наш отъезд.

Глава четырнадцатая

Всю жизнь стремишься к совершенству, а потом выясняется, что тебя любили за изъяны...

Джил

Яркий солнечный свет заливал комнату, когда я с трудом открыла глаза. Артур, сквозь сон, почувствовав мое желание отстраниться, еще крепче прижал меня к себе.

— Спи, еще рано... — тихо прошептала я, когда он обхватил меня на манер игрушечного плюшевого медведя.

Я обернулась к мужу, с нежностью наблюдая, как он сквозь сон мне улыбается. Но Артур открыл глаза, улыбка вмиг испарилась, а на лоб легла глубокая беспокойная складка.

— Ты опять куда-то собралась?!

В ответ я тихо вздохнула. Склонила голову к нему и нежно расцеловала. Артур закрыл глаза и удовлетворенно улыбнулся.

— Представь, у вас в Англии через пару десятков лет будут заводить разные спальни для мужа и жены, дабы не смущать целомудрие слуг... При королеве Виктории чопорность и поклонение традициям заполонит умы англичан, а эпоха так и войдет в историю как Викторианская.

— Все так сурово? — удивленно вскинув темную бровь, насмешливо сонным голосом отозвался Артур.

— Ну, приватные встречи супругов никто не отменял, но на тему наложено сурово табу, чтобы и намек не было...

Артур многозначительно улыбнулся:

— Тогда давай насладимся еще дозволенной в этом времени простотой нравов? — Я все же мягко оторвалась от него, пресекая явные намеренья мужа исполнить высказанное пожелание. — Ты отдыхай, а я пойду, прогуляюсь, все равно нам вместе идти туда нельзя. У меня встреча с той кухаркой, что готовит каторжникам на раскопках, помнишь, я тебе о ней рассказывала? Мария... Надо отнести ей деньги на вино и договориться о том, что я буду приходить к ним раньше...

Поясняя, я отыскала брошенную вчера впопыхах свою корзину с одеждой на кресле

возле камина, и принялась, вынимать содержимое, оценивая состояние запасной одежды.

Артур с раздраженным стоном откинулся на подушку и закрыл глаза:

— Кто бы сомневался... о, я уже скучаю по временам, когда дамы тихо вышивали под окошком, вкладывая всю свою неумную энергию в рукоделие и детей... — пробормотал Артур.

— Ты бы от такой дамы первым сбежал... — пробурчала я, удалившись за ширму для переодевания.

— Неправда, — раздраженно отозвался супруг. — Я давно оценил все прелести спокойной жизни. И вообще, что ты подразумеваешь под словом «сбежал». Не знаю как у вас, но у нас это позор и скандал.

Ну-ну, скрывая смех, я быстро натянула на себя одежду, поправила косынку на плечах, и поспешила поцеловать раздраженного мужа.

— Прости, я постоянно забываю, что у нас разное мышление. У нас в этом нет ничего оскорбительного... ну... почти. И ко всему относятся гораздо проще. И, да, я понимаю, как со мной тяжело... наверно я тоже бы разгневалась, убегай ты от меня рано утром так поспешно...

— Не то слово, — отозвался Артур, принимая от меня виноватый поцелуй в щеку. — Кстати, у нас женщины не обижаются на это... — лукаво прищурившись, заявил:

— Не обижаются на то, что муж утром спешит по делам.

Я тут же остановилась в изъявлениях нежности.

— Да? Ну и хорошо. Значит и ты обижаться не должен... — гневно отступив, заявила я.

Артур не успокоился и, измерив мой простонародный наряд критичным взглядом, насмешливо заявил:

— Знаешь, шуте* шла тебе неизмеримо больше...

*Шляпа-гнездо шуте (Schute) — дамская и девичья шляпа, подобная чепцу, в стиле бидермейер, часто соломенная с широкими полями, обрамляющими лицо.

— Сейчас за ней в Лондон сбегаю... — в тон ему раздраженно отозвалась я. И гневно поправив соломенную шляпку с широкими полями, фыркнув, под смех мужа вышла из номера.

В этой крошечной таверне «L'antichità di scavo», в деревеньке Резина на приступах к Геркулануму, было всего четыре номера, так что пройти незамеченной было невозможно. Но я надеялась, что вчера меня никто толком не рассмотрел, так как номер был оплачен Артуром заранее, а я вошла в таверну в плаще и маске.

Здесь мне очень понравилось. Не зря в XVIII веке в таких тавернах останавливались только иностранные аристократы, военные и зажиточные торговцы. Маленькая жемчужина у моря, приют для богатых путешественников. Все здесь было красиво и обустроено.

Но ночью я постоянно просыпалась, потому что за дверью, то и дело топали слуги.

К моей радости, сейчас ни в небольшом светлом коридоре, который вначале и конце украшали небольшие мраморные бюсты аллегорических красавиц, типа «Добродетели» и «Чистоты», как их видели современники, ни на широкой деревянной лестнице, никого не было. Надеюсь проскользнуть наружу незамеченной, я быстро миновала коридор. И, отыскав в противоположном конце выход на черную лестницу для прислуги, торопливо покинула приют у моря.

Когда вышла во двор из таверны, в лицо ударил порыв мокрого ветра, под утро шел дождь, и хотя еще не рассвело, небеса выглядели мутно-серыми, а на их фоне грозно возвышался Везувий, кормилец местных крестьян. Кроме винограда и оливок они зарабатывали проводниками на туристах, предлагая свои услуги и мулов, так как, идти в гору почти по колено в сером пепле тяжело даже крепким мужчинам.

Едва миновала крошечный садик с молоденькими оливками, заметила, что за мной увязался слуга Артура. Он что всю ночь караулил меня у дверей?

Уверенно шагая за мной, молодой слуга в парике с косичкой то и дело отворачивался, стоило мне обернуться и требовательно взглянуть на парня. Что делать с непрошеной охраной я не знала, но понимала беспокойство Артура, хотя и была этим недовольна. Примерно как мой провожатый, который изначально решил, что я дева радости и искренне не понимал, зачем хозяин приказал ему меня сопровождать.

Наконец на подходе к домику Марии, я остановилась и, обернувшись, сухо приказала:

— Вы, синьор, остаетесь здесь. Дальше иду без вас!

Он заносчиво на меня посмотрел, но отвечать не стал, насмешливо поклонившись.

О чем он подумает, видя, как я удаляюсь в крошечный домик, стоящий у виноградника в ряду таких же крошечных времянок, заселяемых на время сбора урожая, меня волновало меньше всего. Я подошла к небольшой деревянной двери, мягко отодвинула опустившуюся на дверь лозу, растущего рядом куста, и тихо постучалась. Никто не ответил.

Пришлось неприлично заглядывать в широкую щель между досками. Но внутри было тихо и темно. Кто-то перед уходом закрыл все ставни. Хотя это ни о чем не говорило, неаполитанцы пылкое дневное солнце, всеми правдами и неправдами, не пускали в дом. Она могла на время выйти по делам.

Тут где-то рядом послышались тяжелые шаги, я обернулась. На меня равнодушно взирал старик охранник, в выгоревшем темно-синем с красными отворотами мундире французской армии. На лице клочками торчал седой волос одинаково редкий в бакенбардах и на голове.

— Марии нет... ее увезли. Забрали... как шпионку австрияков... Она подпоила охрану и ее схватили... А ты зачем ее искала?

Меня просто затрясло от разочарования и досады. Что делать?..

Подозрительность местных понятна — каких-то девять лет назад, в ходе войны за Австрийское наследство здесь шли кровавые бои, австрийская армия пыталась вернуть Габсбургам Неаполь, но была полностью разбита.

Я склонила голову в простонародном поклоне и робко ответила:

— Синьора Мария мне обещала хорошую работу... прожить... пока жених не вернется из-за моря...

Старик, смотревший на меня как на еще одну австрийскую шпионку, скривив в ухмылке губы и недоверчиво прищутив глаз, пробормотал:

— Ищи себе другого жениха, посмотрелся я на тех, кто пьет тафию*, а там ее пьют все... Проку от них никакого.

* Производство этого напитка было налажено везде, где имелись плантации сахарного тростника, и его производство не требовало больших затрат. Каждый корабль, уходящий в плавание через Атлантику, загружался бочками с тафией, которую моряки пили, разбавляя водой. Англичане, чьи плантации сахарного тростника на Барбадосе были очень большими, называли этот напиток сначала ромбульоном, а потом сократили до слова ром.

— Так что мне делать? — в этот вопрос я вложила все свое совершенно неподдельное отчаянье. — Как мне быть, я ведь так надеялась на Марию...

Привыкла надеяться. Старик равнодушно скривил лицо, затем также безразлично отозвался:

— Король приказал поставить сюда своих людей... Ищи другого жениха и другую службу.

«Повезло» мне попасть в правление, Карла Седьмого*, который получил славу самого лучшего короля для этих многострадальных земель. Он провел огромную реконструкцию Неаполитанской гавани, и возглавил общественные работы по возведению мостов и прокладке дорог, всячески исправляя, что за двести лет на Неаполитанской земле натворили иноземные монархи.

* Карл VII (1734–1759) оставил значительный след в истории Неаполя. Впервые с 1501 года Южная Италия обрела своего монарха, и лишь одно это обеспечило Карлу VII прижизненную и посмертную популярность. Карл VII последовательно сокращал привилегии духовенства, его численность, заставил духовных лиц, занимавшихся хозяйственной деятельностью, платить налоги, от которых они были ранее освобождены. Аналогичным образом Карл VII ввел налоги для земельной аристократии. Тем самым удалось снизить налоговое бремя для простого народа. Была проведена судебная реформа, итальянский язык впервые стал государственным. Карл VII создал долговременные благоприятные условия для развития экономики, особенно текстильной отрасли и торговли, заключив торговые договоры с большинством европейских держав и средиземноморских соседей, в том числе с Османской империей.

Скорбно склонив голову, я поклонилась старику и потеряно побрела к таверне. В душе было пусто. И здесь провал. Я просто не знала, как мне теперь попасть на раскопки, чтобы выполнить задание. Переодеться стражем? Стать помощником кавалера Рокко Хоаккино де Алькубиерре?

Во-первых, это нереально, вряд ли я смогу сойти за мужчину, во-вторых, я не сдержусь и убью его, когда увижу, что он варварски уничтожает наследство предков, а он его будет уничтожать...

Давать взятки стражникам мне было не с чего, этого мои отправители не учли, да и если здесь охраной стали люди короля, значит, меня быстрее арестуют и уволочут в застенки, чем я смогу о чем-то с ними договориться...

Пока печально размышляла над сложившимся положением, слуга Артура, тяжело вздыхая, тащился за мной от раскопок до таверны.

Не привлекая внимания, я быстро поднялась в наш с Артуром номер, тем же путем, что ушла.

Едва открыла дверь, собираясь рассказать мужу о своей беде, как увидела гостя в коричневом аби*.

Раздавшийся голос заставил меня похолодеть. Только не это!

Вальяжно, закинув ногу на ногу, Кристиан расположился на диване, направив на Артура, сидевшего в кресле напротив, танотрубку. И этим предупреждая мои попытки взять ситуацию под контроль.

*В 18 веке жюстокор постепенно трансформируется в «аби», который плотнее облегал грудь и талию, имел несколько складок-фалд в боковых швах, и шлицу с фальшивой застежкой на спине. Парадные аби шили из атласа или шелка и украшали вышивкой борта и карманы, а манжеты делали из той же ткани, что и весту.

У меня появилось ощущение, что земля под ногами закачалась, все замерло внутри, сердце на миг перестало биться. Схватившись за ручку как за спасительный круг, я остановилась в дверях и, отчаянно соображая, что делать. Но скрыв волнение, сухо спросила:

— Зачем ты здесь? Кажется, еще вчера мы все обсудили...

— Что ты, далеко не все, драгоценная Лаура! — Насмешливо склонив голову, на итальянском произнес он. — Рад видеть тебя в добром здравии... и в теплой компании. Я, правда, еще не успел познакомиться с твоим спутником, но был о нем немного наслышан, когда Компайн скинул мне на сенсо фото незнакомца, которого надо было отыскать на станции. Но я тогда и не подозревал, что это как-то связано с тобой!

— Я так и не услышала ответа на свой вопрос. Так что привело тебя сюда... синьор Петро Браско? — сухо поинтересовалась я, глядя ему в глаза.

Затем отвела взгляд и заставила себя спокойно оглядеться, чтобы не наломать дров...

В снятых Артуром апартаментах спальня не ограждалась от комнаты ничем, кроме широкой ширмы цвета слоновой кости, украшенной яркими цветами. Пока меня не было, слуги успели убрать здесь, открыть окна, сервировать стол для завтрака, и расставить вокруг него небольшие кресла.

Комната неожиданно показалась мне душной и жаркой, хотя полдень еще не наступил. Я бросила панический взгляд в коридор, в какой-то миг малодушно мечтая сбежать... и плотно прикрыла за собой дверь, невозмутимо оборачиваясь к гостю. В моих висках бешено пульсировала кровь...

Кристиан, упиваясь моим волнением, любезным тоном произнес:

— Милая Джил, неужели ты так и будем беседовать словно незнакомцы? Надеюсь, ты, как воспитанная дама, наконец, познакомишь меня с твоим спутником... Путешественникам просто необходимо знать друг друга лично! — При этом улыбка Кристиана была широкой, но искусственной и начисто лишенной какого-либо чувства, кроме издевательства.

Он жестом предложил мне сесть рядом с Артуром, который сложив руки на груди, невозмутимо внимал нашему разговору, понимая все правильно, так как безопасника разумно не провоцировал.

Я перевела холодный взгляд на Кристиана.

— Для начала убери оружие, иначе я сверну тебе шею... — прошипела я, делая шаг к гостю. — Ты знаешь, я это могу...

Но резко остановилась, замерев на месте, когда он наставил дуло танотрубки на меня. Все это время, угрожая убийством Артура, Кристиан то загадочно щурился, то заламывал бровь и томно растягивал слова, видимо длительное пребывание в этом времени дурно на него влияло.

Бегло измерила расстояние, прикидывая, успею или нет выбить у него из рук оружие.

— Успокойся, Джил... я ведь не шучу, — резко окрикнул он, видимо почувствовав, что ему грозит опасность.

Поймав мой разгневанный взгляд, Артур предупредительно покачал головой. Он что-то

задумал? Я послушно села в кресло, скрестив руки на груди, повторяя позу Артура. То, что я все еще никак не могла осознать, что страшное уже случилось, мешало придумать план действий, внося хаос в мысли и дрожь в руки.

— Вижу, ты все поняла правильно. Умница, — умиротворенно продолжил Кристиан. — Нам всего лишь надо поговорить, так что, без глупостей. И да... боюсь, теперь тебе не поможет твоя записка.

— А тебе твое оружие. Убери трубку! — раздраженно приказала я. — Не провоцируй меня.

Подлокотник рядом со мной прогнулся под весом мужчины, — Артур молча пересел ко мне. То ли сдерживая мои порывы, то ли защищая.

Стиснув руку в кулак, он спокойно сказал Кристиану на итальянском:

— Убери оружие. И скажи, что тебе надо... — и через миг добавил: — Я готов помочь найти то, что тебя интересует.

— О... Это так... очень... очень трогательно, это любовь... — изобразив трепет, картинно вздохнул Кристиан, прижав треуголку к груди.

— Не сомневайся. — Тон Артура был убийственно сух.

Кристиан небрежно откинул свой головной убор на свободное место рядом и довольно произнес:

— Тогда договоримся с тобой. Как здесь говорят, как мужчина с мужчиной.

— С этого и следовало начинать... — также сухо отозвался мой муж.

— Только сначала ты, Кристиан, скажешь, как нашел меня здесь, — холодным тоном прервала я добрую беседу. — Давно ли ты следил за мной?

— Вас нашел, ты хотела сказать? — Кристиан сально хмыкнул. — В общем-то, мне повезло. Когда я вчера возвращался из Торре-дэль-Греко от Сирены, увидел, как вы высаживались из кареты. Представь себе мое возмущение!.. Я только на днях договорился с Сиреной, что она оставит тебя в покое, если ты согласишься быть со мной, а тут такое... Мне ничего не осталось, как идти за вами и смотреть, кого это мне предпочла моя красавица. Тут мое удивление перешло, ну просто все границы... когда я увидел, что это тот самый тип, что недавно искали на станции!

— Не забывайся, ты говоришь о моей жене... — в ярости прошипел Артур.

Тут уж мне пришлось положить ему руку на колено, призывая сдерживаться.

Кристиан взглянул на него с улыбкой:

— Так вы супруги?! Как интересно. Ну, во-первых... я не знал о вашем браке, историки при необходимости выходят замуж или женятся не раз и не два, смотря по рабочим обстоятельствам. Это никто не принимает всерьез, а, во-вторых, на эту серьезную курочку с девичьей станции «Астера» мы поспорили с Джо задолго до тебя... Поспорили на новенький меркаблик с его стороны, и браслет с моей, а это, сам понимаешь, сумма не малая, если не сказать больше...

Ну, «молодцы», слов нет. Я стиснула кулаки. Слабо я тогда Джо уронила. В поисках моральной поддержки, я посмотрела на мужа, но на его лице было только чувство вины. Видимо не вовремя припомнил, как сам с Клеем спорил на меня.

Тяжело вздохнула и перевела взгляд на гостя. Заметив мою реакцию, Кристиан насмешливо добавил:

— Он мне рассказывал, как ты ему что-то там отбила...

— Это все уже не важно, хотя спасибо, что пояснил, почему вы с Джо вели себя как

идиоты. Теперь мне ясна твоя настойчивость. Я как-то слышала о коллекционерах дев с Астреи, но не думала, что Джо такой.

Кристиан развалился на спинку дивана и весело хмыкнул:

— Да, вот так я прокололся с тобой... Мне нужна или победа, или тот браслет. А от Сирены я хотел тебя уберечь по доброте душевной, так как ей тоже до зарезу нужна твоя помощь... Видишь, какой я откровенный, — саркастично хохотнул Кристиан.

Тут до меня, наконец, дошло, почему он так нелепо ведет себя, то гримасничая, то насмехаясь. Кристиан просто боится. Меня боится.

Зато у меня испуг прошел, после всех сваливших мне на голову новостей, кажется, я стала приходить в себя. Окинув взглядом пустой стол, подготовленный прислугой для завтрака, равнодушно предложила:

— Ну, раз ты заглянул к нам так рано, давай хоть позавтракаем?

Скривив в ухмылке губы и хитро прищутив глаз, Кристиан сказал:

— Замечательное предложение, особенно после такого длинного и трудного словесного перехода и не менее сложных откровений.

Я выпрямилась, и осторожно высвободила руку, которую в своей держал Артур. Подошла к двери и объявила утрешнему слуге с косичкой, что уже можно нести завтрак на троих, специально не уточняя, чего Кристиан хочет. Затем вернулась на место в кресло рядом с Артуром и спокойно посмотрела на мужа, пытаюсь понять, что он думает об этом.

Его губы тронула удовлетворенная улыбка, он вновь взял мою руку в свои, успокаивая.

Кристиан все это время не сводил с меня любопытного взгляда. Затем покачал головой и негромко произнес.

— Я и не думал, что ты на такое можешь решиться притащить за собой в прошлое лю... мужа.

Я измерила его ледяным взглядом и спокойно ответила:

— Ты не настолько хорошо со мной знаком, чтобы оценивать что-либо объективно... — и помолчав, добавила. — Так что за нужда толкает тебя и Сирену на нарушение закона?

Кристиан с досадой отмахнулся и энергично произнес:

— Мне неинтересно говорить об этом. Давай поговорим о тебе. Это же надо! А я за какую-то провезенную контрабандой танотрубку волновался... — Сотрудник безопасности вновь насмешливо покачал головой, словно не в состоянии осмыслить увиденное.

Но обсудить переправку запрещенного оружия в прошлое не успели, вошли слуги с завтраком. Мы дождались, пока слуги расставят блюда с лепешками, лимонами и свежесловленными устрицами. Может в Неаполе и готовили по-европейски изысканные блюда, но здесь было все просто, по-деревенски. Кроме этого нас ждала великолепная выпечка, такая же простая, но очень вкусная.

Но едва мы закончили с первой переменной блюд, Кристиан приступил к обсуждению:

— Полагаю, вы составили себе неверное представление о причинах заставивших нас с Сиреной настаивать на этой маленькой... сделке. Кстати, как я понял, твой супруг в курсе нашего разговора о браслете?

Открылась дверь, вслед за десертами слуга принес поднос с дымящимся кофейником. Кроме него, ликера и чашек на подносе горела свеча и лежала коробка с курительными принадлежностями.

Пока слуга расставлял чашки на столе чашки, Кристиан замолчал, а я отвернулась. За его спиной в окно было видно синее море, и часть Везувия обильно заросшая пиниями,

высокими деревьями из семейства сосновых. Из-за их колыхающих густых макушек часть горы казалась пушистой.

Я незаметно протерла слезившиеся глаза, отпустила слугу и стала наливать в свою чашку горячий кофе, который в Неаполитании варили совершенно не так, как в Англии.

Здесь он был настолько густой, что можно было воткнуть ложку в центр чашки, и она стояла. Так что это было довольно сложно, перелить его из кофейника в чашку.

Артур местный кофе не признавал, а Кристиан просто от него отказался, отдавая предпочтение чистому ликеру, который здесь принято добавлять в кофе. Так что, рискуя выплеснуть густую кипящую жижу мимо чашки, я предалась этому занятию со всем вниманием.

Кристиан допил сладкое угощение и тут же принялся за дело:

— Итак, вы готовы обсудить подробности сделки? — произнес он с торжественной учтивостью. Я вздохнула и отвернулась, что за человек — без лицедейства не может.

— Так ты или твой супруг, это абсолютно не важно, достаете мне золотой женский браслет на предплечье, исполненный в виде двух переплетенных змей в натуральную величину, который дед нынешнего герцога д'Эльбефа откопал одним из первых.

Отложив чашку, в которой осталась одна густая масса кофе, я насмешливо поинтересовалась:

— Интересно, кому Джо так сильно досадил, что с тебя трясет этот браслет.

Кристиан равнодушно отмахнулся:

— Это не важно, в любом случае я получу его. Ты его мне принесешь или твой супруг меня совершенно не волнует...

Я резко его перебила:

— Артур обещал тебе только помочь, а не воровать драгоценности для контрабанды.

Кристиан расхохотался.

— Он принесет его мне на блюдечке, ради тебя. Он же не хочет, чтобы вас разлучили, а тебя уничтожили как личность?

Я стиснула кулаки, собираясь вскочить и... Но тут Артур поймал мою руку и силой удержал на месте.

— Не горячись, дорогая. Мы сейчас обо всем договоримся, — сладким тоном предупредил он.

— Вроде мы обо всем договорились, — с насмешкой подлил Кристиан масло в огонь. — Вы выясните, где браслет, и достаете его для меня... Я забираю вашу «находку» себе и молчу о том, что здесь видел.

Мы с Артуром сардонически переглянулись.

*Сардонически — злобно-насмешливо, язвительно.

Кристиан насмешливо хмыкнул:

— Так что благодарю за завтрак, правда, я предпочитаю сосиски, но и устрицы вполне ничего. Есть можно. Я пошел. Время у вас есть до конца этой недели, то есть, три дня. Затем я отправляю по своим каналам рапорт о грубом нарушении дисциплины и правил использования каналов межпространственной и межвременной связи. О дальнейшем, надеюсь, говорить не нужно?

На лице Кристиана сияла безупречно вежливая улыбка, чуть опечаленная из-за того, что

нам пришлось объяснять столь очевидные истины.

«Итак, мы в ловушке», — мысленно признала я, малодушно подумав о побеге. Я вновь ощутила невыносимый страх. Совершенно четко понимая, что, если вмешается космическая безопасность, с ее широкими возможностями контроля и техническим вооружением, то это конец! Жизни у нас уже никогда не будет.

Так что в ответ только молча покачала головой и, скрыв гнев, отвернулась к открытому окну. Где сквозь заросли померанцевых деревьев, окружавших трактир, был виден поток людей,двигающихся по улице к местному рынку. Значит, рыбаки уже вернулись с уловом.

— Настоящая авантюра, — сухо произнес Артур. — Не знаю, управлюсь ли я за три дня...

Он сознательно не упомянул обо мне?

Я с раздражением выдохнула, молча, краем глаза, с отвращением наблюдая, как мой сослуживец устраивает настоящее представление, когда и так все ясно.

Театр одного актера...

Кристиан несколько суетливо помахал рукой — этот тип изображал, что он абсолютно во всем уверен и не скрывал, что чрезвычайно доволен сложившейся ситуацией.

Я отвернулась от стола и беседующих мужчин, отрешенно наблюдая, как под звон колокола из местной церквушки торопливо вышли священник и служка с елеем и святыми дарами и видимо направились в дом к умирающему. Это навело меня на нехорошие мысли в отношении Кристиана...

— Я несколько в вас не сомневаюсь, — воскликнул Кристиан с лживым воодушевлением. — Вы, синьор Артур и ваш супруга синьора Лаура — люди незаурядные, вы обязательно с этой задачей справитесь... В этом у меня нет ни малейших сомнений, — радостно сообщил он, откинувшись на спинку дивана.

Артур в ответ промолчал, не сводя задумчивого взгляда с нахала и шантажиста, развалившегося на диване в нашем номере.

— Ну, мне пора... — произнеся эти слова, Кристиан наклонился над столом и поднес кончик кубинской сигары* к огоньку зажженной свечи, которую слуга принес вместе с курительными принадлежностями.

Это было чистой воды позерство.

* Их начали промышленно выпускать на Кубе в 1541 году.

Когда за Кристианом захлопнулась дверь, между нами повисло тяжелое молчание. Меня убивала мысль, что Артур вообще согласился помочь этому ничтожеству. Что решился на столь низкое дело, как воровство, в нарушение всех своих моральных правил. Но я боялась, что если заговорю, это закончится грубыми упреками, потому и молчала. Он и сам все понимал.

Усевшись в кресле перед кофейным столиком с ногами, я молча наблюдала, как Артур, подошел к окну, обдумывая дальнейшие действия, время от времени лениво ероша черные волосы, отчего они встали дыбом, точно грива.

Все это время я внимательно следила за его лицом. На котором от напряжения обострились тонкие аристократические черты, глубоко посаженные карие глаза под решительно сдвинутыми бровями нехорошо блестели, рот был упрямо сжат. Да, терпение Артура очевидно подходило к концу. Он явно готовился к бою.

Печально вздохнула, подтянув колени к себе, укрыла их подолом. Я не раз видела Артура в таком состоянии. И знала, что заставить передумать не смогу, а любая словесная перепалка грозила перерасти в спор, или, того хуже, в ссору, а это никому из нас сейчас не нужно.

Затем он повернулся ко мне и с кривой улыбкой сказал:

— Похоже, в отличие от меня, ты неплохо справляешься с эмоциями. — В ответ я скривилась, и только молча покачала головой, всем видом показывая, что он ошибается. Мы оба на пределе.

Чтобы дальше не молчать, все же грустно сказала:

— Я до последнего надеялась, что у тебя есть план, и ты просто оттягиваешь время, соглашаясь на кражу браслета.

— Да, в том и состоял весь план, задобрить шантажиста, и в появившееся время найти выход из сложившейся ситуации, — несколько обескуражено признался Артур, присаживаясь в кресло напротив.

Я через силу улыбнулась:

— Тогда давай радоваться, что тебе все удалось... и твой план отлично сработал.

— Так и есть... — уже куда искренней улыбнулся он. — Как там у Соломона было: «пройдет и это!». Главное, что мы вместе!

Я кивнула.

Артур поднялся, выглянул в коридор и приказал молодому лакею с косичкой, кажется, его зовут Андреа, принести нам вина.

Дальше весь день, веселясь и наслаждаясь урожаем прошлого года, мы готовили операцию по похищению браслета. Я под насмешливые, а иногда и едкие, реплики Артура начертила план особняка и подписала каждую опасность, которая может поджидать его, вызвав новый приступ общего веселья.

В общем, оба мы усвоили одно, что жизнь продолжается, даже вися на волоске. И только от нас зависит, как мы ее проведем, страдая или радуясь.

Глава пятнадцатая

Умереть не трудно. Надо научиться жить, когда трудно. Святитель Тихон.

Артур

Небо за окном едва начало сереть. Наступало утро, а с ним возвращались обязанности, которые налагала ситуация. Надо выполнять обещание, данное прощельге из будущего.

Не спалось не только мне. Рядом раздался сонный голос Джил:

— Выспался?

— Нет, но думаю, что благоразумней будет встать и заняться делами...

Супруга мой деловой порыв явно не оценила, недовольно пробормотав:

— Ну-ну... Судя по тому, что ты согласился помочь Кристиану, вряд ли у тебя когда-либо было благоразумие.

— До встречи с тобой, дорогая, я обладал им в изобилии, — весело усмехнулся я и, лукаво улыбаясь, потянулся к Джил, все равно она уже не спала.

Когда мы наконец встали, а слуги накрыли стол для завтрака, Джулиана показала мне, над чем она вчера трудилась, устроившись в кресле с ногами.

Я налил себе чай, Джил от всего отказалась, показывая мне расчерченный планом

особняка лист бумаги:

— Итак... Ты помнишь, в особняке герцога четыре гостиных, тридцать восемь спален для гостей, огромная библиотека, кабинет хозяина, две — большая и малая, музыкальные комнаты, три туалетные, три буфетные и два зала для роскошных праздников. И длинный коридор, который идет через все это строение. Комнаты для прислуги и хозяйственных нужд я не перечисляю, так как не думаю, что д'Эльбеф прячет сейф со старинными находками где-то там. Как и в коридоре, там постоянно кто-то есть.

— Интересно, зачем ему два праздничных зала? — жуя булку, задумчиво произнес я, хотя на самом деле меня это мало интересовало. Я составил для себя план действий и, не видя никакой альтернативы, на нем и успокоился.

Медленно отвечая мне, Джил потянулась к кофейнику, видимо окончательно пристрастившись к отвратительному местному кофе.

— Малый зал — для семьи и друзей, большой — для блестящих балов и больших праздников, проходящих в светском окружении, полном радости и беспечности... Я бы выкинула из списка все спальни и буфетные и туалетные комнаты, но ты сам понимаешь, что...

Я перебил ее:

— Постой, ты сама говорила, что у него в особняке есть комната «музеум», которую он держит на замке и показывает только самым высокопоставленным гостям? Не логичней представить, что браслет там?

— Все может быть... Хотя вчера ты считал, что логичней им хранить такое сокровище в банке, сегодня думаешь, что оно валяется просто так, на полках в закрытой комнате... Но проблема в том, что я тоже понятия не имею, где его могут хранить... — недовольно произнесла Джил, гневно вгрызаясь в недавно отвергнутую булочку зубами.

Такой она мне больше нравилась. Спокойной, пусть и ворчащей.

Вчера я с другого конца комнаты внимательно наблюдал за ней. Казалось, Джил вот-вот не выдержит. Прямая, как струна, напряженная, нервная и готовая схватиться с врагом на смерть, как напуганное животное, она не думала о себе, полностью сосредоточившись на госте. Я тоже был взбешен, но молчал, пытаюсь придумать, как нам помочь.

Сегодня вновь задумался о возможности наказать шантажиста, руки сжались в кулаки. Этот сукин сын нас недооценивает!

— Итак, — ровным голосом повторила Джил, дожевывая булочку. — Ты пробираешься дом в виде лакея, осматриваешься там и, если получится, уносишь браслет... Проклятье! Этот план даже звучит дурацки... — разозлилась она, нервно отодвигая тарелку с прозрачным десертом.

Моя жена не любила употреблять крепкие выражения, тем более, проклятия, так что я немало удивился.

Но отвечать не стал, только пожал плечами. Вчера Джил тоже горячо доказывала, что любой план без тщательной подготовки обречен на провал. Сегодня она всего лишь недовольна некоторыми деталями. Прогресс на лицо.

Я мило улыбнулся.

— Ты помнишь, мы всего лишь отвлекаем Кристиана. Нам нужно, чтобы он расслабился и успокоился. Чтобы мы смогли найти способ воздействовать на него. Пусть он уверится, что мы сломлены и полностью у него в руках.

— Это звучит тоже не очень... — скривилась моя супруга.

— Ну... что есть... — стянув с колен салфетку, невозмутимо отозвался я.

Джулиана совсем упала духом. Она положила локти на стол, в отчаянье, обхватив голову руками.

— Это все из-за меня... из-за моего абсолютно непродуманного плана. Пошла на поводу у чувств и тебя втянула... — качая головой, горько вздохнула Джил, в расстроенных чувствах отодвигая остывший кофе.

А вот с этим я был категорически не согласен:

— Дорогая... я не ошибусь, если скажу, что твой «абсолютно разумный и продуманный план» содержал в себе нашу разлуку? — гневно поинтересовался я.

Она только грустно покачала головой.

Дабы не будить в себе зверя, а ее печаль, как и несправедливые слова супруги, были понятны и требовали снисхождения к ее возрасту и сложности ситуации, я взял ее ладонь и нежно поцеловал. Не каждому зрелому мужчине возможно достойно вынести и, исправить, подобный форс-мажор*, а ей, нежной девочке, и подавно.

*Непреодолимая сила, препятствие.

Чтобы отвлечь ее от печальных раздумий, я спросил:

— Так что у тебя с отмычками? О каком профессиональном наборе шла вчера речь? —

— Да, сейчас...

Она сразу ожила, поднялась с кресла и сосредоточилась на деле.

Удачно я перевел невеселую беседу в деловое русло.

Джил вынула из своей корзинки довольно громоздкий и невзрачный фарфоровый помандер* и протянула его мне:

*Помандер — футляр или коробочка из золота, серебра, слоновой кости или фарфора, в которой носили ароматический шарик. Считалось, что такой шарик очищает воздух.

— Прикладываешь днищем к любому отверстию, затем открываешь крышку... и под ароматическим шаром будет лежать готовый ключ. Только имей в виду, он, ключ, через полчаса рассыплется пылью, а делать новый — это тратить несколько драгоценных минут, что чревато при ограблении... Но, как понимаешь, его проектировали не для этого, — со вздохом добавила она.

— Чудеса, да и только! — произнес я, восхищенно осматривая помандер.

Джил, как и я, не сводила взгляда с белой коробочки в моей руке, только взгляд у нее был тоскливый.

— ...А профессиональным набором взломщика его обозвали историки, так как он считывает тип замка, измеряет и выдает идеальный ключ буквально за две минуты. Под любой замок, кроме нанотроных... — видя, что я пытаюсь его разобрать, Джил торопливо предупредила. — Только ароматический шарик надолго не убирай, это зарядное устройство. Хотя... Если будет опасная ситуация, его можно выдернуть и кинуть... Будет взрыв, не сильный, но тебе фору даст...

Я кивнул. Джил, тяжело вздохнув, спросила:

— Потренироваться не хочешь? Входная дверь подойдет...

— Обязательно... — Я подошел к выходу из номера.

Джил села в кресло и подтянула к себе ноги, являя собой чистую грусть.

Отвернувшись от двери, я спросил:

— Тебя все еще гложет, что мы решили, что ты не можешь со мной пойти?

Супруга печально кивнула. Но, к моей радости, в особняке герцога ее хорошо знали и туда ей идти никак нельзя. Это дало мне возможность уговорить ее остаться в безопасном месте, а мне с облегчением вздохнуть и спокойно заняться делами.

Но не тут-то было. Джил мгновенно добавила:

— Но я все-таки тебя подстрахую. В особняк ты идешь один, я буду рядом... Ну не могу я, дожидаясь, бессмысленно ходить по номеру, нервничая и молясь, чтобы с тобой ничего не случилось!

Дабы не спорить в очередной раз, я сочувственно кивнул. Немного успокоенная супруга недоверчиво на меня взглянула, чтобы отвести последние подозрения, мягко улыбнулся ей в ответ.

— После ужина из особняка уходят последние слуги, — ровным голосом повторила Джил вчерашнее предупреждение. — Стоит ли тебе идти в форме лакея? Может, ты лучше будешь гостем?

— Да, скорее всего, я оденусь гостем, но чуть позже... — с некоторым отставанием, задумчиво отозвался я, и сам уже подумав об этом.

Нет, я решил найти себе одежду ливрейного лакея, и изображать слугу, который несет саквояж хозяина в спальню. В саквояже будет верхнее платье. Мое верхнее платье. Чтобы при необходимости я мог быстро переодеться. И гулять по дому герцога уже как гость.

— Ты все-таки думаешь, что нам позже все же удастся вернуть браслет хозяину? — наконец прервав тишину с мольбой в голосе, спросила Джил.

С интересом изучая помандер, я равнодушно отозвался:

— Я предлагал тебе не переживать об этом, думаю, у герцога достаточно других находок, чтобы ущерб был мало ощутим, так что твоя щепетильность не пострадает... — В ответ повисла ледяная тишина.

Я досадой вздохнул, и оторвался от лицезрения ценной игрушки. Получалось, что я оправдываю воровство. Но это не так. Так что, спрятав помандер на груди, тут же с улыбкой заверил расстроенную супругу:

— Но раз ты так настаиваешь, по окончании операции мы при первой возможности вернем похищенное: упакуем и передадим лично в руки д'Эльбефа.

Джулиана сразу расслабилась, и, вздохнув, грустно добавила:

— Да, это единственная надежда, которая меня немного примиряет с тем, что мы совершаем. Вот только лично в руки нам его не передать. Герцог здесь редко появляется... — устало ответила она, под конец еще раз предложив:

— Давай я все же пойду с тобой? Оденусь как служанка...

Вместо ответа я ее нежно поцеловал:

— Но сначала выпей со мной чаю. Я недавно нашел, что в Неаполь из Китая доставляют довольно хорошие сорта... — Разговаривая, я с отвращением потрогал, припрятанное в кармане, средство, то самое, что Джил передавала Марии для угощения охранников...

Начало операции было посвящено на удивление будничным занятиям. Я купил ливрейный костюм у Марио, слуги примерно моей комплекции, которого по прибытию нанял в этой таверне, а позже оставил у двери охранять спящую Джулиану.

Приказал Андреа готовить карету. Быстро уложил свою одежду в саквояж, расцеловал

жену напоследок, и отправился похищать браслет.

Было около пяти вечера, когда все началось. Послеобеденное солнце мягко освещало пыльную дорогу, выделяя пальмы и лимоны на обочине. Мы въехали в Портичи, и спокойно сквозь ворота миновали ограду гигантского особняка, стоявшего на въезде в поселение.

Затем свернули направо, объезжая парк по усыпанной гравием дороге, чтоб попасть прямо к нужному месту гигантских владений Эммануэля Мориса Лотарингского, герцога д'Эльбёфа*, где, наконец, остановились возле черного входа. Здесь обычно высаживались слуги и выгружались господские сундуки.

*В мае 1748 года после смерти своего старшего брата Генриха Эммануэль Морис Лотарингский унаследовал титул герцога д'Эльбёфа.

В июле 1763 года 85-летний Эммануэль Морис Лотарингский скончался, не оставив после себя детей. Его титул унаследовал двоюродный брат Шарль Евгений Лотарингский, принц де Ламбеск и граф де Брионн.

Я ловко соскочил с козел, на которых сидел рядом с кучером, подхватил с подставки для дорожных сундуков свой саквояж, набитый вещами, сделал кучеру знак отъезжать, и уверенно вошел в дом. Рассчитывая на то, что хозяин, в данный момент пребывающий сейчас в своих французских владениях, щедро позволяет друзьям и родне отдыхать в недавно обретенном Неапольском наследии предков. А так, как в особняке и поместье своих слуг трудилось больше трех сотен, то новичков, и тем более прислугу, прибывшую с гостями хозяина, они знают плохо.

Итак, первый пункт плана, где я должен спокойно попасть в особняк, изображая слугу одного из приехавших гостей, был исполнен.

Чтобы переодеться, так как слуги возле «музеума» не появлялись, и исполнить вторую часть плана: попасть к месту, где хранятся добытые на раскопках артефакты, мне нужна была свободная спальня, которые, по словам Джил, в отсутствие гостей запирали. Но с инструментом, что дала мне супруга, состоявший из сплошных спален, купален и прочего второй этаж, был лучшим вариантом для исполнения дальнейшего плана.

Чтобы попасть туда, мне необходимо пройти через левое крыло первого этажа дома, в котором располагались: библиотека, две гостиные, буфетная, туалетная и музыкальная комнаты, миновать малую гостиную, и подняться на второй этаж.

Легко преодолев коридор левого крыла, я поднялся на второй этаж, и, остановившись у двери в спальню, для себя решив, что слова Джулианы, будто здесь царит просто неопишуемая беспечность, полностью оправдались. Конечно, она подробно описала мне гигантский особняк во всех деталях, так что я чувствовал, будто уже был в нем не раз, но то, как беспрепятственно мне удалось миновать половину пути, даже удивляло.

Бросив саквояж под ноги, потянулся к помандеру, но вдруг услышал чьи-то громкие шаги — кто-то шел от кухни по лестнице для слуг. Я напряженно прислушался. Шаги были тяжелыми. Мужчина. Идет один...

Наверно лучше всего дать ему по голове, чтобы он не вызвал подмогу, и выкинуть в декоративные кусты, возле одного из арочных помостов, ведущих от побережья сразу на второй этаж. Я торопливо приложил помандер к отверстию замка. Затем нажал на крышку, — чтобы здесь сейчас не случилось, ключ от спальни мне все равно нужен.

— Кто ты? — Мне навстречу медленно двигался высокий худощавый старик в ливрее и

громоздком парике. Наверно смотритель второго этажа.

— Приветствую, синьор, — отозвался я, доброжелательно взирая на пожилого мужчину. — Я слуга синьора д'Эльбёфа. — И напустив таинственности, прибавил. — Личный слуга.

Герцог с момента получения титула являлся сюда не более двух раз, так что я был уверен, что его личных помощников никто здесь не признает. Или не помощников.

Ключ бы готов, я медленно распахнул помандер, и достал его, что бы тут же раскрыть им дверь спальни. Это действие должно было подтвердить мои слова, что я здесь по согласованию с хозяином.

— Ты не похож на других слуг, — расслабившись, заявил старик, немного сдвинув парик и почесав затылок, на котором осталось почти столько же волос, сколько на гладко выбритых щеках.

— Потому что я не просто слуга, я — добрый друг, которого позвал хозяин для проверки его владения и возврата кое-какой вещички... Вы разве не слышали, что на раскопках поймали австрийского шпиона? — поделился я информацией Джулианы. — Герцог — друг короля Карла, он же первым предупредил меня, что здесь шпионы повсюду!

— Австрийские? — удивленно отпрянул слуга, — так герцог в прошлом командовал австрийским полком... — с неподражаемой недоверчивостью пробормотал старик.

Проклятье... Надо было расспросить Джулиану о личности этого герцога, кто же знал... Однако, я не растерялся и тут же сообразил:

— Потому они и охотятся за ним, хотят отомстить! Решили, что Морис предатель. В прошлый месяц на раскопках лазутчика поймали, и признание уже получили... — начал раздражаться я, опасаясь задержки. Первоначальный план: стукнуть слугу по голове и выкинуть его в заросли на берегу, сейчас казался мне самым удачным.

— Ты — француз? — словно ожидая, что я признаюсь в самом страшном преступлении, требовательно спросил старый слуга.

— Нет, англичанин, — равнодушно уточнил я, решив, что еще не поздно использовать первоначальный замысел, да и густые кусты за окном я уже присмотрел.

— Да? А акцент как у лягушатников... — недоверчиво признался доблестный слуга герцога.

Я про себя усмехнулся. Вот так рушатся замки... Я то думал, что мой итальянский выше всяких похвал. Хорошо, что я не говорю по-неаполитански, иначе не представляю, что мне сказал бы на этот счет дотошный старикан...

— Французы не любят, когда их называют лягушатниками... и герцогу это навряд ли понравилось бы... — недовольно пробормотал я, входя в спальню, но тут же обернулся и уверенно приказал:

— Ты, верный слуга, стой на месте! Я переоденусь, и мы пойдем. Вместе. Это будет лучше всего, ни одна купленная австрийская душонка ничего не заподозрит! Понял? Жди меня здесь!

Старик под столь властным напором задумчиво кивнул и остался сторожить меня у двери.

Итак, план хоть и дурацкий, как назвала его Джил, пока исполнялся по пунктам.

Я перевел дыхание и раскрыл саквояж.

Переодеваясь, опасался, что старик перестрахуется и пойдет к управляющему за советом, а тот потребует у меня письмо от хозяина. Но когда, натянув на себя господскую

одежду, я вышел из спальни, старый слуга так и стоял у двери, дожидаясь моего появления.

— Как зовут тебя, верный слуга герцога? — весело начал я расспрос.

— Дженнаро...

Я удовлетворенно кивнул, услышав чисто неаполитанское имя.

— Итак, Дженнаро, внимательный слуга герцога, почему ты решил, что я не слуга? — снисходительно промолвил я, указывая тому двигаться в сторону лестницы.

— Вы, синьор, шли по коридору не как слуга несущий багаж, а как хозяин владений... — С легкой насмешкой отозвался старик.

— Мудрый Дженнаро, тебя не проведешь, — весело усмехнулся я, властно хлопнув по плечу слугу герцога. — Моему другу повезло иметь такую преданность в доме своих предков.

Старик услужливо поклонился, этим жестом почти признав во мне господина.

Мы немного помолчали. Старик, все еще полный сомнений, все же исправно шел рядом со мной. Вообще, несмотря на привычное для Неаполя имя, он вел себя очень сдержанно, скорее как англичанин, чем как пылкий и громкий житель юга Апеннинского полуострова.

Я тряхнул головой, понимая, что все испытания еще впереди, ведь толком непонятно, где наследник хранит сокровища деда.

И под конец мне предстояло выдержать самое сложное из сегодняшних испытаний: тяжелые объяснения с Джулианой, когда она проснется, конечно.

С восхищением разглядывая мраморные колонны, и прекрасные картины на сводчатом потолке, обильно украшенном изображениями героев из греческих мифов и божков Олимпийского пантеона, я восхищенно покачал головой. Фрески поражали своей красотой и обилием золота...

И с упоением произнес:

— Я даже подумать не мог, что Неаполитанские владения Мориса настолько хороши. Они не идут ни в какое сравнение с его французским замком.

Это признание явно польстило Дженнаро, и он с гордостью произнес:

— Вы, синьор, еще не видели, как все здесь было, когда его только отстроили...

Я кивнул.

— Не сомневаюсь, что великолепие этих владений пленило умы многих достойных синьоров, — согласился я, намекая на короля, который решил построить себе здесь нечто похожее.

Мы вошли в новый коридор, на стенах которого висели потрясающие картины. Быстро миновав его, через незаметный выход, попали на балкон, идущий вдоль всех окон этажа.

Здесь на мраморных подставках, в виде ионических колон, через равное расстояние стояли огромные клетки, в которых сидели крупные яркие птицы. Кажется, это попугаи. При виде нас они с шумом и криком вспорхнули, устроились повыше, с любопытством склонили забавные головы с разноцветными хохолками, разглядывая непрошенных гостей умными глазами.

Дженнаро с уважением пояснил:

— Подарок короля синьору д'Эльбёфу ...

Я с почтением кивнул.

Дженнаро, сам того не ведая, вел меня коротким путем. Иначе как удачей подобное стечение обстоятельств не назовешь. Если бы я путешествовал здесь сам, мне пришлось бы идти многолюдными коридорами, и возможность наткнуться на охранников или привлечь

ненужное внимание с каждой комнатой возрастала, так как, о наличии подобного пути к музеуму Джулиана не знала и не могла меня предупредить.

Мы миновали последнее препятствие, в виде красиво вырезанной и позолоченной двери, и слуга завел меня с балкона в небольшую проходную комнату, из которой, кроме того выхода, где стояли мы, вели три массивные двери.

— Я знаю, что вход в кабинет Мориса, в его личную библиотеку и музеум находятся в одном месте... Вот только какая где, припомнить не могу... — с аристократической ленцой я обратился к старому слуге, перед носом которого вяло помахал помандером, разгоняющим вред и болезнь.

Слуга поклонился, и в почтительном жесте указал на высокую дверь посередине:

— Здесь, синьор.

Я кивнул и уверенно прибавил:

— Отлично, ты, Дженнаро, подождешь меня здесь, а после укажешь, какая из оставшихся дверей является кабинетом его светлости, герцога Лотарингского, — и тут же я насмешливо уточнил, тем самым демонстрируя близкое знакомство с герцогом, — прости, синьора д'Эльбёфа.

Я уверенно двинулся к двери, но в данный момент мне было просто необходимо, чтобы Дженнаро отвернулся, дабы я успел сделать ключ.

Сделав суровое лицо, повернулся к слуге.

— Верный друг, проверь, чтобы за нами никто не подсматривал!

Старик поклонился и повернулся к балконной двери, нервно вглядываясь в длинный балкон.

Склонившись, я установил помандер на уровне замочной скважины, прикрыв свои манипуляции спиной. Демонстрируя, что ключ заел и никак не срабатывает, я дождался появления отмычки и с облегчением распахнул дверь.

Но прежде чем войти, шепотом предупредил Дженнаро:

— Жди здесь и никого сюда не впускай! — И уверенно шагнул в «кладовую» герцога.

Таинственный музеум оказался огромной залой, уставленной медными и бронзовыми статуями, некоторые вызывали благоговейную оторопь, тонкой работой древних мастеров. Если бы я пришел сюда в сумерках, и без свечей, мог бы потерять рассудок от ужаса, столкнувшись в темноте со столь натуральным бронзовым бегуном или мраморным мудрецом с тростью, словно в только что пошитой каменной одежде.

С интересом разглядывая статуи древности, я довольно медленно продвигался к резному шкафу красного дерева, в котором располагались стеклянные полки с мелкими находками, сделанному дедом герцога по типу музейных витрин именно для подобных мелочей.

На улице начало смеркаться, я чересчур задержался в этом музеуме, но браслета так и не нашел. Я уже два раза медленно прошел вдоль выставленных на полках для обозрения разнообразных статуэток Приапа и Минервы, поражаясь, как смешно сейчас выглядят их божества. Но меня это не утешало — женских украшений среди мелких находок не было.

Я совсем было отчаялся, и решил идти обыскивать кабинет герцога, но тут заметил, что слева над шкафом красного дерева находится выцветший и облупившийся ларарий, маленькое святилище, устанавливаемое древними в небольших атриях.

На ней выделялось изображение Юноны, в длинных ниспадающих одеждах и коронной на голове, если я, конечно, не ошибся, спутав ее с Деметрой.

Фреска тоже была в довольно плачевном состоянии, но меня заинтересовало не это, а то, что она была прикреплена к картине в позолоченной рамке, похожей на те, которыми были украшены все комнаты в особняке.

Я подошел и попробовал сдвинуть с места деревянную окантовку изображения, прикрепленную к стене.

Мне это не удалось.

Какое-то время я бился над фреской пытаюсь найти способ добраться до тайника, а то, что это был тайник, был уверен, так как, уже видел такое приспособление для сейфа в кабинете у Эдмонда Клея, в ту пору, когда мы еще дружили. Которое, по его словам, ему в наследство оставил дед.

Окончательно отчаявшись, я приложил помандер к фреске и... глазам своим не поверил, когда картина со скипом отъехала в сторону. Видимо кнопка была где-то в полу или на стене, но волшебная отмычка Джулианы сработала без нее!

Каковы была моя радость, когда все золотые и серебряные украшения, добытые на раскопках, оказались здесь. Все же разумные предки нынешнего герцога хранили все находки вместе!

Я перебрал сокровища и, наконец, нашел нечто похожее на браслет, — хотя мне больше это напомнило рукав, ну не выглядел он как браслет, в привычном для меня виде, — изделие из сплетенных длинных золотых змей.

Я закинул находку в свой саквояж, восстановил с помощью помандера целостность сейфа, и повторно сделал ключ к музеуму, чтобы закрыть зал до появления настоящего владельца.

На выходе не обошлось без анекдота.

Когда я вышел и ключом важно запер дверь, передо мной в глубоком реверансе, почти не дыша, застыла смуглая черноглазая девица в чепчике. Перепуганная на смерть служанка бледнела на глазах.

Я не мог допустить, чтобы в ее смуглой коже исчезла последняя кровинка, глядишь, так и в обморок свалится!

— Что это? — высокомерно спросил я старика на итальянском.

Верный слуга низко полонился:

— Она шла за нами, синьор... Вы приказали никого не впускать...

Девица испуганно встрепенулась:

— Я-я... просто шла мимо, мне приказали покормить и убрать у птиц... — и, опомнившись, взмолилась, — простите меня, синьор, я ничего плохого не замышляла!

Соответствуя обстановке, я сурово кивнул. Любопытная девчонка видимо решила осмотреть владения хозяина, а тут ей попался бдительный Дженнаро.

— Птиц?! Но сюда, зачем вошла? Здесь нет прохода... — Подозрительно окрысился старик на испуганную девушку.

— Я заблудилась... — В смятении всхлипнула девица, у которой глаза уже были полны слез.

Напряжение постепенно меня отпускало.

Я надеяться не мог, что так легко похищу древнюю драгоценность. Не сдержав насмешки, подумал, что, возможно, в Лондоне выбрал не ту карьеру.

Мне хотелось смеяться. Но опасаясь перепугать невольных зрителей моего триумфа, я только сухо кивнул девице, отпуская ее с миром, и важно обернулся к Дженнаро.

Служанка поклонилась и на негнущихся ногах выбежала на балкон.

— Видишь, мой друг, как опасно мы ходим?

Старик, понимающе, сурово кивнул. Где-то рядом на балконе третьего этажа распахнулась дверь, раздался шум, радостные гости герцога вышли на балкон, где решили выпить на свежем воздухе местного вина.

Старый слуга, услышав шум, тут же презрительно пояснил:

— Французы... друзья синьора. Празднуют.

Я понимающе кивнул:

— Знаю, потому прошу тебя помочь мне выйти из особняка незамеченным. Особенно следи, чтобы нам не столкнуться со слугами этих господ! — Высказав это, невольно поморщился, так как сам услышал нотку лжи в своих словах.

Старик вновь послушно взялся вести меня короткими путями вон из особняка. Дабы не привлекать внимание гостей и соблюсти внешние приличия, я даже вручил ему саквояж с драгоценной добычей.

Последним мы пересекли дворик, выложенный из майоликовых плит.

Когда Дженнаро вывел меня из особняка, я попрощался с ним, наградив золотыми за верную службу герцогу, точнее, за помощь мне.

И чувствуя себя просто воодушевленным удачей счастливецом, таким баловнем фортуны, которому все по плечу, энергично направился по парковой дорожке вниз, намериваясь выйти из владений герцога и найти у входа свою карету. Мне хотелось поскорее вернуться и порадовать Джулиану, что, несмотря на все ее сомнения, первая часть плана выполнена и можно приступать ко второй. То есть, не торопясь, разбираться непосредственно с Кристианом.

Я понимал, что она будет очень расстроена тем, как я поступил, подложив ей снотворного в чай. Но сейчас, летя на крыльях успеха, был уверен, что смогу легко убедить ее не злиться.

Моим планам ничего не мешало, пока я на тропинке возле мраморной беседки не столкнулся с еще одним гостем герцога, тем самым презренным типом, который на рыбном рынке в Портичи оскорбил Джулиану. С тем самым франтом, разодетым, словно молодой испанский петух.

Этот тип измерил меня презрительным взглядом с головы до ног. Затем, словно узнав, внезапно остановился и насмешливо спросил:

— Теперь синьор без маски?

Я сначала не понял о какой маске шла речь и, подняв брови, озадаченно уставился на незнакомца, ожидая пояснений, но даже представить не мог, о чем этот мерзавец мне любезно пояснит:

— Ну что, и тебя обвела вокруг пальца Лаура, та шлюха с кухни, да? Я ведь пошел за тобой до старой верфи... когда она не пришла. Ты тогда маску скинул и рассматривал какие-то дьявольские огоньки, исходившие из твоего перстня. Но твой красный костюм мне ни с чем не спутать...

Этот глупец следил за мной?!

— Лаура? — хрипло переспросил я, еще не до конца понимая, откуда он взялся...

— Да, высокая худущая девка, работавшая на кухне в особняке герцога... — презрительно сплюнул престарелый франт.

В этот миг, наконец все стало на свои места.

Я громко расхохотался, хотя мне было не до смеха.

И в этом мне точно повезло, в любом случае, этот тип числился в последующих пунктах моего плана пребывания здесь, в который, само собой, я не собирался посвящать супругу.

Но браслет герцога еще у меня в саквояже, и глупо начинать то, что задумал ранее, не закончив с находкой. И шантажистом Кристианом.

Но как быть? Не упускать же такой шанс!

За который я с радостью и ухватился. Мне предстояло отомстить за Джил, не открывая истинных причин дуэли. Так что, первым делом я попытался уязвить его как можно сильнее. Надменно приосанившись, я презрительно произнес:

— Уязвленный молоденькой кокеткой старый похотливый сатир, решился на месть более удачливому джентльмену? И даже устроил за ним слезку на старой верфи? Как это по-испански! Наверно это было весьма прискорбно, если бы не выглядело так смехотворно...

Да, мне надо вызвать его на дуэль, а для этого все средства хороши... Если бы не этот проклятый Кристиан со свои браслетом, я бы вызвал этого похотливого мерзавца не сходя с места*!..

*С 70-х годов XVI века обходились без особых формальностей, а от вызова до поединка могло пройти несколько минут. Причем такую дуэль, следующую сразу за оскорблением и вызовом, общественное мнение расценивало как более престижную и благородную.

— Джон Буль*, ты за это ответишь! — сплюнул взбешенный испанец, схватившись за кованый эфес, висевшего на поясе клинка, от гнева забавно подпрыгивая на месте.

*Презрительный собирательный образ типичного англичанина. Джон Буль — краснолицый низкорослый толстяк с хитрой физиономией, с непременными бакенбардами, в красном сюртуке, белых брюках или лосинах (обязателен костюм цветов британского флага) иногда с подозрной трубой, через которую он в безопасности и комфорте рассматривал через Ла-Манш происходящие на континенте события. Взят из памфлета английского публициста Джона Арбетнота «История Джона Буля» (1727)

— Тогда чего тянуть... — широко улыбнулся я. — Буду рад встретиться через полчаса на берегу Сарна за рыбным рынком.

По моим кратким наблюдениям это местечко по вечерам пустовало. Находилось оно на отступе, у въезда в Портичи, было заселено только беднотой и максимально удаленно от Резины. Это фактор был для выбора решающим. Больше всего не хотелось, чтобы о поединке узнала Джулиана. Мне совершенно не нравилось рушить образ благоразумного мужа, который я не раз подчеркивал в беседе с ней.

Рот испанца скривился в насмешке и мой противник вместо согласия прошипел:

— Будь осторожен, когда ступаешь по горячим камням, незнакомец с дьявольскими огоньками в перстне...

Я позволил презрительной улыбке оживить свое лицо:

— Так это твой трусливый отказ? Или потешная угроза? Всегда был уверен, что старые разряженные глупцы все — трусливые выродки.

Испанец, вновь в гневе схватившись за оружие, прищурил темные глаза, зашипел:

— Я буду там, сражаемся на шпагах...

Так как вызов был мой, оружие выбирал противник. И его выбор меня удовлетворял.

Я небрежно кивнул испанцу. Поклонившись в ответ, он гордо прошествовал вверх по тропе к особняку герцога. В уверенных движениях мерзавца и в постановке его головы явно угадывалось какое-то тайное удовлетворение. Хотелось бы мне знать, что он задумал...

Хотя дуэль, драка, хорошая схватка всегда веселит сердце настоящего мужчины, но на душе у меня было не совсем спокойно. Я перехватил саквояж поудобней и направился к карете. Надо было закончить главное дело, ради которого оказался здесь, до того как вмешаются личные обстоятельства.

Тропа резко пошла вниз. День уже угасал, а вечер еще не вступил в свои права. Свой экипаж я нашел в заранее договоренном с Андреа месте. Молодой лакей, сопровождавший меня еще из Неаполя и по моему приказу днем охранявший Джулиану, оказался толковым малым. Едва завидев меня, он приказал кучеру трогаться.

Карета остановилась прямо предо мною. Андреа соскочил с козел и поклонился, дожидаясь моего распоряжения.

Несмотря на острое желание вернуться к жене победителем и с добычей, я медленно уложил саквояж на диван в карете, обернулся к застывшему в ожидании слуге, приказал:

— Доставишь мой багаж в таверну и передашь его моей жене.

Андреа, миг помедлив, услужливо поклонился.

Я поправил шпагу на поясе, быстро взглянул на него, и прибавил:

— Я ненадолго отлучусь, у меня тут осталось незаконченное дело...

— Когда за вами возвращаться? Привезти лекаря, свежие рубашки? Что сказать синьоре? — деловито поинтересовался слуга. — Может мне остаться с вами?

Представив реакцию Джулианы, я поморщился и поспешно прибавил:

— Синьоре вообще ничего говорить не стоит. А привезти мне пару рубашек — хорошая мысль. Надеюсь, обойдусь без лекаря ...*

*Классическая дуэль в Европе зародилась примерно в XIV веке. Родиной дуэли стала Италия, где на улицах городов часто бушевали уличные бои, подробно описанные в различных версиях Ромео и Джульетты. По подсчетам современников только за 20 лет правления Генриха IV (1589–1610) на дуэлях погибло 20 тыс. человек. В последующие века это беда получила еще большее распространение.

Андреа поклонился, заскочил на козлы и дал кучеру команду трогаться. Удар кнутом и моя карета покатились по серой дороге, увозя добытый браслет.

Размышляя как оправдать перед Джулианой свое отсутствие в карете с добычей, я поправил свой шелковый плащ, надвинул треуголку пониже и уверенно направился к назначенному месту.

Ровно через полчаса я миновал бедняцкие улочки Портичи и добрался до рыбного рынка. Рядом шумел грязный Сарн.

Солнце быстро катилось к закату.

Мой противник не подвел. На берегу речушки, ближе к деревьям, рядом с оседланной лошастью уже стоял испанец в надвинутой до бровей треуголке, держащий в руках шпагу. Свой плащ он оставил в седле, словно сделав этим единственную уступку предстоящему поединку.

Я усмехнулся, он, что, в жюстокоре сражаться собрался?

Он заметил мою насмешку и в глазах испанца вдруг вспыхнул опасный огонек злорадства. Внимательно меня рассматривая, я бы сказал, изучая, он что-то тихо с презрением произнес.

Так что же он задумал? Или полагает все разрешить извинениями? Но с этим не согласен я.

Раздумывая над увиденным, я поприветствовал испанца надменным кивком и, быстро расстегнув и скинув свой жюстокор на ближайшую ветку куста, рядом с плащом, остался в рубашке.

Итак, без лишних слов все готово к схватке. Коротко поклонившись, насмешливым жестом призвал противника к бою, встал наизготовку, принимая классическую позицию для фехтования.

Испанец выставил перед собой оружие и поднял другую руку почти под прямым углом...

Мы схлестнулись...

Довольно скоро стало понятно, что сей нахрапистый мачо, как обозвала его Джил, славен только своим высоким ростом и громким голосом, и, видимо, никогда не сражался ни с кем, кроме безусых юнцов.

Я сделал обманный выпад, намериваясь покончить с ним и поскорее отправиться в теплые объятия любящей жены. Но добить бахвала не успел — перебивая умиротворенные всплески вечернего моря, послышался громкий стук подкованных сапог.

Стражники в темной униформе, направлялись к рынку по двое, выделялись на фоне вечерних сумерек. Их было около пяти пар, каждый был вооружен пикой или алебардой*. В руках они держали смоляные факелы, отбрасывавшие пляшущие отблески слабого света на три шага вокруг.

*Алебарда была главным и самым эффективным пехотным оружием в Европе вплоть до 16-го века. Её форма продолжала меняться. Но постепенно алебарду стали вытеснять длинная пика и мушкет. К этому времени алебарда превратилась в оружие офицеров, дворцовой охраны и городской стражи.

Выставив шпагу, я медленно повернул голову к истекающему кровью испанцу, бросил на него презрительный взгляд, а затем мрачно улыбнулся:

— Чего еще ждать от такого жалкого червя как ты...

— Ты еще пожалеешь, английский выскочка... — прохрипел он. Вместо ответа я усилил нажим на острие клинка, приставленного к его горлу.

Позади вдруг раздался грозный приказ:

— Остановитесь и бросьте оружие!

— По какому праву вы останавливаете поединок чести? — невозмутимо поинтересовался я, не собираясь отодвигать лезвие от горла врага.

Командир стражников равнодушно ответил:

— Спорить будете с патроном*, а теперь уберите эту штуку. Мы выполняем приказы, только и всего. Если вас что-то не устраивает, пишите прошение о защите в английский посольский дом.

* Патрон, — патриций, покровитель вольноотпущенных и плебеев, наиболее распространенным является употребление в значении «покровитель людям, зависящим от него, ему подчинённым».

Я атаковал высокого худого стражника, отдававшего приказы и стоявшего справа от меня, пытаясь проскочить между ним и зарослями, оканчивающимися на углу улицы.

Он закричал, требуя подчиниться, и одновременно левой рукой, защищенной плащом, отразил мой выпад шпагой. Я тут же ударил его кулаком, и все же заставил командира стражников отступить, но тут же столкнулся с другими, преградившими мне путь.

Потасовка кончилась слишком быстро, меня со всех сторон окружили стражники, приставив к горлу алебарды*.

Нет, я не мог позволить, чтобы этот попугай оказался победителем, и пытался сопротивляться.

Упрямо сделал шаг вперед и резко развернулся — длинные пики стражей уперлись мне в грудь.

Испанец медленно поднялся с земли, прижав раненую руку к ребрам, чертыхаясь, неловко снял перчатки и раздраженно приказал:

— Именем короля, свяжите его!

Команда испанца была исполнена в ту же минуту и с поразительной скоростью.

Все прекрасно понимая, я все же оглядел людей столпившихся рядом, в поисках хотя бы одного сочувствующего лица, но таковых рядом не казалось. Вокруг были только свирепо смотревшие стражники с разбитыми носами, в какой-то мере принесшими мне чувство удовлетворения.

Испанец проследил за моим взглядом и усмехнулся с дьявольским восторгом и, заканчивая свое обращение к страже, приказал:

— Уведите его на суд к королю!

Связав меня, стражники подняли с земли, окружили меня плотным кольцом и повели в Неаполь.

Я оказался в отчаянном положении. Ярость, пришедшая на место боли, улетучилась, на ее место пришло беспокойство и чувство вины от осознания, что я только что сильно подвел Джулиану.

Глава шестнадцатая

«Самая мудрая женщина, которая могла бы управлять целым государством, может выбрать своим господином мужчину, которому нельзя доверять в управление даже десяток куриц»

Кардинал Мазарини.

Джил

Я всегда считала себя сильной женщиной и не только потому, что нас на Астере тренировали до полного изнеможения. Нет, все верно, и на самом деле это было нелегко, каждый день после тренировок мы были измучены, вымотаны до предела и морально и физически. Вечером я вползала в душ, думая, что завтра не смогу ходить.

Но все эти мучения имели одну цель — мы, историки из будущего, должны не просто выжить на неизвестной территории без надежды на помощь, но и сохранить присутствие духа, чтобы продолжать работать и защищать себя. Иначе в прошлом от нас не будет никакого толку.

И, несмотря на подготовку, когда очнувшись вечером вместе с полученным саквояжем, я услышала от Андреа новость, что Артур остался в Портичи по делам, то первым чувством была паника.

Неясное, тягучее как горячая смола, жгущая грудь, меня задавило внезапно охватившее душу беспокойство.

Слуга с косичкой, повторно прибывший в комнату по моему приказу, с деловым видом повторил, что синьор этим вечером будет занят и прибудет позже.

Я покачала головой, тихо спросила:

— Андреа, не темни. Зачем синьор остался в Портичи?

Слуга невозмутимо отозвался:

— Мне не велено вам говорить...

— Ясно... Он с кем-то повздорил? Вызвал на поединок?

Я даже знала кого, больно спокойно тогда Артур на мои синяки отреагировал. Так и думала, что скоро будет продолжение. Нет, конечно, он мог найти себе еще кого-нибудь для дуэли, это дело не хитрое, и подобный вариант тоже не стоило упускать из вида.

Но, в общем, в результате, это мало что меняло и интуиция, а может, разыгравшееся воображение мне подсказывали, что что-то пошло не так как он планировал. Но откуда я могла знать это наверняка?

Я не знала, но чувствовала.

— Андреа, готов карету, мы едем в Портичи! Быстро!

С отчаянно бьющимся сердцем я метнулась к корзине, собираясь схватить плащ и кинуться Артуру на помощь.

— Но синьор запрети... — начал, было, слуга.

— Быстро!.. — гневно прошипела я, стиснув кулаки.

Андреа, явно прочитавший по глазам, что дамской истерикой я не ограничусь, покорно кивнул и вышел исполнять приказание.

Я с усилием заставила себя сесть в кресло и успокоиться, упрятав дрожащие ладони под коленками.

Итак, отчего меня охватило такое волнение, вроде ничего не произошло?

Артур, конечно, натворил дел с чаем и снотворным, иного пояснения странному сну посреди дня у меня не было, но я его почти не винила. Мне надо было тихо, ни в коем случае не предупреждая, идти и страховать его. Тем более, зная маниакальное желание мужа защитить, я могла предвидеть его поступки. Но откровенно сглупила, предупредив. Теперь смысл его винить?

Но почему мне за него так страшно?

Я быстро надела костюм, в котором прибыла сюда, собрала самое необходимое из своих вещей и вещей Артура, предчувствуя, что сюда больше не вернусь. Накинула плащ и вышла к карете.

***

Вечер подходил к концу. Уже совсем стемнело, когда мы въехали в Портичи. Носильщики редких портшезов двигались по улицам в сопровождении факельщиков. Где-то одиноко подвывала собака, оплакивая ополовиненную луну.

— Андреа, куда ты должен был привезти рубашки синьору? Только быстро...

— К рыбному рынку на выезде из Портичи, — сухо ответил он и обиженно отвернулся. Это потому что еще в таверне мне пришлось слегка прижать его к стенке и нажать на кадык, чтобы заставить все рассказать, так как верный слуга упрямо отказывался послушаться хозяина.

— Прикажи кучеру поторопиться...

Как поняла по скудным пояснениям Андреа, они схватились у начала старинной улицы с маленькими каменными домами, где буквально в двух шагах протекала грязная речушка Сарн.

Карета с грохотом неслась по улицам крошечного городка. На подъезде к рынку, у площади фонтанов, я попросила кучера ее остановить. И сурово приказала Андреа:

— Ты сейчас идешь туда пешком и расспрашиваешь зевак, как прошла дуэль...

Молодой слуга послушно кивнул и вышел из кареты.

Я вышла следом за ним, и узкими проходами отправилась туда, где в кривых переулках теснились кожевенные и прочие мастерские. Миновав последние дома бедноты, понеслась к месту схватки.

Всю жизнь считала себя здравомыслящим человеком, у которого опасность вызывает прилив сил, но в этот момент впервые ощутила, как по позвоночнику скользит страх.

Нахлынувшая паника обещала просто задушить.

Добравшись до рынка, я никого там не обнаружила. Попытки разобрать следы в темноте ни к чему не привели. Пришлось ни с чем возвращаться в карету.

Буквально через три минуты туда же вернулся запыхавшийся Андреа.

— Что узнал?

— Синьор дрался с испанцем, потом непонятно почему, его увели стражники. Все.

Я на миг задумалась, потом спросила:

— А что стало с тем испанцем?

Андреа покачал головой:

— Его не тронули... Рыбак, который ходил за порванной сетью в лодку на пристани, разговора не слышал, только наблюдал за ними издали...

Я кивнула, показала жестом присаживаться на диван напротив меня, и сухо приказала:

— Прикажи кучеру трогаться, мы медленно едем по главной улице. Направление движения — особняк герцога!

Расчет был на то, что городки и поселки «золотой мили» построены строго вдоль моря, так что дорога, по которой будет возвращаться испанец во владения д'Эльбефа, здесь одна.

Мы проехали совсем немного, когда заметили в аллее впереди нас, у дверей местной двухэтажной гостиницы, небольшое скопление людей.

Я приказала кучеру потушить фонари по бокам кареты и высунулась из окна, рассматривая группу синьоров, закутанных в длинные плащи непонятного цвета. Среди них выделялся высоким ростом испанец, лицо которого до самого подбородка скрывала широкополая шляпа.

Периодически хохоча, окруженный восторженными слушателями, он довольным тоном о чем-то рассказывал приятелям, явно ощущая себя героем победителем.

— Останови карету! — Я резко стукнула кулаком в потолок. Кучер послушно остановился, скрыв темную карету за густыми кустами и стволом каштана.

Мы остались наблюдать из окна за группкой веселых синьоров. Судя по тому, как иногда при смехе кривился испанец, от Артура ему неплохо досталось...

Ожидание выводило из себя, но я, словно превратившись в окаменевшее тело с раскопок, не двигалась с места, сосредоточившись на испанце.

Когда через полчаса синьоры распрощались, я приказала кучеру следовать за «вон тем высоким синьором в темно-синем плаще».

Достигнув границ поместья герцога, которые не освещались, и были совершенно безлюдны, мы обогнали испанца и остановились в темноте почти перед ним.

— Ждите меня здесь, не высовывайтесь! — Я вышла из кареты, и двинулась навстречу много задолжавшему мне подонку...

Андреа проводил меня скептической ухмылкой и презрительным взглядом, решив, что я как-то связана с этим негодяем, раз решила встретиться с ним без охраны в темном безлюдном месте.

Остановившись на тропинке прямо перед испанцем, который не подал намека, что узнал меня, весело окликнула его:

— Какая встреча! Не узнаете меня, синьор насильник? А я вас весь вечер ищу, с ног сбилась...

— Пошла прочь, Вруја (шлюха, ведьма, исп.)... — он раздраженно сплюнул и, не останавливаясь, свернул в сторону, чтобы меня обойти.

Я дала ему пощечину. Вложив в удар весь гнев. И тут же увернулась от его кулака, заходя ему за спину.

— Твоя мама не научила тебя, как надо обращаться с женщинами? Придется учить мне! Взбешенный негодяй, оборачиваясь за мной, вынул свою шпагу.

Я тут же ногой ударила его по руке, выбивая оружие. Пока шпага летела в темноту, я вывернула ему руки, особенно надавив на правую...

Хруст ломающейся кости почти заглушил взвизг, заголосившего от боли испанца. Некогда грозный мужчина с высоты своего роста шлепнулся на живот и затих, озадаченно выпучив глаза и хватая ртом воздух...

Итак, к беседе он готов:

— Мне нужна информация, куда увели англичанина, с которым сегодня вечером у тебя была дуэль, — спокойно спросила я, вдавив колено ему в позвоночник. — И срочно.

— Ты сломала мне руку, — заскулил поддон, пытаюсь вывернуться.

Я надавила на здоровую руку посильнее, заодно потуже скрутила кружевной ворот на толстой шее испанца.

— Шея ломается также легко, как и руки... А я очень тороплюсь!

— Не надо... — выдавил полузадушенный испанец. — Я все расскажу!

— Без предисловий! Рассказывай, — я немного ослабила хватку на его шее, не выпуская целую руку из своего захвата.

— Его увели стражники, — простонал он. — В Неаполь. В королевский политический суд в Капель Нуово.

— Обвинение?

— Шпионаж в пользу Англии...

— Много стражников его уводили?

— Десять...

Итак, по дороге Артура отбить не получится. Надо ждать, когда его определят в темницу, затем задействовать переходники. И сделать все тихо, чтобы еще больше не наследить в этом историческом моменте.

Но ведь мы так и не разобрались с Кристианом...

Как мне не хотелось кинуться за Артуром, я решила от своего комплексного первоначального плана не отступать.

Да, и когда я с мужем, нападает необъяснимая слабость, а я действую куда эффективней, когда за спиной никого нет и приходится рассчитывать только на себя.

Я еще раз жестко пнула в торе носком туфли, чертыхающегося сквозь зубы испанца. Пусть вместо щекотания похоти свои ребра полечит. И с отвращением оттолкнула от себя его стенающее тело.

Возвращалась в карету, в жутко расстроенном состоянии.

Было безумно страшно за Артура. Но пока его пешком вели в Неаполь, ночью в темноте мне не догнать их даже в карете, и не найти его в Неаполе, пока стражи сами не приведут пленника в Каstellь Нуово.

Значит, надо использовать момент и довести дело с браслетом до конца.

Паника ничему не поможет. Я сделаю все, что могу. Следующая насущная задача: застать Кристиана врасплох.

Итак, для этого мне нужны лекарства для восстановления сил, перенастроенные переходники, аппаратура для записи в реальном времени и хоть какое-то оружие, Артура мне никто просто так не отдаст. Хотя нет, оружие точно нельзя...

Почему-то, когда вернулась в карету, кучера на козлах не было. Я повернулась к Андреа, собираясь спросить, куда тот делся. И на миг остолбенела, потому взгляд молодого слуги так и лучился восхищением. Какая перемена!

С досадой покачала головой, еще свидетелей мне не хватало!

— Итак, куда делся кучер?

— Он увидел, как вы отделали испанца и удрал, проклиная день, когда синьор нанял его в Неаполе...

— А ты чего не удрал? — устало осведомилась я, вытаскивая корзинки ставя их рядом со слугой на козлы.

— Зачем убегать от достойной синьоры? — сияя взглядом, радостно произнес Андреа.

— Отлично... — вздохнула я. — Ты править каретой умеешь?

— Не сомневайтесь, синьора!

Я села с ним на козлы.

— Тогда гони к выезду из Портичи... Как покинешь его пределы, остановись.

Пока мы ехали, я спросила фамилию храбреца.

— Андреа Ланца... — радостно назвалась молодой слуга.

Я достала корзину и быстро нашла среди вещей Артура расписку о покупке кареты и ниже приписала на итальянском, что карета законно продана Андреа Ланца за пятьсот золотых.

Когда мы остановились, я подхватила корзины с вещами и вышла в темноту.

— Итак, Андреа Ланца, сейчас ты гонишь карету в Неаполь, а оттуда в Рим. И главное напрочь забываешь все, что здесь увидел.

— А почему в Рим? — натянув вожжи, расстроено поинтересовался ливрейный лакей

Артура.

— Там кареты стоят дороже... — устало улыбнулась я. — А это тебе расписка, что ты законно купил эту карету в Неаполе, у синьора Паоло Сорра.

И с горечью добавила:

— Только не тяни с отъездом, если не хочешь, как синьор Артур попасть в Кастель Нуово за шпионаж. Этот подонок, которого ты сегодня видел, обязательно будет разыскивать карету и того, кто был в ней. И, как ты сам понимаешь, никого не волнует, что ты невиновен и вовсе не причем...

Оставив ошеломленного слугу любоваться бумажкой, я ушла в темноту за деревья, где лихорадочно активировала жемчужину.

Временная арка открылась прямо в моей квартире. Прыжок и поиски нужного заняли у меня не более получаса. И сейчас мне было плевать, что приборы зафиксировали прыжок, какое бы взыскание меня не ждало, в данный момент меня это тоже волновало мало.

Я сгрузила добытые данные по Вилле Папирус на общестанционный сенсо, проглотила всевозможные препараты для восстановления сил, переделалась в чистое, спрятала в корсете оружие и мини сенсо для съемки компромата. Настроила переходник и нажала кнопку активации.

Меня вновь встретила пристань Неаполя, расположенная на востоке города, и защищенная небольшим больверком. В это время она могла принять в себя 4 корабля, вооруженных 80 пушками, что немало для этого времени, но сейчас там стояли только два фрегата с пятью тартанами и двумя галерами.

Значит сначала к Кристиану. Дом, где он служил, находился относительно недалеко от пристани.

Завернув добытый Артуром браслет в свою шаль, я решила использовать его как наживку. Чтобы разобраться с Кристианом, мне необходимо найти его логово, а точнее комнату, в которой он жил. И подтвердить, что там никого из посторонних нет.

Для этого я собиралась вручить ему браслет, а когда он на него отвлечется, исполнить задуманное. Так как наши силы явно неравны, как ни крути, он работник безопасности, мне надо использовать каждый шанс.

С помощью записки с карлино, переданной через сторожа, вызвала Кристиана из дома.

— Лаура, что ты делаешь здесь ночью? — Судя по распахнутой одежде и запаху вина, Кристиан явно собирался провести этот поздний час с удовольствием и пользой.

Изображая гнев, я раздраженно оскалилась:

— Не знаешь, что воры делают по ночам? Таскают ворованное добро перекупщикам. Идем к тебе, здесь я ничего передавать не буду!

— А как же твой муж? — насмешливо поинтересовался он, жестом показывая дорогу.

— Вернулся назад. Мало чего еще ты еще тут стянуть захочешь, зачем лишний раз подставляться... — со смешком фыркнула я, хотя никакого веселья я не чувствовала, действуя на автомате по заранее продуманному плану.

Опешив от моей наглости, Кристиан молча указал на дверь черного входа и, проведя меня в уютно обставленную парчовой мебелью комнату, мало похожую на помещение для прислуги, пригласил сесть на бордовый диван.

Осмотревшись, здесь никого не было, а судя по разбросанным вещам это точно жилище Кристиана, я успокоилась. Скорчив раздраженную гримасу, отказалась садиться:

— Нет, я спешу. — Протянув ему браслет, завернутый в шаль, я стояла спокойно, словно

не собираясь двигаться с места. Однако мое тело готовилось: группировалось, принимало устойчивую позу.

Когда он вынул древнее украшения из шали, и восхищенно рассматривая, принялся крутить его в руках, я прыгнула, ударив ногой прямо в грудную клетку Кристиана.

Я никогда не применяла этот грубый, но эффективный удар. Но на этот раз меня довели! Кристиан зашатался, сжимая грудь, раскрыл рот как рыба, не в состоянии дышать. Прежде чем он успел хоть как-то отреагировать, я бросилась к нему и ударила локтем в лицо.

Да, это все крайне глупо сточки зрения техники боя и вообще постыдно и примитивно, но мне очень хотелось его проучить. Да и нельзя забывать, что безопасников тоже отлично обучают контактному бою, хотя и не так сурово, как нас на Астере, так что в моем арсенале гвоздь программы только внезапность. И снотворное.

Окончательно вырубив его инъекцией снотворного, я спокойно осмотрелась в покоях, из которых непонятно куда вело слишком много дверей.

— Н-да, расположеннице не из блестящих, — пробормотала я, продолжая изучать местоположение.

Но разве у меня был выбор?

Вынув из корсета сенсо для съемки, шагнула вперед.

Сердце бешено билось в груди, отражаясь в пульсе на шее и гулом крови в ушах.

Все происходящее было уж слишком для бедной меня, но я не могла оставить все как есть. Пришлось внимательно облазить комнату, обнаружив за одной из дверей небольшую гардеробную, обыскать и ее.

Все укрытые хозяином артефакты, которые мне удалось найти, а Кристиан как опытный человек хранил их в разных местах, я складывала на круглый деревянный стол, внимательно фиксируя на сенсо найденную контрабанду и ее владельца.

Если безопасность заинтересуется моей съемкой, а проверить что она настоящая можно элементарно, то легко добудет подтверждения виденного его головы. Главное, Кристиан знает это не хуже меня.

Еще раз запечатлев золотой браслет на сенсо, аккуратно уложенный рядом с чашами и украшениями, добытыми тоже на раскопках, я нагнулась за упавшим на пол крылатым медным божком из детей Приаповых, когда вдруг услышала в ухе зуммер поспешной эвакуации.

Проклятие! Это конец!

Я была готова голыми руками разорвать любого кто попадется у меня на пути... У меня ровно тридцать минут до эвакуации, которые даны на то, что историк закончил дела и успел собрать вещи.

Если в течение этого времени он не появится на станции, за ним высылают команду спасения. И это наказуемо, так как расценивается, как профессиональное преступление.

В лучшем случае меня изгонят со станции, с разрывом контракта по моей вине, в худшем — запретят заниматься историей. Плюс оплата отправки команды спасателей, а это неподъемная стоимость для историка типа меня.

Но бесилась я не потому, самое страшное, что могло сейчас случиться, это оставить здесь Артура. Арестованного, заключенного в каменный каземат.

Но и Кристиана оставлять нельзя. Если его спасут при эвакуации, а сам он за полчаса не очнется, ведь действие снотворного рассчитано на два, то начнется расследование и тогда

все окончательно выйдет наружу. А это конец.

Я потеряла лоб, соображая. Хоть волком вой! Знала бы, что активируют эвакуацию, первым делом втащила бы Артура. Но в тот момент выбор в пользу замысла застичь их в крайней точке пути, тогда он показался мне самым верным.

Страдать некогда.

Я схватила Кристиана, покидала собранные на столе сокровища в его саквояж, и открыла переход к себе в спальню. Перетащив спящего Кристиана, бросила его на полу у дивана и тут же активировала капсулу на возврат. У меня осталось чуть больше пятнадцати минут... Сдерживая то ли слезы, то ли рык бешенства, я перепрограммировала жемчужину на Неаполь, Кастель Нуово, уж ни на что не рассчитывая.

Зная систему перемещения по временным каналам, я не могла вернуть себе потерянное время или отмотать назад, явившись за Артуром до звонка зуммера. Если историк присутствовал тот момент в Неаполе, то мог вернуться только позднее. На минуту, на миг, но обязательно позднее...

За пятнадцать минут среди толп стражников и заключенных, бродящих по огромному замку, почти невозможно отыскать Артура.

Арка открылась в одном из притворов Палатинской капеллы (церковь св. влм. Варвары XIII века), огороженном от главного зала огромной картиной, где, судя по грязи и полной заброшенности, давно никого не было.

Меня спасало то, что сейчас время за полночь и большинство обитателей замка спали.

Минуя надгробные мраморные плиты захороненных здесь королей, я быстро вышла в общий зал. Капюшон плаща скрывал лицо, но любая встреча со стражниками вне храма была равнозначна схватке.

В руки охранникам не дамся. Возможно, было бы у меня время я бы покорно сдалась им в руки, чтобы они сами меня ответили туда, куда отправляют подозреваемых, но сейчас эта роскошь мне недоступна.

Без проблем я вышла во внутренний двор замка, сделанный в виде квадрата, и пошла налево к лестнице, ведущей в Зал баронов, некогда тронный и пиршественный зал замка. Факелы то ли догорели, то ли на замке так сэкономили, что освещением не озадачивались. Впрочем, мне темнота на руку.

Справа виднелся переход, исполненный в типичной итальянской манере. Вот только на этот раз наслаждаться прикосновению к истории я не могла. Каждая зря потраченная секунда отдавалась в ушах горячим ударом, от которого в жила стыла кровь.

Обдумывая вариант с эвакуацией, я в руках держала только две жемчужины. Все ставки сделаны и сделаны только на побег.

Сверху квадратных стен двора раздался какой-то шум. Схватка. Я задрала голову, превратившись вслух. Но потом поняла, что звуки слышно сверху именно из-за высоты стен.

Бой шел где-то за полосой контрэскарпа* рва, частично идущего по западному периметру замка на высоте двадцать метров, там была платформа по парапету ограниченная прямоугольными зубцами, с устроенными в них бойницами. Видимо там находился проход в казематы за королевским замком.

* Контрэскарп — искусственно срезанный под большим углом склон, обращенный передней частью к обороняющемуся.

Я была уверена, что шум и драку поднял Артур. Как офицер, у которого под началом было множество людей, он просто обязан просчитывать поступки тех, кто с ним связан. Он понимает, что я ищу его, потому схватился со стражниками, привлекая внимание...

Стиснув кулаки, я понеслась к белой Триумфальной арке, помня, что, только минуя ее, можно было попасть к платформе с бойницами.

Но на входе в арку стояла стража. И горели факелы.

Мне не прорваться напролом... что делать?

Лениво шагая к Залу баронов, на плацу появился офицер дозорного полка в распахнутом красном мундире и синих кюлотях. Бледный юноша с веером вместо шпаги, смахивающий больше на школьника, чем на командира отряда.

Скинув капюшон, чтобы он смог меня рассмотреть, я кинулась к юноше со всех ног.

— Синьор командир, синьор командир, помогите, молю! — и дерзко схватив его за руку, прижала ее к своей груди и отчаянно прошептала. — Помогите мне выйти отсюда! Вы... я умоляю! Мой возлюбленный... Он недостойн называться мужчиной! Привел меня сюда... — Дальше я совершенно натурально расплакалась, мне было досадно и страшно обидно терять время на подобный бред.

— Прошу вас, умоляю, прекрасный синьор, помогите мне уйти отсюда! Только проводите меня за арку... За мостом меня ждет карета. Смилуйтесь, благородный синьор!

Мальчик был под воздействием вина и заплаканных женских глаз, и моя просьба отозвалась в его душе благосклонностью.

— Я к вашим услугам, прекрасная синьорина! — Я одарила его ласковой улыбкой. От радости была готова целовать его руки!

— Признательна вам, мой герой, но давайте же поторопимся... — горячо прошептала я. — Меня ждут дома.

Мальчик офицер галантно предложил мне руку и повел к арке, которая, несмотря на величественные статуи и барельефы, сильно обветшала и кое-где на стенах обнажилась грубая каменная кладка.

Подойдя к ней вплотную, я порадовалась, что не рискнула пробиваться здесь с боем.

С двух сторон вдоль стен стояли алебардщики. Но перед офицером они расступились, и мы миновали арку спокойно. Только на выходе один из стражников, запирающий ворота, дернулся преградить нам путь, но офицер оборвал его по-французски.

Когда мы успешно миновали ворота, перед которыми стояли два стражника с алебардами, вместо того, чтобы перейти через мост, как было сказано мальчику, я остановилась.

— Я хотела бы вас отблагодарить, благородный синьор... — ласково прошептала я, уводя офицера от моста к западной платформе.

Вместо ответа, он скомкано мне улыбнулся, так как тоже услышал звуки схватки и насторожился. И теперь это его волновало больше чем я. Он порывисто осматривался, не забывая при этом галантно мне улыбаться.

Но он не понимал, насколько сильно эти звуки волновали меня!

Сколько понадобится времени, пока Артура серьезно ранят или... об этом даже думать не могла! Я потянулась поцеловать своего спасителя, который, снисходительно мне улыбнулся, позволяя дерзкую ласку... Быстро нажала на точку сна, в затылочной части черепа, и аккуратно опустив тело в изгибе стены, забрала клинок и кинулась к мужу на помощь.

Надо быстро пересечь мост, чтобы добраться до стражников.

Все происходило, как я и представляла, видимо избавившись как-то от оков, Артур схватился со своими провожатыми перед мостом, ведущим к триумфальной арке, которую я только что миновала.

Когда я добралась туда, дела шли не так плохо, как могло показаться изначально. У Артура на шее была рана, окрасившая кровью рубашку, но он словно не помня себя, отражал атаку трех стражников, которые друг другу успешно мешали. Еще трое с клинками наголо пытались к нему подступить.

На что он рассчитывает при таком раскладе?! Сейчас сюда набегут алебардчики из замка и тогда что?

Пользуясь темнотой и неожиданностью, мне удалось вывести из строя сразу двух его врагов. Артур, увидев меня, сначала обрадовался, потом разозлился, но на атаке это не сказалось, он был ранен, слишком измучен и слабел на глазах.

Да и соперники не игрались.

Я ранила еще одного. Оказавшись рядом с мужем, при этом отбивая атаку стражника с рапирой, нервно сунула жемчужину в руку Артура.

— Активируй ее и прыгай на станцию. Главное отойди отсюда, я их отвлеку! Нельзя никого тащить за собой ни при каких условиях! Торопись, осталось полторы минуты.

— Нет, — прорычал он.

Вот же! Никогда не сомневалась в его упрямстве.

Я была как в исступлении, вся жизнь сошлась на одном желании, поскорее отправить Артура отсюда.

На одном дыхании я взмолилась:

— Пойми, если ты сейчас не прыгнешь, переход отключится. Ты останешься здесь навсегда! За меня не переживай, вот-вот за мной придет команда эвакуаторов. Они откроют дополнительную линию для переброски. И я, в любом случае, отправлюсь назад, а ты останешься... Зачем так поступаешь? Решил, что свобода дороже? Осталось меньше полутора минут... скорее!

Миг подумав, Артур к моей великой радости уступил, хромя, он шагнул назад и скрылся в темноте за кустами.

Дальше я за ним не смотрела, стражники почти смяли меня. Хоть бы Артур успел перенестись! А мне продержаться две минуты до прихода помощи...

Стиснув зубы, я усилила атаку, третий страж благородно отступил, решив, что с синьоры двух хватит.

Ладно... Команда спасения рассчитает время и придет в момент окончания эвакуации, возможно, мы с Артуром прибудем на станцию одновременно.

Но вместо команды спасателей внезапно около меня оказался муж, который, как я поняла позже, бросил стражникам под ноги зарядку, тот самый ароматический шарик из помандера и резко увлек меня назад за собой. Произошел взрыв.

Неловко наступая ему на пятки, я дернула Артура за руку.

— Почему ты не ушел? — опешила я, опуская руку со шпагой. — Это...

— Давай быстрее, пока они ослепли и ранены, а то по мосту им на помощь алебардчики бегут... — буркнула он, сжимая жемчужину. И активировал переходник.

Обняв меня, он втолкнул нас в арку.

В самую последнюю секунду мы оказались на станции, в моей комнате, где-то на полу

рядом мирно сопел Кристиан.

Швырнув шпагу на пол, я села, где стояла, закрыв ладонями лицо. Грудь болела, надо было выдохнуть воздух сжавший легкие стальными тисками.

Глубоко вздохнув, выпрямилась, словно впервые за много часов и подвигала плечами. Все болело так, что хотелось скривиться и громко застонать, но пришлось сдержаться. Рядом плюхнулся на пол раненый Артур.

Вроде все позади, но почему-то сил радоваться не было.

Артур

Я подошел к Джил и, мягко опустив руку ей на плечо, с виноватым видом сказал:

— Прости великодушно, дорогая. Я не хотел тебя оскорбить, просто тогда находиться рядом с особняком было для тебя не совсем разумно.

Она желчно рассмеялась:

— Ты о чем? О чае? И тебя это гложет гораздо больше, чем факт, что тебя предали и сдали стражникам? И что после все этого еле ноги унес?

Я никогда не видел жену в таком бешенстве. В ее глазах пылала настоящая ярость.

— Даже не трудись больше когда-либо приказывать мне, Артур граф Инсбрук, после этой выходки с поединком! — фыркнула Джил в гнев. — Больше никогда, слышишь? Никогда! Даже не заикайся о своем здравомыслии!

— Я всего лишь хотел защитить тебя, — мягко, но многообещающе начал я, склоняясь к разгневанной супруге.

Все получилось, как я и ожидал, ее вывело из себя не мое предательство с чаем, а то, что подверг себя опасности.

Ну как на такую можно обижаться?

Про себя я улыбнулся, но внешне остался также всецело расстроен.

Джил отступила, в ее глазах ярость сменилась насмешкой:

— Так-так... И та дуэль на берегу Сарны тоже попытка меня защитить? — прищурившись, с сарказмом отозвалась Джулиана. — А теперь подробно, вспомни все свои попытки защитить меня, начиная от поединка, заканчивая вооруженным столкновением со стражниками около замка. А если бы это были алебардщики, ты подумал об этом?

Я усмехнулся.

— Конечно! Пока это были алебардщики, я вел себя хорошо, просто примерно! Но в Неаполе они передали меня обычной страже и тогда... — я попытался скрыть намек на улыбку, поднимая Джил с пола и прижимая к себе.

Джулиана скорчила гневную гримасу. Ее дыхание обдало тепло мою щеку.

— Смеешься... — смирившись, печально вздохнула она. — Надо обработать твои раны... И этого разбудить... — Джил раздраженно кивнула в сторону Кристиана.

И когда она усела его сюда притащить?

Джил отодвинувшись от меня, и суевливым порывом ветра пронеслась по комнате, что-то набирая в ладони из внезапно выползающих ящичков, которые тут же скрывались, сливаясь со стеной.

Меня это поразило, я как замороженный следил за ее действиями. Больше всего мне понравилось, как совершенно непредназначенные для этого вещи, такие как спинка дивана или просто оклеенная золотистыми шелковыми обоями стена под пальцами Джил вдруг

раскрывались тайниками, из которых сами выдвигались и уползали назад непонятные ящички.

Джулиана что-то озабоченно в них искала:

— Первым делом надо заняться вирусами... Тут, на станции, стерильно, но Земле столько новых вирусов, ты погибнешь, если выйдешь наружу. Надо сделать тебе прививки...

Усевшись в кресло, оббитое золотистой парчой, я послушно кивнул, Джил еще не остыла от битвы, так что лучше сейчас с ней не спорить. Пусть хлопчет, быстрее успокоится.

Пока Джил возилась со своими «прививками», стиснув зубы, хотя раненые рука и шея здорово болели, я все-таки сжалился, поднялся и переложил Кристиана на диван.

Джил, наконец, остановившись рядом, что-то уколола мне в палец, потом, нахмурившись, просмотрела надпись, что выдал ей маленький белый карандаш, и вновь понеслась по комнате:

— Душ там, сейчас его включу и дам новую одежду. Вот только с обувью сложно... Если только из реквизита что прихватить... У нас обувь вся находится на контроле из центра, чтобы фиксировать перемещение в случае чего...

Я опешил.

— Это как? Они всегда знают, где кто? Из-за обуви? — Неприятно подивился. Какие власти на моей памяти не мечтали о подобной возможности контроля над населением?

Джил отмахнулась:

— Нет, не так, слишком много бы возможностей тратилось бы в пустую. Нет. Включают это, если пропал или что случилось. Тогда — да, активируют поиск. Но насчет контроля ты прав, он теперь тотальный.

Рассказывая мне это, в разорванной клинком ткани рубашки она отыскала рану и прислонила к ней еще одну белую коробочку. Последовал укол, и все болеть перестало. Последовала еще пара уколов, эта штука на прощание зажужжала и намертво затихла в ее руке.

Джил деловито кивнула.

— Пока все. Потом надо будет проверить все ли зажило на другом оборудовании... Но это надо профессионалов подключать. А пока иди в душ...

Уставшая и все еще чуть-чуть обиженная Джулиана провела меня к высокой полупрозрачной бочке, скрытой отъезжающей золотистой стеной, показала в ней, что где находится и куда по окончании нажимать, и ушла.

Я омылся в этой емкости, называемой душ, в которой не было воды, но был пар, свет, музыка, шум и ароматы моря. Быстро переодевшись во что-то серое, облежавшее мое тело, словно вторая кожа, нажал на указанную женой панель, и вышел.

Джил все еще в голубом платье из прошлого стояла перед пюпитром, на котором скакали огненные цифры и слова. И то, что она в них видела, ей совсем не нравилось. То и дело супруга сжимала кулаки и в отчаянье качала головой.

Наконец заметив меня, Джил предупредила, тряхнув парой сапог из черной кожи, с вложенными в них странными тонкими носками:

— Они из другой эпохи, но думаю, тебе в них будет удобно. — Я быстро натянул сапоги на ноги.

Она на две минуты зашла в душ и вышла уже с кудрявой прической, в облегающем сером костюме, в которых здесь ходили почти все, я в том числе. На ногах ее были полусапожки

похожие на мои.

Еще раз припомнил наш прошлый разговор, обувь для слежения, надо же!

И поднял взгляд на супругу. Джулиана, растерянно посмотрев мне в глаза, произнесла:

— Прости, понимаю, как тебе здесь сложно, а я веду себя как злобное создание, но сейчас здесь творится, не пойми что. И я тщетно пытаюсь разобраться и принять правильное решение.

— Что будет с ним? — кивнул в сторону спящего на диване Кристиана.

— Через час или около того он сам проснется... — Джил равнодушно пожала плечами, а затем словно что-то осознав, повернулась ко мне. — Кажется, это было вчера, или неделю назад, а не каких-то полчаса ты дрался у Капель Нуово со стражниками...

Я подошел и обнял ее:

— Мы дрались... И давно спаслись, а мне кажется, что ты все еще там...

— «Кажется»? — прищурившись, она гневно повторила мою фразу. — Я до сих пор в себя прийти не могу!

Вдруг пол под ногами дернулся, Джил удержалась, а меня от рывка развернуло и повело... Перед окончательным падением Джил схватила меня за руку, придерживая и устало поясняя:

— Станция включила двигатель, а у тебя подошвы без магнитов...

— Станция? Станция включилась?! Это как? Ты тогда так и не пояснила, что это значит!

Усадив меня кресло, она подошла к стене и что-то нажала, затем вернулась и пристроилась рядом.

Окно... первый момент я подумал, что это окно и за окном будет ночь и фонари... но в нем все ожило, появилась странная, непонятная мне картинка, за которой послышался взволнованный женский голос.

— Итак, войска бунтовщиков кружат вдоль периметра границ Земли. Все космические станции нашей планеты переведены в боевой режим. Неужели это же война?..

Мы одновременно в шоке переглянулись. Джил с сарказмом сказала:

— А это были последние новости планеты Землю... Дело принимает все более неприятный оборот, причем с пугающей скоростью. — Напряжение сползло с ее лица, уступив место страшному изнеможению.

— И что надо делать в таком случае? — сухо спросил я, давая себе отчет, что сейчас не в состоянии оценить масштаб услышанного.

Джил устало пожала плечами:

— В идеале — убраться отсюда поскорее. Гражданские на военной станции только досадная помеха, а что у нас получится в реальности, кто сможет предсказать?

Третья часть. Звездная война

«—Что за странная у вас шпага...

— Это арматура, сэр!»

Анекдот

Глава семнадцатая

— Почему надо ценить дружбу?

— Потому что это остатки рая, — ответил он. — Потому что это возвышает нас и отгоняет страх. Потому что человек, у которого есть друг, чувствует себя богатым, словно он король всей земли.

Джил

Артура пришло попросить укрыться в спальне. Уставший и израненный после всех уколов, вяло улыбаясь, он почти не сопротивлялся.

— Я настрою твой мозг на восприятие современного языка, когда ты встанешь, будешь говорить на нашем.

— Без акцента?

Нажимая кнопки на сенсо, улыбнувшись, я кивнула.

— А можно еще какой-нибудь язык? А то я, как глупец, года потратил на их изучение, а тут...

Не сдержавшись, я улыбнулась и погладила его по голове. Такой измученный, а все хорохорится...

— Можно, если насмешничать не будешь. Чем сильнее расслабишься, тем легче и быстрее выучишь... Так что постарайся уснуть.

Он удивленно поднял брови:

— А ты? Ты спать не собираешься? Кстати, ты не рассказала, как в Неаполе все прошло с браслетом. И Кристианом. Наверно ты ничего не успела?

— Что-то успела, потом расскажу. Спи. — Устроив его в кресле, я подключила к нему аппарат быстрого обучения и, поцеловав, укрыла одеялом.

Когда я выходила из спальни, грохот ракетных двигателей вновь сотряс станцию. Надо торопиться.

Наглотавшись восстановителя сил, я поспешно подскочила к дивану, на котором спал Кристиан и вколола ему антидот к снотворному.

Не давая очнуться до конца, хищно схватила за горло пальцами, демонстрируя, что вот-вот вырву кадык.

— Слушай меня внимательно, Кристиан! Вот-вот начнется война, и наша станция уже вступила в линию обороны. Я вытащила тебя до эвакуации, цени это! А пока поднимайся и дуй к себе на второй уровень. — Пока Кристиан, распахнув глаза, ошеломленно молчал, слушая меня и пытаюсь понять, о чем идет речь, я подняла с пола саквояж с его вещами и швырнула ему в руки.

— Здесь все украденные тобой вещи... А тут, — я жестом указала на свой сенсо, — все мои записи о них. И о тебе. Если от тебя выйдет хоть слово, и кто-то узнает о моем муже... поверь, мне терять нечего. Я тут же уничтожу тебя!

Кристиан видя чистую ненависть в моих глазах, совсем не героически сглотнул. Видимо ото сна еще не очнулся. Используя его страх, усилила натиск:

— И плевать, если даже это будет чистая случайность, в любом случае, первым пострадаешь ты! Кроме всего, я найду тебя где угодно и физически отделаю так, что все заработанное тобой на контрабанде, не окупит стоимости лечения!

Он угрюмо кивнул.

— И не надейся обыграть меня. Тебе есть что терять, семья, позор и прочее... А у меня

никого кроме мужа нет и я пойду до конца. В общем, ты понял... Живи тихо.

— Я понял... — сдерживая гнев, пробурчал Кристиан, глазами высматривая возможность сбежать.

Я отодвинулась.

— Отлично. Тогда иди отсюда. И... Спасибо за сотрудничество, — с насмешкой закончила я, открывая двери.

— На здоровье... — раздраженно отозвался он и вышел в коридор, прижав саквояж к груди, как самое дорогое.

Чуть ли не столкнувшись с ним на пороге, ко мне в квартиру ввалилась запыхавшаяся Майка. Она заправляла за ухо короткие темные прядки так нервно, словно от этого зависела ее жизнь, при этом еще и меня ругала:

— Так и знала, что ты тут сидишь как клуша, рабочие документы перебираешь. Драпать надо! Собирайся скорее! Знаешь, что наши безопасники говорят? Оказывается Земной флот в ожидании нападения, остановился на границах солнечной системы, на торных путях, в двух днях подпространственного перелета, а бунтовщики землян обманули, перепрыгнули максимально близко к Солнцу, видимо наши станции в расчет не приняли. Или совсем их не боятся... В общем, за нами беззащитная Земля, а мы в эпицентре событий...

Я кивнула:

— Возможно из-за станций и прыгнули. Раз стоят станции, значит метеороидных потоков почти нет... Хотя, возможно, это очередные домыслы, кто знает, что там на самом деле... — Я приказом Ии закрыла дверь, и устало поинтересовалась у Майи:

— А Наташа где?

— Она оставшихся в прошлом сейчас эвакуирует, ей не до нас, — недовольно фыркнула изящная подруга, плюхнувшись на мой диван как мешок с песком.

Я вздохнула:

— Нам без нее нельзя. А Роман из техотдела? Он где?

Майка в удивлении отозвалась:

— Понятия не имею кто это... Там сейчас полная неразбериха. Но, скорее всего...

Она договорить не успела. На контрольной панели сенсо яркими огнями загорелись красные индикаторы, и квартиру наполнил отчаянный вой сирен.

— Всем гражданским работникам станции покинуть помещения института, эвакуация происходит на третьем уровне! Эвакуация гражданских лиц на третьем уровне!

— Проклятие! Ничего не успели, началось... — в отчаянии хлопнув кулаком по подлокотнику, гневно взвизгнула Майка.

Раздался топот ног, обычно пустые в ночное время коридоры мгновенно заполнились — из кабинетов и квартир выбегали историки и торопливо бежали к выходу, а красные лампочки продолжали мигать, надрывно визжала сирена.

Я подскочила, не зная, за что хвататься. Будить Артура? Нельзя, можно навредить, обучение только началось. Надо собрать необходимые вещи и узнать, что случилось на самом деле, почему объявили экстренную эвакуацию со станции?

Самое страшное для меня, что когда я жила в 18 веке зная, что в любой момент могу убежать к себе, то куда мне бежать отсюда?!

Сдерживая дрожь в руках и нахлынувшую панику, я подошла к сенсо и включила новости.

— Ну что нам с ними делить? — ныла Майка, не отрывая заполненных слезами глаз от

монитора. Там как раз показывали, как выныривают из подпространства военные корабли Юности. Шесть звездных крейсеров доверху набитых боевыми звездолетами рассредоточились полосой, надвигаясь на нас.

Майка продолжала взывать к оглохшему разуму:

— Колонии обычные, ну куда эти олухи без Земли денутся?! У них ведь на планетах нет ничего особенного. И население до смешного маленькое.

Для преодоления расстояния от Солнечной системы до системы Юность военным требуется девять суток, если не выходить из подпространства. Грузопассажирский транспорт идет почти две недели.

Я повернулась к ней и спросила, зная, что Майка всегда в курсе последней событий в политике:

— На Земле не могли ни знать, что они вот-вот появятся, так чего же начали эвакуацию только сейчас?

Она в раздражении отмахнулась:

— Для них все живущие на станциях — обслуживающий персонал, плевать они на нас хотели... Да и, скорее всего, мой знакомый был прав, здесь их просто не ждали... стратеги, покусай их баран за пятки... — гневно буркнула хмурая Майка, грустно прижав к груди мягкую подушку от моего дивана.

Я нашла повод улыбнуться и, подмигнув подруге, предложила:

— А может тогда ну их, землян этих, присоединимся к повстанцам?

— Ага, вон уже ультразвуковые* пушки на нас навели, приглашая присоединиться, — в тон мне, с сарказмом отозвалась подруга.

*Мы не слышим волны низкой частоты, но подчиняемся им. Последние исследования ученых подтверждают: инфразвук вызывает у людей панику, ужас, может свести с ума и даже вызвать остановку сердца.

— У меня нет фильтров для ультразвука... — устало опуская руки, зачем-то пробормотала я.

— Не смейся, какие фильтры против пушек! — раздраженно отозвалась Майка. — Это тебе электронная дудочка что ли?!

В любом случае, придется ждать пробуждение Артура. Я присела рядом с Майей, сложив руки на груди. Но поведение подруги меня на самом деле удивляло.

— Ладно, надо сначала у Ромы спросить, есть ли вообще защита от этого... — спокойно ответила я, прощая подруге раздражение, порожденное страхом. — Но мне интересно, чего ты сама так спокойно сидишь? Чего не торопишься спастись с остальными? Там наверно на всех историков мест не хватит...

Майка отпрянула от вопроса, будто я сунула ей под нос горящий факел. И удивленно отозвалась:

— Я что, так на идиотку похожа? Зачем мне в панике толкаться со всеми, пытаюсь втиснуться в отходящее судно? Когда паника сляжет, мы с тобой соберем вещи, заберем Наташку и спокойно спустимся на второй уровень, к военным, где я опять оставила свой катер. — Она картинно развела губы, изображая улыбку.

Я улыбнулась ей в ответ, и с надеждой в голосе спросила:

— Тогда отлично! Надеюсь, захватим не только Наташу?

— Да как хочешь... — великодушно отмахнулась подруга. — В мой катер легко влезут семнадцать человек. Заберем всех, кто не успеет на большие суда...

— А кто здесь останется?

Майка равнодушно пожала плечами:

— Только безопасность... И то далеко не вся. Может пару отрядов военных. Скорее, и того меньше... — Майя презрительно скривила губы. — Скорее всего, вся верхушка давно на Земле.

— Даже не сомневалась...

Сирена внезапно умолкла. Я с ручного сенсо перевела подключение на внешние камеры, открывающие панораму происходящего вокруг станций.

О, что там творилось...

Словно испуганной рой пчел, то и дело из выпускных шахт станций, — рядом стояли еще три похожие, готовые первыми принять удар на себя, — вылетали серебристые полупрозрачные или полностью темные личные меркабли сотрудников станций.

За ними, каждые три-пять минут, медленно выплывали огромные транспортные корабли для переправки пассажиров на Землю.

Два таких крупных пассажирских катера с ближайших станций, не справившись с управлением, при вылете врезались друг в друга. На миг на экране появился крошечный взрыв из вырвавшегося из катеров кислорода, но его тут же пожрало вакуумом космоса. Словно мятые упаковки из-под быстрого питания, разбитые катера разлетелись в разные стороны, пугая мелкие космические суда, торопящиеся покинуть опасное пространство.

Мы с Майкой в шоке выдохнули. Затем переглянулись.

— У пассажиров есть хоть минимальные шансы выжить? — испуганно обратилась к подруге я.

— В обычное время — да, а сейчас никаких... — мрачно следя за происходящим на экране, пробурчала Майка. — Вся специальная техника для спасения при авариях занята переправкой персонала на Землю. На таком катере как мой, где нет специальных устройств, им не поможешь, только быстрее добьешь... — с горечью вздохнула она.

— Какой ужас... То есть, даже те, кто рядом им не смогут помочь?! — в шоке прошептала я, наблюдая как непонятной траектории улетают помятые катера. Видеть подобное и быть не в состоянии помочь, это было так ужасно!

— Погоди их жалеть, еще неизвестно, как выберемся отсюда мы... — поморщившись, словно от горького, пробормотала Майка.

Я в шоке к ней обернулась:

— Ты в это не уверена? Ты только что так браво рассуждала о наших планах спасения со станции...

— Рассуждала. На данный момент — я уверена, но кто может предсказать, как все повернется дальше? — раздраженно добавила она, поднимаясь с дивана.

Кажется, трагедия, только что разыгравшаяся в космосе, вывела ее из колеи сильнее, чем Майя хотела признаваться. Покидая мои покои, она утомленно предупредила:

— Я пошла за вещами, ты вызванивай Наташку и кого еще там хотела, через полчаса отправляемся... но не позже!

— Хорошо... — я устало кивнула, и приказал Ии закрыть за ней двери.

Мне надо было взять все необходимое, дозвониться до подруги, потом разбудить Артура.

Но так получилось, что очень скоро он вышел из спальни сам.

Артур

Я открыл глаза, и внимательно огляделся, как любой только что проснувшийся в новом месте человек. Хотел подняться, на голове что-то щелкнуло и давление пропало. Вспомнил — это было то самое, странное серебристое кольцо, которое прикрепила мне на голову Джулиана.

В первый миг я подумал, что это просто сон... если бы не железка на моей голове, что сразу превращало недавно пережитое невероятное приключение в неоспоримую реальность.

Про себя удивляясь, вдруг осознал, что знаю, что здесь и как называется. В голове то и дело всплывали незнакомые и никогда доселе не слышанные мною термины и понятия.

Скинув одеяло, я поднялся из парчового кресла. Наверно они в будущем богато живут, если позволяют себе такую роскошь.

И вышел.

На диване никого уже не было, только лежали два набитых рюкзака, видимо, Джил отправила Кристиана отсюда и даже собрала вещи.

Она сама, переодетая теперь в серо-зеленый до неприличия облегающий костюм, что-то нервно говорила перед... в голове внезапно появилась мысль: «этот пюпитр называется СЕНСО»... перед стационарным сенсо.

Джулиана о чем-то очень беспокоилась, встряхнув головой, она взволнованно спросила:

— Наташа, ты готова? Молодец, тогда иди скорее. Собираемся у меня. Ты о Роме ничего не слышала? Не могу дозвониться, может, ты по главной связи его вызовешь? не можешь? военные заблокировали? не военные, безопасники? А этим-то чего нужно?..

Она кивнула, словно услышав ответ, за тем закончила беседу:

— Ладно, буду звонить ему сама, ты быстрее иди ко мне... Да-да, с тем кто с тобой остался...

Закончив беседу, она с удивлением повернулась ко мне:

— Так быстро? Ты уже проснулся?

Тут открылась дверь и в квартиру вошли двое в таких же серо-зеленых костюмах, видимо это их мундиры...

Я поклонился входящим, отодвинул подготовленные рюкзаки и сел на диван.

Светловолосая девушка, которую я, кажется, видел на балу в Портсмуте, в ответ на мой поклон приветливо махнула рукой и тут же обратилась к Джулиане, явно продолжая только что прерванный разговор.

— Ну вот мы здесь, на пункте отправке только я и Джеффри остались... Ух, и намоталась я сегодня по прошлому, помнишь, я все жаловалась, что так нигде и не была? Как говорится, бойся своих желаний! Сегодня все смотали со станции, а у меня еще три застрявших историка на задании не ответивших на эвакуационный сигнал... Пока их вытянула, пояснила что к чему и выгнала спасаться, все суда отчалили, так что твое предложение насчет Майкиного катера поспело как нельзя кстати.

Закончив рассказ, энергичная голубоглазая подруга жены села в кресло и, вызываяще не по-женски положив ногу на ногу, с благодушной улыбкой оглядела комнату Джулианы.

Я в это время незаметно рассматривал ее спутника, дабы составить себе мнение о каждом.

Джефри, был сухопарым мужчиной, которому на вид можно было дать около тридцати. Темно-русые волосы, зачесанные чуть назад, открывали продолговатое лицо британского типа, которое было чисто выбрито, а пристальный взгляд голубых глаз демонстрировал достоинство и самоконтроль.

Интересно, кто он?

Закончив осмотр незнакомца, я повернулся к Джил, девушки в это время мило беседовали.

— ...Майку благодари. Наташ, я сама такая же, никуда не успела, ни к чему не подготовилась... — устало отозвалась жена, что-то вынимая из очередного ящика и раскладывая по карманам.

Итак, подругу зовут Наташа. Эта девушка как раз покачала головой и раздражено добавила:

— Представь... Наш Джо умотал первым, ну ты представь, там люди в прошлом; не все историки успели эвакуироваться, а он... Вернемся на Землю, я ему устрою! Руководитель, ага...

Голос светловолосой девушки был полон досады и невысказанной обиды. Не о том самом ли Джо шла речь, который поспорил с Кристианом на мою жену?

Запоминая все мелочи, я продолжал прислушиваться к их беседе.

— Ох, чует мое сердце, что нам тоже еще достанется... — пробормотала Джулиана, включая экран на стене, сделанный в виде окна. — Теперь еще и Майка, которая всех торопила, куда-то пропала...

Тут в квартиру жены буквально ввалилась худущая девица вульгарного вида с темными глазами и короткими темными волосами, какие обыкновенно бывают у больных, недавно перенесших тиф.

— Наконец, — буркнула Джил, поднимаясь с корточек, она что-то доставала с нижних полок, — мы уже заждались. Я теперь тебя вызвонить не могла. Идем?

Девица равнодушно от упреков отмахнулась:

— Я Славку ждала, собирается медленнее черепахи. — За коротковолосой в квартиру вошел еще один совсем молодой светловолосый парень, скорее юноша, в светло-сером комбинезоне, высокий и тощий как жердь.

Услышав последние слова своей спутницы, он раздраженно отозвался:

— Ты не понимаешь, мне надо было артефакты по годам уложить. Не дай Бог стинут, это же невосполнимая потеря для человечества. — Я мысленно кивнул. Ага, еще один историк, больно знакомые интонации. И перевел насмешливый взгляд на Джулиану, она подмигнула мне в ответ, укладывая последние мелочи в рюкзаки на диване.

— Нашел время артефактами заниматься... — раздраженно отозвалась Наташа.

Я кивнул ему, приветствуя. Парень поднял руку в ответ и, повернувшись к светловолосой подруге моей жены, раздраженно добавил.

— Тебе, Наталия, как начальнику исторического отдела, стыдно не понимать ценности подобных документов! — он потряс перед ней квадратной кожаной сумкой.

— Бред, я отвечаю только за временные переходы, о ценности своих апокрифов ты с Джулианой поговори, это ее епархия, — язвительно отозвалась голубоглазая Наташа. — А мне сегодня за тебя, и тебе подобных оболтусов, от души досталось!

— Некогда обсуждать артефакты, надо идти к катеру... — раздраженно отозвалась Джил, заправляя свое странное оружие в рукав.

Я вспомнил, что так и не расспросил ее о нем. Но поднялся и забрал оба рюкзака к себе на плечи. Все поднялись, готовые выйти. Джил закончив с оружием, добавила:

— Идем... а Роман так и не отозвался.

— Может он умчался уже отсюда... — предположившая это коротковолосая девушка, взяла рюкзак похожий на наши, натянув лямки на оба плеча, затянула их и закрепила на груди.

Категорически несогласная с таким предположением, покачав головой, отозвалась Джулиана:

— Он на станции, мое сенсо пишет, что сигнал еще...

Но договорить она не успела, нас здорово дернуло.

Стоявшего рядом тощего историка, как назвала его Наташа, Славика, и сапоги на магнитах не спасли, от резкого рывка все полетели, кто на пол, кто на диван. Джулиана упала на меня, один молчаливый Джеффри, не торопившийся встать из кресла, остался сидеть на месте, всего лишь опрокинувшись на его спинку.

На контрольной панели ярким огнем загорелись красные индикаторы, и каюту наполнил отчаянный вой сирен, указывая на частичную разгерметизацию корпуса. Тут же мерзко запиликал аварийный сигнал, с надписью о перегреве и декомпрессии. Погас свет и, как завершение трагедии, над головой, словно гром, раздался нечеловеческий голос:

— Станция подверглась обстрелу! Станция подверглась обстрелу! Всем занять места согласно боевому расписанию! Всем занять места согласно боевому расписанию!

Из освещения у нас остались только бегающие по сенсо ярко красные огоньки.

— Джи, нас тут заблокировало, Ии отключился, двери не открыть!.. — нервно на одном выдохе произнесла Наташа. — Что делать... у меня нет кода доступа к жилым помещениям.

— Сейчас они не помогут, раз отключился Ии... — спокойно, скорее озадаченно, отозвалась коротковолосая девица. — Как мы выйдем отсюда?

— Это вообще не проблема, — я вспомнил о том, что говорил Рома. — Выйдем на технический этаж, а там по лестнице спустимся на второй уровень.

Джил, тяжело вздохнув, в темноте уже ныряла куда-то вниз к дивану, кажется, в свой очередной ящик за инструментами. Поднимаясь с коробкой в руках, она произнесла:

— Выйти-то, мы выйдем, вот только вопрос, а он остался, этот второй уровень? В каком станция состоянии после обстрела? — приблизившись к стенным панелям, Джил принялась что-то там откручивать. Я подошел ближе, слабо понимая, что вообще могу сделать.

Остальные историки насторожено наблюдали за ее действиями, но помогать не спешили.

— Остался, конечно, второй уровень... И станция относительно цела, иначе бы заиграл сигнал о полной разгерметизации... — не сводя с Джил растерянного взгляда, отозвалась Наташа. — Впервые слышу о технических этажах, значит, паниковать на самом деле нечего... Здесь все продумано для эвакуации.

Джил умело сняла панель, видимо много тренировалась, и поспешно вывела всю компанию в полную темноту на железные решетки четвертого уровня.

Они все что-то включили на своих ручных сенсо, темноту пронзило множество тонких длинных лучей, к сожалению, дающих очень мало света.

— Лучше оставить парочку, остальные отключить... Толку с них... — проворчал Джеффри, отключая свою подсветку. Совершенно с ним согласный, я проследовал за силуэтом жены сначала по лестнице, затем по темному коридору.

Здесь было не только темно, но и душно.

Жара становилась все ощутимей, воздух все неподвижней, пот тек по глазам, и щипал, попадая в незажившую на шее рану. Спина тоже намокла, но из-за костюма, пот там почти не ощущался.

Джил со своим лучиком уверенно шла вперед, видимо хорошо изучив эти переходы.

— Проклятие, полностью вырубилась система охлаждения на третьем этаже... — Где-то рядом пробормотала странная подружка жены с короткой стрижкой.

— Скорее всего, ее отключили на всей станции, — устало пробормотала Джил, на ощупь в темноте хватая меня за локоть, чтобы поддержать. Все опасается, что потерял много крови и не успел прийти в себя. Я улыбнулся и сжал ее пальцы. Удивительно, насколько интимным может быть касание, если ты любишь...

— Сейчас спустимся на второй уровень, там и проверим, на всей или нет, — пробурчал кто-то позади нас.

— Страшно как... — шепотом пожаловалась светловолосая Наташа, которая натянуто пошутила:

— Второй — уровень безопасников, если здесь поймают, потом не оправдаешься, что не шпион повстанцев...

— Да какие они повстанцы, скажешь тоже... — где-то впереди в темноте раздраженно буркнула коротковолосая. — Придурки они, а не повстанцы. Вся идея бунта заключается в том, что они считают, что Земля им слишком мало платит за ископаемые ресурсы. Они искренне уверены, что таким образом смогут повлиять на продажи... Три раза «ха-ха»!! У них просто перестанут покупать и все, откроют новые месторождения и тогда посмотрим, что запоют эти олухи, когда детей кормить нечем будет...

— Насчет детей совсем не смешно, — устало отозвалась Джил. Она подобралась ко мне вплотную и обняла за талию, поддерживая. Я обнял ее, слушая беседу людей будущего.

— А об этом они должны были думать раньше, знаешь, что они до войны говорили? «Мы только на одной насыщенной воде сможем построить золотые туннели между планетами, а Земля нас обдирает...»

— Серьезно? На насыщенной воде? Да ее на Земле полно, вот же глупцы...

— Ага...

— Действительно смешно... — сухим тоном отозвалась моя супруга.

— Там много бреда высказано было — отмахнулась светловолосая. — Ты просто на задании была, все упустила, тут такие дебаты проходили... Всем отделом от сенсо не отлипали.

Мы вышли на какую-то платформу, вдоль которой при нашем появлении засветились огни. Но их свет не смог разогнать темноту уходящих вверх лестниц.

— Второй уровень...

Джил в очередной раз нажала на сенсо, в виде браслета.

— Рома, ты где?

— Эй, равнодушная, — насмешливо окликнула ее вульгарная девица, идущая впереди. — Тут бы самим выбраться ты все еще за кого-то волнуешься... Как нам выйти отсюда, ты знаешь?

Джил сдержав гнев, повернулась и спокойно ответила:

— Май, он не кто-то, он друг. Он выручал меня не раз, я чувствую себя предателем, бросая его на станции в такой момент. Выход за вон той раздвижной панелью...

— И как ты только успела столько друзей завести? — Майка многозначительно посмотрела в мою сторону. — Все время в прошлом вроде была...

Мы почти подошли к светлому прямоугольнику раздвижной панели. Джил покачала головой и прохладно улыбнулась:

— Они сами завелись. Роман прикрывал мою переброску в Лондонском задании.

Вдали раздались орудийные выстрелы, отдававшиеся внутри гулким шумом. Вновь загрохотала сирена. Что-то заскрежетало над головой...

Как я понял, теперь обстрел из пушек вела станция. А мы всего лишь букашки внутри нее...

В горле похолодело, сердце стало громко биться в груди. Я сжал руку Джил, нервничая от того, что ничего не понимаю в оружии будущего, и, как следствие, ничего не могу рассчитать или предсказать.

— Надо разведать обстановку, может сейчас нельзя вылетать на катере... — запаниковала Наталья, нервно вглядываясь в наши лица.

Коротковолосая принялась трогать отключенные кнопки.

Вдруг рядом раздался громкий голос:

— Джил... Джил... Ты меня слышишь? У этих идиотов какая-то глушилка. Связь на станции пропала, оборвалась где-то... Ты еще здесь?

— Рома? — моя жена радостно поднесла браслет к уху, хотя голос из браслета разлетелся по всей платформе. Затем одумалась и стала в него говорить. — Ром... Мы на платформе второго этажа. Ее заблокировали, Майка пытается вскрыть... но шансов мало.

— Там несколько выходов, но вскрыть изнутри у вас не получится, законсервировано с центрального пункта, значит открыть можно только оттуда.

— Ты до него сможешь добраться? — с надеждой произнесла она.

— Попробую... — проворчал Роман.

— Мы будем ждать тебя и тех, кто с тобой, в катере Майки. Он стоит у шлюза на втором уровне, в секторе безопасности. Поторопись...

— А ты уверена, что его не угнали перепуганные штатские? — весело в сенсо отозвался Рома. Джил тяжело вздохнула:

— Ни в чем я не уверена. Это только наши предположения.

Ее подруга, возившаяся с какой-то крошечной панелью сбоку от выхода, отозвалась:

— Да на месте он... мне непрерывно идет сигнал от катера.

Джил тут же перевела услышанное Роману:

— Майка говорит, если бы он пропал, ей бы пришло сообщение, пока катер на месте.

— Все понял. Пошел вскрывать блокировку второго уровня...

— Мы ждем тебя.

Больше никто ничего не сказал, и тогда на платформу опустилась тишина.

Меня выводила из себя ситуация, и я ничем не мог помочь. Джулиана подошла ко мне и сжала руку.

— Не волнуйся ты так, мы сейчас здесь все бесполезные. Даже Майка, которая что-то понимает в технике, ищет выход методом «научного тыка». Ждем помощи от Ромы...

Джил успокаивая меня, сама тоже сходила с ума от волнения, отчетливо чувствовал это, и сердце сжалось. Я старался успокоить ее, зная, что она винит себя, что выдернула меня сюда. Сейчас главное, если что-то с нами все же случится, не дать ей опуститься в пропасть черного отчаяния.

Тут жаркой темноте раздался голос Романа:

— Есть шанс добраться до панели управления и попытаться сбежать на катере безопасности. Уверен, у них припрятана парочка для себя. Но это рискованно, и нас могут убить на вылете. Все катера безопасности промаркированы знаками безопасности Земли...

Джил закатила глаза, словно пытаясь сказать: «Рискованнее, чем оставаться здесь?!»

— Роман, не тяни! Нам нужен гражданский катер Майки, там все управление заточено под нее! — гневно одернула его Наташа. — Давай скорее, сними блок с панели! И сама тащись сюда.

Да, дамы здесь с джентльменами не церемонятся. На Романа ее гнев не произвел впечатления:

— Я рядом, на втором уровне... — пробормотал он и отключился. Через две минуты, показавшиеся вечностью, панель отъехала в сторону.

Мы вырвались с огромной отсек с высоченными потолками, наверное, выше башни с часами Вестминстерского дворца. Большая часть этого огромного пространства была пустой, но где-то с краю находился катер, который мне чем-то напомнил шлем средневекового рыцаря Грейт Бацинет* откинутый на горизонтальную плоскость.

*Грейт Бацинет — шлем, который опирался на шею и плечи, а не на голову.

Вдруг прямо над нами в далекой высоте потолка раздался голос, который, словно струи водопада, падал на нас с небес:

— Итак... последние новости с орбиты земли, мелкие корабли противника, скрытые отражающими щитами, приступили к бомбардировке Земли. Всем кто еще здесь остался... вам надо убираться поскорее!

— Мы не можем. Ждем Романа, — голосу бойко ответила Джулиана, видимо понимая, что тот, кто нам это говорит, может ее расслышать.

— Джил... Это не целесообразно... — Задергалась от гнева коротковолосая Майка.

Все дружно закивали, словно пастор окончил молитву и все должны дружно сказать «аминь».

Джил с горечью покачала головой:

— Ну, да, только целесообразность, — бог нашего времени. Нет, так нельзя. Мы изначально рискуем. И шансов у нас минимум. Рома снял для нас блокировку, мыждемся его и тогда вылетим.

— Ты хочешь наши шансы на спасение еще уменьшить? — Взъерилась Майка, нервно нажимая на светящиеся в воздухе кнопки появившиеся над ручным сенсо. Я уже видел подобное, когда использовал кольцо Ромы для поиска Джил. Кажется, это называется «снять блокировку и открыть вход».

Джил холодно отозвалась:

— Нет. Я хочу до конца остаться человеком. И спасти Рому. Я бы и Кларка позвала, но судя по всему, это он сейчас управляет всей станцией.

— Тогда почему твой Кларк не вскрыл блокировку сразу? Почему мы ждали Рому? — с раздражением вспыхнул юный Славик. Все это время он нервно озирался, пока Майка открывала люк катера в месте, которое в это гигантской конструкции можно обозначить как забрало.

Люк открылся, к нам из темного овального отверстия сама спустилась лестница. Трап,

само собой появилось в голове.

Майка что-то проверила на своем сенсо, и, кивнув нам, первая начала подниматься по трапу.

— Станцию обстреляли, возможно, именно этот сектор вышел из-под управления капитана Кларка... — отозвалась Наташа, которая перед тем как войти, стянула с плеча рюкзак. — Но от этого мне еще страшнее, и еще быстрее хочется вырваться отсюда!

Кажется, они вот-вот взбунтуются против замысла моей жены, которая категорически не собирается бросать Рому.

Я подумал и, чтобы поддержать Джил, оставшуюся в одиночестве, спокойно произнес:

— Роман — отличный техник, и неизвестно, что случится дальше, в полете. Возможно, его навыки окажутся неоценимы...

Джил дернулась, поспешно выпрямилась и тут же подхватила мою мысль, тем самым остужая накаляющиеся страсти:

— Точно! Никто из нас не в состоянии починить катер. Мы все историки, Джеффри биолог... А так как Землю уже атакуют, есть вероятность, что мы пробудем в космосе очень долго. И что вы будете делать, если большая часть нас ничего в технике не смыслит?

— Ну, это на самом деле разумно. Давайте его подождем... — примирительно отозвался биолог Джеффри, перед тем как нырнуть в люк катера.

Остальные поднимались в катер молча.

Джил, шагавшая позади всех, поджала губы и опустила голову, чтобы не выдать гнев. Один я понял, что столь практичный вариант спасения друга показался ей унижительным?

Едва мы поднялись, следом по трапу влетел запыхавшийся Роман.

— Привет всем! Ну как, капитан, твоя скорлупка, потянет нас?

Майка равнодушно махнула рукой в ответ, а Джил обрадовалась:

— Рома? Наконец! Теперь вылетаем.

И радостно мне подмигнула.

Вежливо кивнул Роману, отодвинул находившуюся позади дверь, ступил за ней в отсек со скафандрами, расположенный между кабиной управления и основным воздушным шлюзом: теперь я знал почти все названия, только не всегда понимал, для чего все эти вещи нужны и как их использовать.

Джеффри, Наташа и Славик, небрежно закинув рюкзаки на спину, молча прошли по коридору в сторону с надписью «Пассажирский сектор».

Роман застрял на входе.

— Что у нас тут... — оглядывая план судна, висевший на стене, задумчиво проговорил он, почесав затылок. — Стандартный катер, выстроен по подобию большого корабля на той же конструкции. Значит, и прыгать может... Но маломощный, значит недалеко...

— Ром, разберешься с ним? — осторожно спросила Джил, остановившись рядом с другом. — Я знаю, ты спец не по катерам.

— А куда я денусь? Что смогу... — раздраженно отозвался Роман, пристально вглядываясь в цветную панель возле люка.

Ничего не ответив, даже не кивнув Роме, Майка быстро исчезла в трюме, где задавая вопросы искусственному интеллекту, принялась проверять соединения и контакты. Но Джил только улыбнулась и направилась в трюм следом за Майкой. Чувствуя себя немного потерянным, я вошел туда вслед за девушками.

Иногда из-за шума хозяйке катера приходилось выкрикивать приказы:

— Закрой и запечатай люк.

Искусственный интеллект не включился. Рома, стоявший рядом, запер люк вручную, и, оставив Майку и нас в трюме, куда-то ушел.

Затем коротковолосая девица направились в кабину управления. Джил улыбнулась, махнула мне и направилась следом за Майкой. Чувствуя себя немного потерянным, осматриваясь в необычном месте, я послушно проследовал за ними.

— Джи, срочно садись в кресло второго пилота! — резко крикнула Майка. — И срочно подсоединяй меня к управлению напрямую! Перчатки не работают...

— Шутишь? — спросил Джил, в шоке чуть склонив голову набок. — Я в этом почти ничего не смыслю... что только то, что в школе проходили.

— Садись, не тяни! — рявкнула Майка, торопливо на что-то нажимая. — Тут такое твориться, мне нужны вторые руки. Наташка в нужные моменты дико паникует, так что никого кроме тебя у нас нет.

Нажав на какой-то рычаг, видимо передающий ее голос на расстоянии, коротковолосый командир принялась отдавать приказы.

— Держитесь! — велела Майка перепуганным историкам по внутренней связи. — Говорит ваш капитан. Приготовьтесь к маневрам при большом ускорении. Швырять нас будет жутко, неизвестно что стало с ускорителями. Так что всем закрепиться на местах!

Я сел в ближайшее к входу кресло, которое крутилось по моему желанию в разные стороны. Подголовник видоизменился и тут же прилик к затылку, а откуда-то из-под сиденья вылез широкий пластиковый ремень и заковал меня в кресле, укрыв почти целиком. То же самое произошло с остальными. Только Джил куда-то нажала и, спеленавшая ее, широкая прозрачная лента уползла назад, оставив только удобный подголовник.

Командир все отдавала приказы:

— Ром... Подготовь шахту... Открывай принимающие шлюзы!

Но ничего не случилось. Все было глухо. Не сработало. Опять поломка.

Майка и Джил растерянно переглянулись, знаками показывая на что-то друг другу. Наконец Майка решила. Она нажала кнопку связи и громко сказала:

— Капитан, здесь все заблокировано, откройте шлюзы с командного пункта, мы готовы к отлету...

Через две минуты за катером что-то загрохотало. Открывая выход, шлюзовые створки шахты поползли в разные стороны, открывая перед нами звездное пространство. Я припал к монитору, жадно рассматривая непривычно яркие и крупные звезды.

Быстро вручную закрыв дверь командного отсека, Джил вновь забралась в кресло второго пилота и подсоединилась к кораблю, передав Кларку контроль над ситуацией.

Из всей этой компании я доверял только Роману, так как видел в нем одного знающего человека, но он так и не появился в рубке.

Джил зачем-то вновь сползла с кресла и подошла ко мне. Показала, как освободиться и встать. Затем провела и за руку посадила в пустующее кресло, перед самым ближайшим к ней экраном.

— Артур, садись лучше сюда... Вот эти треугольные значки — станции. Смотри, на экране горят крупные точки, это корабли противника. Если наша система защиты зафиксирует полет ракеты или ударят их пушки, вот здесь начнут мигать огоньки и запищит маячок. Когда до нас останется не больше сантиметра, — она показала необходимый размер на пальцах, — ты нажмешь вот эту кнопку. Это автономная защита от метеороидов.

Конечно, от ракет она не спасает, но минимизирует наши потери. Все понятно?

Я кивнул и улыбнулся, благодарный за то, что и мне нашлась работа.

— Только просто так не нажимай, не то танотонный щит сожрет всю энергию в накопителях, и мы повиснем между небом и землей, как тот жаворонок, ожидая пока выработается новая партия...

— Я понял.

Она улыбнулась и отошла к своему креслу.

Майка, встречая ее, энергично отозвалась:

— Классно придумано...

— Да ладно тебе, не начинай... — поморщила от похвалы Джулиана.

— А что, я серьезно, — обиделась подруга. — Я бы не догадалась использовать ее так...

Даже в голову не пришло!

— Куда мы направляемся? — Джил по обыкновению перевела разговор в другое русло.

Вдруг, перебиваемое какими-то непонятными шумами, откуда-то из динамиков донеслось:

— Земляне, вернитесь на свою станцию или я буду стрелять!

Майка равнодушно нажала клавишу «отмена» и звук в динамиках тут же пропал. Двигатели включились, воздух с шумом потек в кабину. Завизжала сирена. На панели перед девушками замигали красные огоньки.

Джил заглушила тревожные sireны и крикнула подруге:

— Что теперь?

Всегда энергичная Майка вяло пожала плечами:

— Ничего, ждем Рому. Когда станцию обстреляли, на катере тоже зацепило связи. Он как раз заканчивает их чинить...

Наконец катер на всей скорости вырвался из пусковой шахты, до истошного грохота перегружая двигатели. Вновь завопила сирена. Противники обстреляли шахту, из странных пушек, срезав раздвижные лепестки створок шахты, перебили опоры посадочной платформы.

Наш катер грузно бросало из стороны в сторону. Позади осталась огненная преисподняя.

Гигантские корабли противника приближались все ближе и ближе. Мы оказались в ловушке. Слишком заметная, при этом абсолютно беззащитная мишень, а бежать некуда.

Майка поспешно развернула и бросила катер под прикрытие станции, прекрасно зная, что в полу разбитом состоянии та не сможет защитить нас от зарядов.

Наблюдая за этим, сейчас мне больше всего хотелось убежать! Схватить Джулиана и унести отсюда подальше! Но это невозможно. Мы все словно застряли в одном из тех кошмаров, когда пробуешь бежать, но не можешь, пробуешь кричать, но не издаешь ни звука...

Вдруг на самом большом экране, посередине кабины, появилось неподвижное лицо Кларка.

— Джил, тебя станция вызывает! Потолкуй с ним! — сосредоточенно чем-то занимаясь на панели перед собой, нервно произнесла Майка.

— Есть капитан, — с легкой насмешкой отозвалась Джулиана. И соединилась с «Цезарем 2000»:

— Командир, Кларк Компайн! Счастлива снова перекинуться с вами словечком...

Особенно в этой ситуации!

Кларк рассмеялся:

— Взаимно, Джулиана, леди Инсбрук. — Мне стало приятно, что он назвал ее так, а не Дункан, по девичьей фамилии. Хотя он, скорее всего, просто насмешничал. — Так что у вас там?

Джил, судя по изумлению, мелькнувшему на ее лице, тоже удивилась обращению по полному титулу.

— При обстреле станции повредило электронные связи на катере, сорвало блоки, но наш техник уже работает над этим...

Кларк обвел кабину взглядом и, увидев меня, на миг остолбенел.

Скрыв улыбку, я вежливо поклонился:

— Кларк... Рад приветствовать старого друга.

— Мое почтение, Артур. Мне действительно следовало просканировать станцию раньше. Тогда кое-кто точно бы не пострадал...

Ну да, и при этом он думал меня обнаружить?

Я многозначительно улыбнулся:

— Это все следствие моей болезненной впечатлительности. Не смог стерпеть разлуку. — Я с достоинством поклонился. — В последнее время у меня что-то начали сдавать нервы. Решил развеяться в приятной компании...

Кларк усмехнулся:

— Ладно, удачи в этом важном занятии... Считай инцидент исчерпанным.

Кларк вновь обратился к Джулиане.

— Ты меня победила. Прости, что недооценил тебя. Прими я минимальные меры предосторожности, сейчас не пришлось бы удивляться и вести этот разговор. — Кларк грустно вздохнул:

— Но что не сделано, то не сделано... У них самонаводящиеся ракеты класса «Гепард» с высоким ускорением. В данный момент они нацелены на вас. Предлагаю поторопиться с починкой!

Наша система наблюдения утверждала, что секунду назад две ракеты отделились от «Гангстера», военного корабля повстанцев и, набирая скорость, летят к нашему катеру.

Чем им помешал крошечный катер с эвакуированными людьми? Мерзавцы. Я стиснул зубы и занес палец над кнопкой...

— Кларк, вы наверняка собьете их ракетой? Это ведь для станции пара пустяков? — не отрывая глаз от экрана, поинтересовалась Джил.

— Что? Тратить дорогие ракеты только для того, чтобы защитить потенциальных преступников?! — насмешливо отозвался Кларк. — Ну, уж нет!

Издевается, вот ублюдок! Я приблизил палец к кнопке, ожидая момента, когда ракеты достигнут нужной точки на мониторе, но появилась еще одна вспышка и два огонька на мониторе исчезли.

— Спасибо, кеп, с меня подарок! — устало отозвалась Джулиана, поднимая глаза к монитору на потолке.

— Какие у вас близкие отношения, — наконец оторвавшись от пульта, с недоумением отреагировала Майя.

— Столько арманьяка в Лондоне выпито, чего ты хотела? — весело отозвался с экрана Кларк.

Глава восемнадцатая

Корабль не тонет, когда он в воде, он тонет, когда вода в нем. Не так важно, что происходит вокруг нас, важно то, что происходит внутри нас.

Артур

Майка выполнила первый разворот, целясь проскользнуть мимо военных гигантов. Со всех сторон понеслись вызовы, забивая сеть. Мы приклеились к панели управления, отвечая только друг другу, игнорируя угрозы противника.

Ускоряясь с каждым мгновением, двинулись туда, где горел для нас крохотный огонек надежды, убраться из-под пушек больших и малых кораблей. Но время работало против нас. Звездолеты повстанцев настроили на нас свои пушки...

Станция, включила двигатели и, непрерывно атакуя, направилась прямо на корабль противника.

— Однако у этого парня железные нервы, — пробормотал Роман, незаметно пробравшийся на мостик.

Мы, даже удаляясь от места схватки на огромной скорости, не могли ни видеть, как на станции ворочаются огневые башни, как враги обстреливают ее в ответ, но к чести командира, Кларк не дрогнул.

— Что он творит... Их сейчас вакуумом склеит намертво*! — Чуть не плача произнесла Наташа. Она стискивала края страховочного ремня дрожащими пальцами, не в состоянии оторваться от экрана.

*В вакууме металлы «срастаются», так называемый эффект «холодной сварки».

Майка оторвавшись от панели управления, довольно резко ей ответила:

— А ты думаешь, зачем он сначала обстрелял их лазерными установками? Чтобы снять защитный слой и оголить металл...

— Что?! — Джил, которая не находила себе места от волнения, подскочила в кресле. — Так он это специально? Совсем разум потерял... — Она была настолько в ужасе от происходящего, что наблюдала за боем, почти не дыша.

— В древности это называлось «иду на таран»... Технологии изменились и действия военных тоже, но сам принцип остался... — почти философски отметил Роман, вцепившийся в ручки кресел Майки и Джил. Он неотрывно наблюдал за происходящим, но в отличие от девушек, реагировал на все отстраненно.

Я мало что понимал в происходящем, не представляя, что можно склеить три адские громадины, а станция Кларка уже находилась почти между двумя огромными кораблями повстанцев, один из которых в нас стрелял и, по словам капитана, назывался «Гангстер». Второй его брат-близнец, без каких либо опознавательных знаков, также усиленно противостоял атакам станции Кларка.

На самой станции очередным взрывом снесло целый уровень с пушками.

— Четвертый... — потерянно прошептала Наташа.

Джеффри и Славик, которые незаметно оказались в рубке и потянулись к экранам, молча кивнули в ответ.

Уровень, где был расположен их институт истории, вспомнил я.

Все на мостике нашего катера, в непередаваемом напряженном ожидании смотрели на то, что Кларк будет делать дальше.

На огромном экране было хорошо видно, как огромный корабль повстанцев «Гангстер», выпустил из себя около десятка маленьких маневренных звездолетов, которые тут же начали атаковать станцию «Цезарь 2000», обрушив на нее всю мощь больших и малых военных судов.

Однако, несмотря на явный перевес сил противника, полуразрушенная станция подошла вплотную к «Гангстеру». Звездный крейсер нападающих развернуло и приклеило к ней.

— Один готов! — удовлетворенно потирая руки, произнес Рома. — Намертво! Даю зуб, они сперва и не поняли, зачем он подлетел вплотную!

Все на миг молча оторвались от экрана, задумчиво посмотрели на техника, чтобы тут же вернуться происходящему.

Второй гигантский корабль без обозначений, отшатнулся, затем оправился и, включив все ускорение, бросился в сторону. Но не успел, станция Кларка обстреляла его какими-то зарядами, полностью парализовав движение, затем последним усилием настигла, намертво прикрепив к своему второму борту.

— Он сделал это! Два сразу! Это нереально! Вот это мастерство! — радостно завопил техник, ликуя, потряс кулаками в воздухе. — Кларк — гений!

Майка отвела понурый взгляд от экрана, словно понимая, что сейчас случится. Я тоже предчувствовал, что совершившееся на моих глазах действие еще не закончено. Но, как и Джил, надеялся на лучшее...

Но, увы... Кларк решил прихватить с собой на тот свет обоих противников.

Взрыв. Миг, и станция, с прилепленными кораблями исчезла, заслоненная звездным пейзажем.

Лицо Джулианы окаменело. Как окаменело все у меня в груди. Наташа тихо заплакала, закрыв лицо ладонями. Но быстро взяла себя в руки. Выждав несколько мгновений, она робко спросила:

— Так куда мы все-таки прыгаем?

Все верно, Кларк пошел на это в том числе и для нашего спасения...

— А куда мы можем прыгнуть, катер больше чем на два дня в подпространстве не рассчитан... А это максимум, границы солнечной системы. — Устало отозвалась Майя. — К Земле нельзя, сейчас там туча звездолетов, которым некуда вернуться, оставшиеся крейсеры повстанцев не смогут их взять на борт. Война Землей почти выиграна, думаю, наш флот уже на подходе, и колонисты Юности это понимают не хуже нашего. Всем понятно, что внезапность им не помогла. Если не уберутся сейчас, то окончательно попадут под раздачу...

Несмотря на столь оптимистичный прогноз, пока именно мы попали на радары противника. В нашу сторону кинулись, горящие жаждой отомстить, два десятка звездолетов противника... Даже я понимал, что не с нашей скоростью убежать от военных кораблей.

— Нам надо убираться отсюда поскорее... — заметив преследователей, испуганно прикрыв ладонью рот, произнесла Наташа.

— Мы еще не достигли точки подходящей для прыжка... — печально отозвалась Джулиана, видимо мысленно оплакивая Кларка.

Мы все пережили еще несколько беспокойных минут, пока катер, настигаемый

звездолетами мстительных повстанцев, неся к точке доступа, но наконец, на пульте начался отсчет и мы куда-то прыгнули.

Было бы забавно понять, что же произошло на самом деле, так как на капитанском мостике ничего не изменилось. Ну, может, немного завибрировал под ногами пол.

Закончился звуковой отсчет, корабли противника остались неизвестно где, все историки дружно и с облегчением выдохнули, пока я вслух не задал наивный вопрос:

— Так куда мы прыгнули?

— Куда дотянули... — скрывая раздражение, отозвалась Майя. — А дотягивали мы мало куда, взгляни, это ответы Ии...

Она отодвинулась от монитора вбок, жестом продемонстрировав мне повторяющиеся ровные строчки, идущие одна за другой больше десятка раз: «подобный расчет невозможен, необходимы иные координаты для выхода из подпространства»

— Что это значит? — повернув к ней голову, настороженно спросил я.

Ко мне прямо с креслом повернулась Джулиана:

— Значит, что все более-менее подходящие координаты, вводимые капитаном, были для нас недостижимы... Но, чтобы найти выход из этого тупика, ИИ требовались корректно поставленные условия, а именно этого мы сделать не могли. Катер не рассчитан на длительные космические перелеты... — устало отозвалась Джил. — Тогда мы выбрали самый часто посещаемый путь, торный, как называют космолетчики... И приказали Ии туда прыгать. Но ты понимаешь, что значит «часто посещаемый» в космическом понятии... — Она красноречиво на меня посмотрела, мне оставалось только медленно кивнуть.

Тогда Джил со вздохом добавила:

— Это значит, что на помощь нам рассчитывать нельзя, найти здесь подходящий корабль почти невозможно.

— Проклятие! — громко разозлилась Наташа, стукнув кулаками по подлокотникам, — а все эти недоумки, что бросились на нас. Я так надеялась, что о нас все забудут, оставят в покое... Что мы продержимся недалеко от Земли, а потом вернемся на родную планету...

— Все системы работают нормально, — устало провозгласила коротковолосая Майя. — Режим автопилота включен. Мы можем отдохнуть...

— Но я, как и Артур, так и не получили ответа на вопрос. Так куда мы попадем? — раздался тихий вопрос Джеффри.

— Джеффри, ты разбираешься в тонких настройках курса и полетных подпрограммах? — Было видно, чтобы говорить ровным голосом, Майе пришлось приложить большие усилия. Она сжала видимый с моей стороны кулак так сильно, что костяшки на руке побледнели, а на ладони остались следы ногтей.

— Нет, — Джеффри сурово покачал головой.

— Слав, а ты? — Капитан повернулась ко второму пассажиру.

Молодой историк хмыкнул:

— Нет, я и катером-то никогда не управлял, все больше пассажиром катался. Даже меркаблик брать не стал, не люблю я это занятие, мне и такси хватало...

— Рома? Артур? — продолжала допрос ровным голосом Майя.

Сложив руки на груди, мы с техником медленно покачали головами.

— И никто из вас не мог предложить хоть какое-то приемлемое решение...

— Какое решение, за нами гнались! — Гневным голосом, с раздражением оглядывая мужчин, отозвалась Наташа. — Майка, прекращай, тебя никто не винит, ты использовала

все, что знала, чтобы выбрать лучшую точку выхода...

Итог беседы властно подвела Джил:

— В общем, пока все в полном порядке, приборы дают нормальные показания. Все работает исправно, когда выйдем из подпространства, пойдем, что делать... Давайте решать проблемы по мере их поступления! — последние слова жены прозвучали как угроза.

Я успел на станции хоть немного передохнуть, но для Джил эти безумные сутки со сражениями в Неаполе все еще продолжались. И, в любом случае, в этом непонятно к чему ведущем споре, я был на стороне супруги, так что в знак поддержки положил руки ей на плечи, и с предупреждением оглядел ее коллег.

Рома весело сказал:

— Ага, я вам предлагал вам взять катер безопасности, они прыгают как нормальные корабли и с запасами там тоже все в порядке... Ладно, тогда когда причалим, включим сигнал бедствия и, дожидаясь помощи, хорошо выспимся.

Но Джеффри не унимался:

— Ждать, что нас здесь обнаружат — гиблое дело. В отличие от вас, я нисколько в этом не сомневаюсь.

— Надо было раньше брать ответственность на себя... Тогда бы и не возмущался. Заодно спас нас... — съязвила Майка.

Я покачал головой. К чему вести подобные споры? Выпустить нервное напряжение после пережитого?

— Как это? Как я могу брать на себя что-то, в чем ничего не понимаю? — отозвался Джеффри, с обвинением поглядывая на Майку.

— Демагогию здесь не разводи, биолог, можешь делать — сделай, не можешь — молчи. — Оборвала его Наташа, видимо эта тоже, как Джил, за друзей стоит до конца.

Я раздраженно потер лоб, надоели эти дразги, надо вытащить отсюда Джулиану и увести спать. Так что миг подумав, потрепал Джил за плечо:

— Пошли спать...

— Ой, точно... — Джил отстегнула крепление защиты и, потянувшись, встала. — Знаешь, мне даже не верится, что какие-то три часа назад, я сражалась на шпагах у моста перед Кастель-Нуово в Неаполе. Сейчас мне кажется, что там была просто милая сказка...

— И когда ты только успела? — насмешливо удивился Рома, подмигнув мне. — Ладно, мне ваше предложение тоже нравится, так что я с вами спать! Кажется, у нас есть почти двое суток на отдых.

Напряжение, только начав снижаться, вновь накалила коротковолосая девушка. Стукнув ладонями по панели, она поднялась из кресла и сухо заметила:

— Мы плохо поговорили, но наша нервозность вполне объяснима... Поэтому данный конфликт оставим без последствий. Но впредь прошу уяснить: дисциплина будет железной, на корабле не может быть два капитана. И раз ты, Джеффри, признался, что ничего в этом не понимаешь, решать здесь вопросы буду я.

Лицо биолога перекосила язвительная усмешка, но он, задумчиво оглядев нас с Романом, промолчал, так что победа осталась за Майкой. На мостике повисла тяжелая пауза.

Не дожидаясь ответного выпада, я равнодушно увел Джил в сектор для пассажиров, где по ее совету раздвинув кресло, уложил спать.

Подложив под голову один из наших рюкзаков, лег в кресло рядом. Я тоже хотел побыть один — привести в порядок разрозненные мысли и впечатления прошедших часов — до сих

пор у меня на это просто не было времени.

За нами медленно потянулись остальные историки.

В секторе для пассажиров не было отдельных помещений, только небольшие ниши на два кресла, которые, как я понял, для удобства, даже вертелись под разным углом.

— Эх, еще бы отобедать, как следует... — проворчал Рома, занимая кресло в нише слева от нас. Напротив нас молча легла Майка, свернувшись клубочком, закрыла рукой глаза.

Джеффри прошел дальше и лег в дальней части, у стены. Наташа и Слава устроились у самого выхода.

Дождавшись пока все улягутся, Майка, не убирая руки от лица, скомандовала:

— Темнота! — И все светильники разом погасли, оставив только тонкие голубые полоски вдоль потолка, по которым легко можно здесь ориентироваться.

Джил уснула, едва коснувшись головой мягкой поверхности кресла. Она умела отдыхать, когда надо отключаясь и отменяя все эмоции. Постепенно уснул и я.

Сквозь сон послышался какой-то шум...

Вначале мне показалось, что сработала сигнализация. Устало приподнял голову, все еще находясь в сладкой полудреме. Тишина...

Немного отодвинулся от Джил, к которой успел во сне прижаться, поднялся и прошел к капитанскому мостику. Где первым делом подошел к монитору, чтобы посмотреть, что происходит.

Изображение на экране вдруг исчезло. В то же мгновение раздался звуковой сигнал тревоги, а его завывания в свою очередь перебил голосовой сигнал:

— Тревога! Тревога! — Судя по картинке на мониторе, в нашу сторону летели какие-то ракеты, хотя может и не ракеты, но системы безопасности катера расценили это как атаку.

— Что случилось? — В панике с кресел подскочили спящие историки. Раздался топот ног, но они не успевали. Здесь был только я.

В момент удара, судя по монитору, катер двигался очень медленно, почти стоял. Я надеялся, что успею нажать кнопку защиты. Те самые щиты, которые меня научила активировать Джулиана.

Я успел это сделать. Катер дернулся, завопила еще одна сирена, по пульту капитана забегали огни.

К этому моменту на мостике собрались все, кроме Романа, который сразу ушел в трюм, где располагались технические установки управления катером.

— Что ты делаешь? — проорала на меня Майка. — Почему мы стоим?

Она бегло просмотрела на какие-то таблицы расположенные вдоль монитора, от негодования у нее перехватило дыхание.

— Закрываю... — Я второпях не совсем точно сформулировал свою мысль, и сухо добавил, — Насчет остановки я ничего не знаю, только что подошел.

— Ублюдок, я тебя сейчас вышвырну за... — Капитан была в бешенстве.

— Майка, замолчи! — сквозь зубы рявкнула Джил, которая тут же кинулась на мою защиту. Телом закрыв от подруги.

— Думай что говоришь! Это не он! Он всего лишь укрыл катер от метеороида!

— Да откуда ты знаешь? — Кеп, стиснув зубы и выпучив глаза, со всем своим гневом переключилась на нее.

Я положил руки на напряженные плечи Джулианы, успокаивая и отодвигая.

— Успокойся, сейчас со всем разберемся.

Джил в ответ спокойно кивнула.

Я поднял взгляд на гневного капитана:

— Начни с главного, что случилось? Если это торный путь, то нормально, что здесь летают метеороиды*? И метеороиды ли? Я сначала решил, что это — ракеты...

*Метеорит или болид — то, что упало на поверхность крупного небесного объекта. Метеороид — небесное тело, то, что летит. Метеор — светящийся след метеороида.

— Не делай вид, что ты не знаешь, что случилось! — бесновалась Майка, готовая на меня кинуться с кулаками. Я реагировал по возможности благодушно, не в моих правилах драться с дамой, даже если она в отношении меня совсем неправа.

Вмешалась еще одна подруга, собирая распушенные светлые волосы в пучок, Наташа сухо произнесла:

— Майка, стой! Я не знаю, что случилось. Мне скажи, что конкретно тут произошло! Только спокойно и по делу, надоело наблюдать за твоей бешеной физиономией...

— Что случилось?! Он вывел катер из подпространства, мы не пойми где, и уже нарвались на метеороиды!

Джил вступила в беседу, холодно отметив:

— Артур подошел сюда на десять секунд раньше меня, ни о каком переключении направлений или настройке выхода из подпространства за такое время и речи быть не может!

— Это ты говоришь! — вновь накинулась на нее Майка.

— А тебе мало? Да, я говорю, что он этого не делал. Возьми себя в руки! Ответственность — не аналог неадекватности, согласись...

Майка разозлилась еще больше, но промолчала, что-то выстраивая на выведенной на монитор шкале.

Теперь вмешался молчавший до этого Славик:

— Я все понимаю, виновато не виноват, меня гораздо больше волнует, что нам делать дальше?

Тут на мостик вошел наш техник.

— Все относительно нормально! Артур, молодец, успел! — Роман на радостях выдохнул и потер руки. — Ну, надо же! Пронесло! Отделались малой кровью, вывело из строя только щиты от радиации... остальное мелочи, я за пять минут починил.

Наконец он повернулся... и до него дошло, что тут только что ругались, по позам враждующих стало ясно, кто с кем.

— Напрасно кипятиться, кеп, — усмехнулся он. — Артур не мог этого сделать. Я ручаюсь. Ищи другого... — Роман, а за ним все мы повернулись к Джеффри.

Майка еще раз с подозрением на меня посмотрела, затем повернулась к бунтарю.

— Я только лишь исправил, — усмехнулся он. — Отправил нас поближе к Земле... не желаю болтаться на краю системы, ожидая помощи неизвестно от кого!

— Исправил? Ничего в этом не понимая? — сухо спросил я, раздосадованный его самодовольным тоном. И трусостью, все это время, пока девушки ругались, довольный сотворенным хаосом он просто молча наблюдал.

— Ты что? Биолог-идиот? — накинулась на него до этого абсолютно спокойная Наталья. — А космос это тебе городской парк? Торные пути потому и торные, что там

безопасно! Нет, угрозы, что тебя в ближайшие секунды астероидом или метеороидом в лепешку расшибет! Куда ты нас вывел, придурок?

— Мы слишком близко к Земле, Ии все еще вычисляет наше точное расположение, но теперь мы обязательно нарвемся на остатки армии повстанцев. Они вооружены, а мы нет, подходящая возможность отомстить землянам за поражение! — устало добавила Джулиана.

— У нас нет еды, куда мы полезем углубляться в космос? — резко отозвался на доводы историков биолог, сложив руки на груди. Оглядев нас довольным взглядом, прибавил. — Сами себя запугали. Здесь ни кораблей противника, ни потока метеороидов. Одиночные столкновения мы легко переживем, подождем здесь пару дней и назад...

Майка раздраженно рассмеялась:

— Это ты на основе каких данных ты такое вывел? Сравнил показатели нашего комнатного локатора и их военные наблюдательные базы мощностью в полпарсека*? Если они нас заметили, а это скорее всего, мы можем не успеть убежать... Как и увернуться от потока метеороидов. Если ты не понял, у нас очень мало шансов выстоять здесь два дня. Слишком близко от Земли и флота повстанцев.

*парсек — это расстояние, отрезок длиной в одну астрономическую единицу, равен 30,8568 трлн км. или 3,26 световых года. До ближайшей к нам звезды — Проксимы Центавра, — 40 трлн км.

Я посмотрел на Джил потом на Рому.

— Так что делать будете?

Рома пожал плечами.

— Вернемся на прежний курс, — отозвалась Джулиана. — Вот только проверим, что работает, а что нет...

Переждав с полминуты, наконец, на мой вопрос ответила Майка:

— И самое главное, как только все системы катера после остановки гиперперехода будут проверены, то дальнейший путь буден высчитан до световой миллисекунды, этот недоумок, Джефри, пойдет в изолятор! И это не обсуждается!

— В изолятор? Совсем мозговые нейроны с орбит сдвинула на почве капитанства? Да кто ты такая, историчка-истеричка? — ядовито усмехнулся биолог, с презрением глядя в сторону капитана.

Я поморщился. Зря он так, дамы-историки личности крайне нервные, пора бы знать.

Майка, и секунды не думая, развернулась и ударом ноги выбила ему челюсть. Исправитель пути сразу потерялся, осел на пол, схватившись за голову.

Джил поймала Майку перед вторым ударом и, удерживая от дальнейшей расправы, предупредила:

— Стой, тебе, что, раненых на борту не хватает? Пусть от этого оклемается... без специальных средств ему неделю вывих челюсти лечить.

Разгневанная Майка ощерилась на нее:

— Ты не понимаешь? Он нас всех чуть не убил! Теперь мне за него переживать?

— А чего за него переживать? — насмешничал Роман. — В случае вывиха челюсти проблема только в приеме пищи, — жевать больно! Ну, а раз у нас ее нет, пищи этой, так все хорошо, можешь продолжать, видишь, он даже еще сознание не потерял...

Джефри так и сидел на полу, потеряно схватившись за голову.

Капитан раздраженно передернула плечами, однако, не сказав ничего в ответ, просто села в кресло и повернулась к левому монитору. Роману пришлось оставить ее в покое, и он

ушел назад, к входу в пассажирский сектор.

Джил села рядом, по очереди проверяя состояния частей системы.

— Так что мы делаем? — спросил неугомонный Славик, заглядывая в мой экран через плечо.

— Пытаемся убраться отсюда как можно скорее, — вместо капитана ответила Джил, коротко и незаметно улыбнувшись мне, мол, держись!

— А может Джеффри прав, куда мы летим? Зачем нам где-то прятаться? Может, разумнее переждать здесь... — начал, было, Славик.

Майка, не отрывая взгляда от монитора, отозвалась:

— Этого тоже в изолятор, чтобы не случилось новой остановки!

Славик от меня отпрянул, словно я собрался мгновенно исполнить приказ капитана и, стиснув кулаки, повернулся к хозяйке катера.

— Что, уже спросить нельзя! К чему сразу угрозы? Майка, не ожидал подобного от тебя! Ты ведешь себя как дикий варвар! Нет! Вандал! — возмутился молодой историк.

Но ему никто не ответил, — вновь завопили сирены, забегали огоньки. Стоявшие за креслами управления историки, кинулись в пассажирский сектор к своим местам.

— В чем дело? Почему не было предупреждения об опасности? — сквозь шум прокричала Майка.

Я видел на мониторе, как одна за другой белые точки преодолевают показанное Джил расстояние. Но кнопка больше не действовала.

— С той стороны ударом снесло внешнюю часть радара, я только что нашла эту неполадку. Но это не важно, изнутри нам ее никак не исправить... — прокричала в ответ Джулиана.

— Черт, мы еще и слепые... — в бешенстве заскрипела зубами Майка.

И тут началось... нас затрясло, в динамиках раздался ужасный гул...

Мне в ужасе казалось, будто катер — живое существо, охваченное приступом ярости, выразившейся в беспорядочных рывках и дрожи, над нами стоял страшный, оглушительный грохот, полностью забивавший вопившие сирены. Впечатление было, будто корпус катера сотрясали непрерывные раскаты грома и удары молний.

Цифры на мониторе, показывающие отклонения от нормы, скакали с частотой мигания лампочек аварийной сирены.

— Корпус выдержит... — напряженно что-то сверяя на мониторе, пробормотала Майка.

— Но не система внутреннего охлаждения, — возразил Роман, который внезапно оказался в рубке управления. И теперь стоял, схватившись за кресло капитана, чтобы не упасть. — Там и так, еще после обстрела станции, вся система охлаждения на ладан дышала...

Из чрева пультов, установленных на мостике, поочередно повалили клубы дыма.

Джил закричала:

— Прыгай, Майка! Прыгай без разбега... Пока он еще хоть что-то может! Там еще один поток... Видимо рядом пояс астероидов...

Этот ад длился и длился...

Начался и кончился громкий отсчет, еще миг и все смолкло.

На фоне опустившейся тишины закладывало уши.

— Интересно, хоть какой урок он извлек из сегодняшнего кошмара? — Поднимаясь из кресла, устало поинтересовалась Наталья, вспомнив о Джеффри, который так и сидел на полу,

зацепившись за какой-то выступ.

На этот раз никто даже не спрашивал, куда мы попадем. Ответ был ясен. Куда угодно, только подальше оттого места.

Рома застонал:

— И что мне со всем этим делать? Тут осталось хоть что-то в рабочем состоянии?

— Этот вопрос задай вон тому биологу-идиотологу... — фыркнула Майка, тыкая в угол, где, все еще схватившись за голову, сидел несчастный бунтарь. — Все равно его в изолятор закину!

Затем она обернулась ко мне и сухо сказала:

— Артур, извини меня, теперь ты видишь, почему я так злилась и в итоге к чему это все привело. Так что, прости мне мои нападки. Что, не разобравшись, накинулась на тебя...

От шума, тряски, беготни и мелькания огоньков по панелям кабины управления, у меня разболелась голова, так что я только равнодушно кивнул в ответ, не желая продолжения извинений. Я встал из кресла, упершись руками в пульт и чувствуя, как дрожат ноги. И ушел в сектор пассажиров.

Всем было очень жарко, но меня здорово морозило, почти трясло от холода. Очень скоро рядом появилась Джулиана.

— Артур, что с тобой? Почему у тебя лицо красно-синее?.. — шокировано оглядывая меня, спросила она.

Я дотронулся до лица, потом посмотрел на намокшие пальцы. Они были в крови. Затем посмотрел на Джил, недоуменно пожал плечами и потерял сознание.

Джил

К нам подбежала Наташа.

— Что с ним? Джи?

Склонившись над Артуром, я пыталась посчитать пульс...

Джефри, за это время тихо уползший из рубки в пассажирский отсек, заметив суету вокруг потерявшего сознание Артура, первым прохрипел сквозь сомкнутые зубы:

— Этого типа надо срочно в изолятор! Пока он не заразил нас всех!.. Эй, я же говорил, что вы всех нас тут убьете!.. — под конец совсем немужественно взвизгнул он.

Стиснув челюсти до скрипа, тяжело дыша, я резко развернулась к нему с явным намерением вогнать безмозглую голову с вывернутой челюстью в пласциновый пол катера. Да, я отдавала себе отчет, что слишком много проблем стала решать с помощью физической силы, но что делать, если душевных сил на терпеливые беседы у меня просто не осталось?

Поняв мой порыв правильно, покалеченный биолог с ужасом в глазах отступил, влез в самое дальнее кресло и сделал вид, что спит.

В первый момент, когда Артур потерял сознание, все на борту испугались. Но подошел Роман и, осмотрев посиневшие кожные покровы рук и лица, устало сказал:

— Щит радиационный... его снесло первым. Вот и началось... — печально качнув головой, сообщил наш техник.

— Что началось? — склонившись над больным, напряженно спросила Наташа, которая одна не испугалась страшной вероятности, что у Артура началось нечто опасно-инфекционное. Возможно, это ее тоже очень волновало, но подруга никак это не демонстрировала.

— Что? Лучевая болезнь как ее называли в древности. — Критически осмотрев Артура, озвучил диагноз Роман.

— А разве ею сейчас болеют? — удивилась Наталья.

Я с горечью посмотрела на Романа. Он, сочувствуя, в ответ только пожал плечами:

— Если бы не болели, щиты бы от облучения не ставили бы. Просто надо было уколоть спец средство, чтобы так не цепляло. Он же землянин, в космосе почти не бывал, вот и прозевали...

— А мне ничего не кололи... — удивленно вытянув губы, пробормотала Наташа.

Рома, имея на все ответ, насмешливо хмыкнул:

— А сколько лет ты на станции проработала? У тебя в крови свои антитела выработались... Как и у Джил. И всех нас. А Артур с Земли почти не отлучался...

— Что же делать? Может переливание попробовать? — в отчаянии предложила я.

Наташа покачала головой, у нас для этого нет никакого оборудования. Рома вновь невозмутимо ответил:

— Переливание? Нет смысла. Мы все облучены, просто переносим легче. Ему надо дать шанс продержаться до первого корабля с нормальным медотсеком... или дотянуть до возвращения на Землю.

— А всем остальным что делать? — потеряв рукой тощую шею, тоскливо задал почти риторический вопрос Славик, словно Рома был обязан все знать.

— Ничего, через неделю энергия в накопителях восстановится, и мы прыгнем обратно к Земле... Надо переждать... Мы везунчики. Это раньше, когда использовали обычное топливо, нам была бы крышка, а теперь, когда для движения используют свойства распада активных веществ, и вся энергия восстанавливается, чего нам бояться?

Но вместо радости Славик сразу как-то поник, попятился назад, и прикусил свою губу, и с сожалением посмотрел на моего мужа.

Артур скоро пришел в себя, но самочувствие у него не улучшалось. Наташа, беспокоясь о нем, периодически приносила воду в откуда-то снятом белом сосуде странной формы, в катере не было не только еды, но и элементарной посуды.

Майя и Славка хоть ничего не говорили, но, несмотря на рассказ Ромы, подходить явно опасались, видимо разделяя мнение Джеффри, что это может быть опасно.

Еды не было, пока выручали пластинки для восстановления сил и против сна, которые я по обыкновению захватила с собой.

Я неотлучно сидела над Артуром, заставляя его много пить, а заметив, что после холодной воды ему становилось лучше, еще и постоянно умывала и ополаскивала ему руки холодной водой. Благо установка претворяющая воздух в воду работала исправно. В отличие от охладителя и многого чего другого.

В пассажирском отсеке стояла ужасная жара, даже на таком расстоянии силы солнечных лучей с избытком хватало, чтоб раскалить обшивку катера так, что доставалось и нам. Хорошо хоть с воздухом и водой проблем не было. По это причине Рома почти не вылезал из трюма, все время что-то там чиня, видимо удачно, так как, температура в трюме и отсеках больше сорока пяти градусов Цельсия не поднималась.

Майя тоже проводила все время в рубке, вызванивая помощь и рассылая сигналы бедствия. Джеффри выпросил у кого-то снотворное и теперь не желал просыпаться.

Только Славик и Наташа, раздевшись почти до белья, слонялись по катеру без дела. Пока, наконец, не нашли себе занятие. Устроившись в углу на откинутых креслах, словно на

пляже, затеяли между собой тихие дебаты на исторические темы.

Но я не вникала в их беседы.

Это было все так неважно!

Свет, ливший из пластиковых полосок под потолком, был тусклый, неуютный, отдававший мертвенным холодом. Пусть этого никто не видел, но меня трясло от ужаса. Будь Артур здоров, я бы и в половину не переживала о нашей скорбной участи. Но он ужасно мучился, а я страдала, смотря на него.

Артур лежал неподвижно и почти не вставал. Это длилась уже два дня и самочувствие только ухудшалось. Его тело так часто находилось между явью и сном, что поговорить, почти не удавалось. Вот и сейчас, пока он был без сознания, его била дрожь. Иногда Артур издавал болезненные стоны, от чего у меня в душе все сжималось от ужаса.

Я достала из рюкзака последний мобильный инъекторный блок и приложила его к руке Артура. За это время использовала все свои мобильные аптечки, и теперь не знала, на что уповать...

Наташа положила руку мне на плечо:

— Мне кажется, что неделю Артур не выдержит. Для него осталась только одна надежда, что наш сигнал о помощи услышат и спасут... — затем вздохнув, отошла.

Артур, который незаметно открыл глаза, прошептал:

— Только пусть немного помедлят... я все время хотел, чтобы ты была рядом со мной. И вот оно случилось, наконец, ты оставила свою любимую историю, нескончаемую настройку катера и сидишь рядом... — Он тихо засмеялся, но его смех резко перешел в кашель.

Я заставила себя мягко улыбнуться, и наши взгляды встретились.

Артур все еще улыбался...

— Ты прав. Это лучшее, что есть у нас, — прошептала я, нежно дотрагиваясь пальцами к его ладони. Кожа на его руках покраснела и местами начала облезать, густые темные волосы целыми локонами оставались на изголовье кресла. Я и без этих признаков понимала, что он получил смертельную дозу облучения и без помощи аптечек долго не протянет.

Укол начал действовать, не выпуская мою ладонь из своей руки, Артур спокойно уснул.

Стерев пальцами пот с висков, помассировала лоб, — на нас тоже действовало облучение, ужасно болела голова, тошнило, видимо, сильно падало артериальное давление, — я тяжело поднялась. Надо было навестить Майку.

За три дня в неизвестности мои стоические усилия не паниковать, состояние Артура становилось все хуже, таяли на глазах. А так как спокойно спать я не могла, то надо было срочно занять себя.

Этим вопросом: «чем бы занять себя», так или иначе, озадачивались все. Историки, по примеру Джеффри, отключив освещение, спали, стараясь не тратить драгоценные силы на болтовню. Роман, наконец, оставивший надежду восстановить еще что-нибудь в этом катере, пристроился в кресле рядом с нами. Так что я тихо прошла на мостик к капитану.

— Май, как дела?

Выдохнув горячий воздух, она устало отозвалась:

— Никак... У тебя еще остались те пластинки? На неделю хватит?

— Нет, на неделю уже нет... — вздохнула я. — Максимум на день-два. Если остальные протянут подольше на снотворном, то еще на два дня.

Кеп осталась довольна услышанным:

— Отлично, так что оставь те пластинки только для раненого, меня и Ромы. Остальные пусть спят. Хранение — под твою ответственность.

Опять главное — целесообразность, но на этот раз я не спорила, только вяло заметила:

— Хорошо, но будут новые конфликты. Все устали, больны и голодны, если еще и не давать укрепляющее... окончательно слягут. Так что они будут отчаянно сопротивляться такому решению.

Она устало пожала плечами.

— Выбора нет. Нам надо выбраться отсюда. — Подперев кулаком подбородок, Майка с тоской во взгляде изучала объемную карту звездного неба перед собой, становясь все мрачнее.

— Насчет прыжка к Земле... — устало обронила я, наблюдая за ее глазами. — Мы отправляемся туда через неделю... или можно ускорить прыжок?

Она перевела ясный взгляд на мое лицо:

— И, в итоге зависнуть в еще одном поясе астероидов? Нет, надо выждать пока накопители будут готовы под завязку. Иначе у нас мало шансов дотянуть до Земли, это раз; и два: мы совсем не знаем обстановку вокруг нее, вдруг придется вновь куда-то прыгать? Я не готова жертвовать нашими жизнями из-за торопливости.

Я кивнула. Да, и повстанцы могли иметь что-то в рукаве, на случай подобного провала.

— Сигнал о помощи работает?

Майка едва заметно покачала головой.

— Да. Только мы совсем ослепли. Даже, если кто появится, пока не подберется вплотную к катеру, мы его не увидим. Мы на самом деле такие невыносимо беспомощные... — потерянно улыбнулась она.

Я устало выдохнула, и, поднимаясь из кресла, бодро хлопнула себя коленкам.

— Это еще ничего не значит, вспомни, первыми погибли сильнейшие, наша станция и два военных крейсера противника. У нас есть шанс спастись, мы им и воспользуемся.

Когда я была у двери, Майя, пригладив ладонью влажные от жары волосы, устало поинтересовалась:

— Как Артур?

Я тяжело вздохнула:

— Плохо.

— В бортовой аптечке лекарство нашло?

— Да, и уже использовала... — грустно отозвалась я. Лекарства закончились, а надежды на помощь особенно не было.

— Последние данные о температуре, — сказала Майка. — Она понижается. Упала на пять градусов по сравнению с тем, что было вчера.

— Это должно утешить или беспокоить? — поинтересовалась я.

Майка, сидя в кресле на центральном посту у пульта управления, вместо ответа слегка придвинулась к экрану, чтобы лучше видеть.

— Ба... Да у нас гости.

— Ты думаешь? — я припала к экрану следом за ней. На мониторе где-то совсем в углу мигала крупная точка. — Больше смахивает на астероид...

— Давай надеяться на лучшее...

— Чем это поможет нам в этом случае? — устало заметила я, разочарованно отодвигаясь от экрана.

— Не нуди, Джи, а надейся! — Я, не сводя взгляда с подруги, медленно кивнула.

Майка почти падала от усталости, она за эти дни почти не спала, впрочем, как и я, и эта ее «надежда», больше напоминавшая истерику, была мне, в общем-то, понятна.

— Я надеюсь, Май! Очень надеюсь... только надеждой и живу... — поджав губы, отозвалась я, и поспешно покинула мостик.

Глава девятнадцатая

Весь смысл жизни заключается в бесконечном завоевании неизвестного, в вечном усилии познать больше. Эмиль Золя

Джил

Следующие сутки выдалась просто невыносимыми. Без помощи аптечек Артур сдавал на глазах. На коже рук появились трещины, которые лопались, и из них потекла кровавая жидкость. То же самое случилось с его лицом.

Никаких средств, чтоб помочь у меня не осталось. Я уколола ему снотворное, чтобы он так сильно не мучился, но Артур так тяжело стонал сквозь сон, что это пронзало мне сердце.

Отчаянье нарастало. Историки голодные и измученные, периодически просыпаясь, требовали пастилки для восстановления сил, которые я по приказу капитана берегла на крайний случай.

— Джи, дай мне ее... сил нет... — стонала серая от боли и голода Наташа, приподнимаясь на локте. Отказывать ей, было тяжелей всего.

— Не могу, — виновато поясняла я. — Остался запас только для капитана и техника... нам, всем остальным, надо перетерпеть. Полет назначен через три дня... Если мы их используем сейчас, некому будет вести катер, они тоже на пределе.

Наташа послушно кивнула, приняла снотворное и легла спать. Рома и Славик выслушав мои пояснения вместе с ней, поступили так же. Снотворное действовало пять часов, но из-за избыточного приема, его действие сократилось до двух.

Так что очень скоро на меня обрушились новые просьбы сотрудников:

— Умираю... Джил, ну дай одну, — стонала потрескавшимися губами Наташа.

Я ее понимала, уже пять дней без еды, желудок прилип к позвоночнику, упавшее давление, адская головная боль, дрожь во всем теле, и наше отчаянное положение, которое после перенесенного стресса казалось еще тяжелее, чем было на самом деле.

И осознавая все это, вновь была вынуждена сказать «нет».

Я принесла ей воды. Наташа с надеждой смотрела на меня. С острой болью в душе чувствовала, что предаю ее.

— Нат, если мы выпьем их, то не сможем улететь отсюда... Надо перетерпеть...

— Если бы ты не истратила аптечки на Артура, нам бы хватило восстановить силы всем! — раздраженно заявил Славик, поворачиваясь на другой бок.

В первый миг я хотела резко отбрызнуть его, предложить: «доставай свои и лечись, почему никто кроме меня этим не озаботился. Это мое дело на кого свои запасы тратить»... Но Артур рядом спокойно, но спал, а пререкания с больными и уставшими товарищами по несчастью ничего не дало бы. Так что я просто промолчала.

Чем дальше, тем больше, Наташа уже громко вслух возмущалась моей жестокостью.

Славка ей поддакивал. Роман, который из-за своего высокого роста и богатырских объемов, переносил голод и боль еще тяжелей, только покрывал, но в спор не встречал.

— Джил, ну как ты могла... Я и не думала, что ты такая черствая... — повторенное в разных вариациях около десятка раз, это невероятно выводило из себя.

Ко всему вновь что-то сломалось в термосистеме, и температура на катере вновь скакнула вверх, доводя всех до иступления.

То и дело мне приходилось бездушно повторять:

— Я не черствая. Это приказ капитана. Нам надо выжить, а это значит, что в день вылета техник и кеп должны функционировать нормально.

Но изнеможенные историки не соглашались:

— Ты мне сразу не понравилась, я так и знал, что ты тупая и упрямая особа, которая не имеет и капли сострадания. Припрятала все себе... — взывал из своего кресла в полубессознательном состоянии Славик.

— Ты меня раскусил... — будь я в более адекватном состоянии, я бы не стала затруднять себя ответом на подобное заявление. Но мой самоконтроль был почти на нуле, Артур уже даже не бредил, так что я скоро начну помогать страждущим через отключения сознания. Пока не отключусь сама...

Майка явившаяся поспать пару часов, рявкнула на ноющих историков, и тогда они переключились на нее. Джефри видимо отравился снотворным, так как почти не приходил в себя. Ему нечем было помочь, так что биолога просто благоразумно не трогали.

Воздуха не хватало. Я не знала в чем причина, неисправность установки или просто моя реакция на накопившее напряжение. На грани то ли нервного срыва, то ли полного сумасшествия мне послышался какой-то шум...

Рядом, в шлюзовой камере, снаружи открывались створки наружного люка!

Я сгруппировалась, выдернула из рукава «Железного Поттера», и кинулась туда, впрочем, отдавая себе отчет, что у меня от голода и недосыпания возможно начались галлюцинации. Но лучше потом над собой посмеяться, чем допустить возможность захвата катера. Судя по тому, как кинулась за мной Майка, все же нам это не показалось.

Нападения на мелкие суда происходили в космосе периодически, так что скорее всего мы подверглись нападению космических «буканьеров*»), пиратов XXIII века.

*Название пошло от сообщество буканьеров в 17 веке жило по принципам свободы, равенства и братства. Всё считалось общим. Свои вещи буканьеры никогда не прятали и не запирали. При случае каждый мог взять без спроса в любом букане всё, что ему необходимо. Те, кто хотел вступить в общество буканьеров, должен был забыть о старых привычках и даже отказаться от своего фамильного имени и безоговорочно подчиниться законам товарищества. Новичкам давали шутивное или серьёзное прозвище, которое порой переходило к потомкам.

С оружием наголо мы застыли перед люком.

Нас на самом деле вскрыли, на пороге стоял высокий парень в защитном костюме, с квадратной челюстью и широкими плечами, выглядящий как типичный герой из сенсационных фильмов. Он на перевес держал руках тонотронный резак и выглядел как воин из прошлого.

Оглядев нас, он радостно произнес:

— О, космически амазонки... Я думал, что это все легенды... только не стреляйте в

меня, воинственные девы, я вас спасти пришел... — рассмеялся он, поднял в руки с резаком. За ним стояли трое в скафандрах.

Парень еще раз нас осмотрел, затем склонил голову и в senso довольно радостно произнес:

— Кеп, они не только живы, но и отказывают нам горячую встречу. — Закончив отчитываться, веселый парень вновь обратился к нам:

— Приветствую вас, воинственные девы. Я помощник капитана исследовательского корабля «Одиссей», компании «Маонстарс».

В ответ на оживленное приветствие мистера «герой из супервизора» мы с Майей суховаато поклонились. Непонятно что за исследовательское судно он представлял, кто он и, вообще, с какими намереньями здесь появился.

— По поводу нашей помощи... Сразу скажу, мы не можем доставить вас на Землю, а для переговоров с капитаном и обсуждения возможных вариантов помощи вам придется проследовать за мной.

Мы с подругой переглянулись, если пойдет Майка, никто из нас катер отсюда не выведет. Значит, смогу пойти только я.

Коротко и достоинством поклонилась. Но первым дело подумала об Артуре.

— У вас с собой аптечка есть?

— Обижаете, конечно! Я же спасти вас сюда пробирался... — хмыкнув, тут же отозвался общительный парень, с улыбкой посмотрев на охранников позади, которые скафандры не расстегнули, и даже шлемы с головы не стянули.

Я требовательно протянула руку. Не даст сам аптечку, продолжит шутить, — отберу силой!

Парень послушно положил мне в руку белый цилиндр. Я передала его Майке, прошептав: «Помоги Артуру!» Она кивнула.

— Идем... — согласилась я, стиснув в руке оружие.

— Не бойтесь, а вдруг я разбойник? — насмеялся весельчак, наблюдая, как я подхожу и активирую на стене установку для надевания скафандров.

— Если представитесь, так и быть, пугаться не буду ... — холодно улыбнулась я, он наверно не понимает, что у нас нет выбора. И в каком я сейчас состоянии, что не до страха.

— Не хочу представляться... А вдруг вы пираты... — продолжил кокетничать парнишка, браво закинув резаком на плечо.

Меня порядком достал это балагур. Я коротко улыбнулась и прошла к скафандрам. Устройство натянуло на меня защитную ткань, из специальной ниши выехал моего размера шлем.

Воины, кто прикрывал веселого посланца с резаком, расступились, пропуская нас внутрь перехода. Пока мы в сопровождении охраны шли к капитану «кишкой», связавшей нас с большим судном, парень пытался болтать:

— Вас там много?

— Достаточно...

— И раненые есть?

— Да.

— А девушек много?

— Половина экипажа.

— Хорошо... а то у нас почти все мужики. Исследовать новый мир отправляемся...

Странно, если бы было иначе, — широко улыбнулся парень.

— Что за мир? — равнодушно отозвалась я, оглядываясь. Судно изнутри на самом деле выглядело не как пиратский вертеп, а как научный корабль Земли, по крайней мере так, как их показывали по сенсо-визору.

Серые с зеленым стандартные каюты со всеми удобствами, узкие коридоры с цветными указателями, напичканные под завязку полезной техникой.

— Мир отличный! Нет смен времен года, ось Двойника, так первопроходцы называли планету, строго перпендикулярна ее орбите, а сутки меньше чем у Земли. И притяжение меньше... Бегай не хочу!

— Далеко отсюда?

— Да, теперь это будет самая дальняя колония от Земли, две недели на суперскоростном...

Я кивнула. Значит, грузовой транспорт идет целый месяц. Долго конечно, и дорого.

— Понятно...

Нам навстречу высыпали люди в синей форме с красными нашивками, но не найдя для себя ничего интересного вновь разошлись.

Радуюсь, что можно поговорить, веселый русоволосый спасатель, пожелавший остаться неизвестным, стягивая скафандр под которым была синяя форма торгового флота. Значит все правда, это исследовательское судно. Но смогут ли они помочь нам?

Парень тем временем свой рассказ не прекращал:

— В общем, охотники нашли планету земного типа. Как положено, оформили открытие, передав право на разработку нашей компании. Наши согласились с радостью, несмотря на долгую доставку, там почти все минералы лежат на поверхности, мягкие комфортные условия существования, опять же, уменьшенный вес. В общем, полностью пригодна для жизни. Но...

Мы как раз дошли до каюты капитана. Мой сопровождающий без предупреждения приоткрыл дверь, из-за которой доносилось гневное бормотание.

Кеп, высокий полный мужчина с седыми волосами в форме капитана торгового флота высшего уровня, с кем-то беседовал по сенсо:

— ...Поэтому наша экспедиция представляет собой нечто большее, чем путешествие ради новых открытий. Это вылазка, разведывательный рейд в неизведанную и потенциально опасную планету. Группа исследователей под моим руководством была специально подобрана и оговорена с Земным центром науки. Там же все было подготовлено для выполнения этой задачи. А теперь что мне делать? Управляться одному?

Я с молчаливым вопросом повернулась к своему спутнику.

— Да, они заключили договор на отправку специалистов, и тут на тебе, война. Половина специалистов не явилась на отправку, — нахально затаскивая за локоть меня внутрь каюты, прошептал молодой шутник, тут же прибавив:

— Корабль, хочешь, не хочешь, должен был отправиться в назначенное время, иначе никто за все и гроша ломанного не давал, а половина специалистов не прибыла...

Кеп, сидевший за обычным столом, с досадой в голосе распрощался с собеседником, который явно не хотел входить в положение капитана.

Прежде всего, до переговоров с командиром «Одиссея» я соединилась по каналу связи с Майкой:

— Кеп, я добралась. Включаю сенсо на громкую связь и начинаю переговоры с

капитаном исследовательского корабля.

Пришло время представиться. Я поклонилась пожилому мужчине:

— Я историк временных переходов, Джулиана Дункан, рада приветствовать вас, капитан.

Мужчина внимательно посмотрел на меня, но представляться в ответ не спешил. Даже сквозь дымку внешнего равнодушия, глаза его смотрели пристально, словно говоря, кто вы такие и как здесь оказались. Не доверяет. А я вот уже успокоилась. Наверно в тот самый момент, когда мне протянули аптечку.

— Вся команда нашего катера это работники станции «Цезарь 2000», мы едва успели покинуть ее до начала боя.

— Наслышан о ней... Рассказывайте, что случилось, почему вы дали сигнал бедствия... — небрежно бросил мне капитан большого исследовательского судна.

— Потерпели бедствие вследствие войны и бунта команды, — не сводя с него глаз, спокойно отозвалась я. — Вы сможете нам помочь?

— Только забрать к себе и оказать первую помощь раненым...

Я кивнула, это шанс для Артура дожить до отправки на Землю.

Капитан равнодушно спросил:

— Много вас?

— Семь человек. Три историка временных переходов, один биолог, один высший инженер временных переходов, техник, тоже временных переходов, и один историк-практик. — Под этим странным термином я имела в виду Артура.

— Историк практик? Это как? — подняв брови, удивился капитан.

— Историк, который может поднять и развить любой сложности хозяйство, без использования технологий нашего времени.

— Любопытно... — Кажется, он искренне заинтересовался.

Капитан вышел из-за стола и неторопливой походкой, словно сгибаясь под весом проблемы, подошел к нам и задумчиво проговорил:

— То, что среди вас столько историков временных переходов, я считаю удачей. Военных, медиков, техников, биологов и у меня полно...

Капитан предложил мне сесть в плоское пластиковое кресло и жестом отпустил моего неунывающего провожатого, который тут же упорхнул за дверь аки птичка, чем вызвал раздраженный взгляд капитана.

Я перевела его внимание на себя:

— А зачем вам историки при освоении новой планеты? — мягко говоря, удивленно спросила я. — Странно как-то... непривычно.

Капитан понуро сутулил плечи, а взгляд затуманился.

— Планета, куда мы летим, пока условно названа Призрачный Двойник. И с ней изначально было все слишком хорошо. Мы думали, что она никогда не была заселена, но на самом деле... Там найдены заброшенные города, или нечто похожее.

— Города? — растерянно переспросила я, все еще не видя связи исследователей с историками.

— Да, причем, эти постройки, по оценкам специалистов, относятся к разным эпохам с разницей в несколько тысяч лет. — Взгляд капитана рассеялся. — У меня нет времени на подробные пояснения. Вкратце скажу так: непонятно что несколько раз полностью уничтожило цивилизацию на этой планете, но все наши данные говорят о том, что там

никаких геофизических опасностей там нет. Вулканы слабые, моря и горы в пределах нормы. Ничего, что могло бы представлять подобную опасность для цивилизации...

— И вы решили отправить в прошлое этого мира наших историков? Чтобы выяснить, что за катаклизм уничтожил предыдущие цивилизации? Не грозит ли он и нам?

— Да, — сухо подтвердил капитан. — Нам нужны гарантии, что новый мир не уничтожит наши поселения, шахты и фабрики.

Я с отвращением покачала головой:

— Вы оцениваете риски? Ни знаний языка, обычаев, ни вирусной обстановки, люди ли там были вообще! Ничего. Послать просто на смерть...

— За риски и оплата соответствующая... — Заметив мой гневный взгляд, «какими деньгами можно вернуть жизнь?» капитан добавил, — с ними отправятся военные и врачи, чтобы минимизировать опасность.

— Ясно... Ну, а что насчет нас?

— Как я и сказал... Мы можем дать вам провизию, лекарства, и отпустить, но... — Капитан поднялся и подошел к своему столу. — Только что мне пришли данные. Мы просканировали ваш катер. Две трети двигателя сгорело. Вашей мощности не хватит на прыжок к Земле. Боюсь, у вас нет выбора, как только проследовать с нами на Призрачный Двойник.

Что?! Я в шоке приблизила к губам сенсо, мне хотелось узнать мнение Майки на этот счет:

— Кеп? Что говорят наши данные?

— Рома подтверждает... движок энергию не держит... накопители сгорели на шестьдесят процентов. — Вздохнула в динамике Майка. — Так что, спасибо капитану за гостеприимство. Принимайте нас...

Спокойно говорит...

Это она еще не знает, как далеко расположена та планета, о расстоянии мы с моим провожатым говорили без свидетелей в коридоре, а это значит, что транспорта на Землю долго не будет. Это частная компания, для них каждый рейс лишние траты. Так что, возможно год или больше они не смогут попасть домой.

Хотя нам с мужем это путешествие только на руку. Не имея никаких документов, Артур на Земле останется вне общества. А на новой планете гораздо больше будут нужны его здравый смысл, опыт и умения, чем документы и метрические данные. А в его способностях я не сомневалась.

Я довольно улыбнулась капитану.

— У нас двое раненых, вы могли отдать приказ подготовить для них медотсек?

— Сим... иди сюда, ты подготовил эвакуацию раненых? — по-своему сенсо обратился к помощнику капитан.

Тут же в каюту явился мой веселый провожатый. Он уже полностью стянул с себя скафандр и был готов к новым приказам. Парень, несмотря на рост и мощное телосложение, без шлема и резака в руках казался еще моложе, чем показался мне вначале. Лет девятнадцать от силы.

Довольный вопросом брюнет отдал честь, и отозвался:

— Серафим прибыл по вашему приказанию... Да, раненых уже доставили к нам, к транспортировке катера в наш грузовой трюм все готово, кеп! Все они решили присоединиться к нам... Три девушки... Наша команда не против.

Капитан едва сдержал улыбку, видя столь незамутненную радость парнишки, затем коротко поклонился мне и жестом отпустил.

— Спасибо за помощь, капитан. Надеюсь на долгое и плодотворное сотрудничество в новом мире... — поклонилась куда ниже я, от души благодаря за помощь. Если у них есть нормальный автомедотсек, то Артуру ничего больше не грозит.

Едва мы вышли из каюты капитана, я обратилась к Симу:

— Проведи меня в медотсек, мне надо проведать раненых...

— Ни к капитану, ни к подруге, а сразу к раненым? — усмехнулся мой провожатый, показывая направление.

— Именно!

Когда мы пришли, в медотсеке остался только Артур: Джефри уже помогли, и он ушел в кают-компанию знакомиться с остальными.

— Твой друг еще на два часа здесь... — Взглянув на датчики медкапсулы, в которой, как фараон в саркофаге, почивал Артур, отозвался Сим. — Может... пока его ждешь, на планету новую посмотришь? Признаться, я первое время глаз оторвать не мог...

Не сводя глаз с побелевшего лица Артура, и кожу, без малейшего намека на кровь текущую из трещин, я радостно кивнула.

Сим включил сенсо-визор на стенной панели и подвинул кресло мне. Едва я устроилась на мягком, тут же отключилась...

Пришла в себя гораздо позже в такой же капсуле, в которой недавно лежал Артур.

Он в это время смотрел что-то по сенсо-визору, а заметив меня, радостно осведомился:

— Как ты себя чувствуешь? — Я вяло кивнула. Артур взял мен яза руку.

— Мне сказали, что у тебя какое-то там истощение. В общем, в этом прозрачном ящике ты пробыла больше меня.

— Да? А я думала, все еще смотрю потрясающие виды планеты... Видимо кристальная прозрачность атмосферы и пологие и ярко голубые поверхности планеты совершенно сбили меня с толку и я уснула.

— А мне сказали, что ты потеряла сознание... — пробурчал он, помогая мне выбраться из капсулы лечебного сна.

— Не верь им, они ошибаются, я просто выспалась, как следует... Ты помнишь, у нас с этим напряженно.

— Сейчас твой молодой друг принесет нам обед. Он больше всех волновался о тебе... Это он предсказал, что через десять минут ты проснешься...

Я кивнула и, наконец, прижалась к мужу.

***

Пока мы летели, Сим, который оказался сыном капитана, достал для Артура обучающий набор для первопоселенцев, в котором была полная история развития Земли, научные и медицинские данные, языковые курсы и прочее. Все, что загружалось прямо в мозг. Так что к Призрачному Двойнику мы прибыли ко всему готовыми.

На этой планете нас ждало многое.

Постройка дома принесла Артуру море неподдельного удивления. Как бы ни был теперь подкован он в знаниях современности, он так и не поверил, что тренмисер, «вот та

крошечная коробочка с кривыми антеннами» может построить нам целый дом. И вместо эскиза типового домика, который надо было просто внести в карту, в шутку нарисовал на листке замок с острыми шпильями, флюгерами, высоким забором и двумя донжонами* и засунул его в аппарат.

На экране высветились с десятков вопросов, на что Артур выбрал ответ «в зависимости от местности» и со спокойно совестью ушел спать.

*Главная самая укрепленная башня в феодальных замках, находится за ограждением, как правило, примыкает к самому замку или является его частью.

Дальше я искренне веселилась, наблюдая за ним, когда утром, выбравшись из временных домов, мы обнаружили на выбранном месте настоящий замок с пятиметровыми крепостными стенами. Благо мой счет позволил легко оплатить все затраты поверх бесплатного лимита, который предоставляла исследователям Компания.

— Что это? — спросил Артур, в шоке осматривая гигантское строение из серого камня, на котором поскрипывали с любовью вчера прорисованные вертушки-флюгера в виде Персея с крылышками или откормленных кудрявых ангелочков с луком и стрелами.

— Наш дом конечно. А ты хорошо рисуешь... — восхитилась я, рассматривая его шедевр в камне. — Рисуя эскиз дома, я бы ни за что ни приделала вот те арки над входом. И зря...отлично получились. А сандалии с крыльями у кудрявого Персея на флюгере и вовсе — прелесть! В общем, все получилось как надо, не переживай.

Я еще раз осмотрела свой будущий дом, затем повернулась к Артуру:

— Но имей в виду, внутри пусто. Это только голые стены... Нам еще надо установить все системы жизнеобеспечения и сделать мебель.

Артур оторвался от созданного им замка, посмотрел на меня широко раскрытыми глазами, а затем кивнул. Я продолжила:

— И раз у тебя все так отлично получилось, вбей в тренмисер тему: «мебель», потом сделай как вчера, или нарисуй ее сам, или переделай те образцы, что он предложит...

Измеряя взглядом высоту забора, рядом с нами появился удивленный Серафим.

— А зачем вам такой здоровый дом? Чего это вы задумали? Производство какое хотите открыть? А можно я к вам жить переберусь? Отцу не нравится моя громкая музыка, а я люблю слушать ее в пространстве, без наушников или шлема... Так возьмете меня к себе жить? У вас теперь места полно!

— Если только пажом к главному рыцарю... — постепенно приходя в себя, насмешливо взглянув на Сима, отшутился Артур.

Тот пожал плечами.

— А что... я согласен. Главное, чтобы отец не забрал такую красоту себе, он все думает, где и как открыть отдел для историков, куда аппарат для временных перемещений устанавливать будут. А тут такое под рукой!

Сима словно осенило и, схватив Артура за локоть, он горячо сказал:

— Артур, если тебя вызовут сделать нечто подобное для других, бери с них оплату побольше. Во-первых, будут больше ценить, во-вторых... все равно ты войдешь в историю как создатель самых красивых зданий планеты. Так что не скромничай... — Деловито посоветовал Сим.

— Молодой, а такой жадный, — насмешливо фыркнул Артур.

— Э... главный рыцарь, ты не прав! Я дело говорю, это ты исследователей не знаешь...

Джи, подтверди.

— Да, мой паж, все так и будет... А готовить мы будем где? — этот вопрос я уже адресовала мужу.

— На костре, посредине двора, я вчера поленился нарисовать нормальную плитку... Эта ваша машинка котлы для костра делает?

***

В общем, впереди у нас было море дел: надо было обследовать планету, изучить ее прошлое, наладить установку по переброске сквозь пространство и время. И главное, подготовить все к прибытию минералодобывающих установок.

Артур как-то сразу сколотил себе команду по исследованию новой планеты и очень преуспел в этом. Заодно рискнул, и начал разводить местный аналог земных коней, в просторечье, пигаськов, названных нами в честь мифического Пегаса, небольших серо-голубых животных с крепкими пушистыми ногами и недоразвитыми крыльями.

Наташа сразу возглавила не просто отдел по вневременным и межпространственным перемещениям, а целый институт. И когда выяснилось, что мы безвылетно застряли здесь на целых семь лет, на Землю она особенно не стремилась.

Роман, под видом неудачного испытания меж временного перехода, сгинул где-то в пластах истории, и только мы с Артуром знали, что он точно вернулся к семье, в Россию, в далекий восемнадцатый век.

В поселке исследователей объявили траур по погибшему, а мы с Артуром открыли дорожку шампанское, чтобы отпраздновать его возвращение к горячо любимому сыну.

Джефри засел за написание научного труда: «Виды и открытия новых форм жизни на планете Призрачный Двойник». Для этого он неделями таскался за Артуром, обговаривая сроки и условия новых экспедиций.

Майка работала над командой историков, готовя вылазки в далекое прошлое. Дотошный Славка вел все записи, собирал и классифицировал данные.

Кеп, который тут стал начальником нашего поселка, взял меня к себе, для координации действий и налаживания связей между разными научными отделениями исследовательского корпуса, и не только...

Я проверяла все ли готово для новых экспедиций, в каком состоянии строительство ангаров, для скоро прибывающих на грузовом космолете механизмов и машин.

В общем, разбирала отчеты, чтобы систематизировать и предоставить их капитану. Состыковывала действия отделов, чтобы они случайно не перебили друг друга в очередной вылазке за редкими видами зверей или минералов. И решала миллионы текущих проблем... проще говоря, кеп делегировал мне большую часть своих обязанностей.

Но все это совсем другая история.

Эпилог

Любовь не означает, что ради другого надо от всего отказаться, наоборот, ради него или нее надо чего-то достичь.

Артур

Свежий мартовский ветер ударил в лицо. Отправив слугу за каретой, я жадно вдохнул морозный воздух. Такой знакомый, почти родной запах гари от множества дымоходов несколько портил впечатление, однако грел душу ностальгией.

На крыльцо крупной лондонской гостиницы, где мы вчера остановились, и где, наслаждаясь возвращением на родину, стоял я, спустилась девушка в передничке и белом капоре.

— Леди попросила передать, что сейчас будет... — чопорно поджав губы, сообщила нанятая сегодня служанка. Я кивнул и улыбнулся.

Джил не доверяла незнакомой нянечке, так что младшего сына одевали и собирали при ней. Или это делала она сама.

Старший сын, Майкл, впервые попав в мое родное время, застрял в полутемном холле, внимательно рассматривая старинный английский камин.

— Пап... Пап!.. — Зачем-то я понадобился Майклу. У него сейчас возраст, когда человека одолевает бремя вопросов, так что сын периодически допрашивал меня обо всем на свете. Благо знаний, удовлетворить его интерес, хватало.

Пришлось вернуться внутрь.

Майкл, показывая на каминную решетку, спросил:

— Что это? И для чего это нужно? — Он требовательно указал на щипцы и уточнил:

— Ими что? Рисуют?

— Нет, у них защитные функции... Для чего нам дома нужны пирощит и манипуляторы? — я попытался пояснить сыну как можно проще, не прибегая к историческим, малознакомым ему терминам.

Майкл, не задумываясь, ответил:

— Щит от огня, а манипуляторы, чтобы поправить что-то в горящем камине?

Я кивнул.

— Здесь это называется каминная решетка и щипцы... и служат они для того же самого, что и дома, только работают вручную. — Майкл удовлетворенно кивнул.

И пока он не измазался в саже, изучая работу этих предметов на практике, а пятилетнему человеку просто жизненно необходимо проверить все на себе, а нам еще идти в гости к бабушкам, я позвал его с собой:

— Пошли, погуляем, пока мама соберется... Когда вернемся, я дам тебе их проверить в действии...

Удовлетворившись ответом, Майкл побрел к книжному шкафу из потемневшего дерева. Такого богатства — десятки книг на бумажных носителях, — у нас дома не было.

Мы с Джил очень переживали и волновались, стоит ли брать детей с собой в столь сложное путешествие. Тем более, нам сначала необходимо было вернуть тот проклятый браслет, заимствованный в особняке герцога д'Эльбефа.

Выбрали время прибытия: следующий день, после моей дуэли на берегу Сарна. Для этого нам надо было появиться в Неаполе.

Но не обошлось без накладок. Наташа, которая там всем руководила, неделей раньше отбыла в отпуск на Землю, и, несмотря на то, что установка работала отлично, тот, кто нас отправлял, не указал в какой именно Неаполь нам нужно отбывать. Видимо в установке на станции все эти мелочи были учтены, но здесь, на Двойнике, до идеального исполнения переноса было еще далеко.

И нас закинуло в каппадокийский Неаполь, тем самым подарив замечательную

прогулку по Средиземному морю.

*современный Невшехир, Турция.

Пока Джил показывала детям красоты Неаполитанского залива и местные достопримечательности, я отправился в Портичи и передал управляющему владений герцога запечатанный сундучок с браслетом.

К нему было приложено благодарственное письмо от королевского музея Неаполя, обращенное предыдущему владельцу титула. В нем уже почивший хранитель музея благодарил герцога за предоставленный для изучения экспонат.

Таким образом, мы решили проблему возврата ценного браслета хозяину, который скоро должен был прибыть в свои владения.

Мои раздумья на крылечке внезапно прервал прогуливающийся мимо незнакомец, который рассмотрев меня, приподняв шляпу, вдруг остановился, явно желая побеседовать. В ответ на оживленное приветствие незнакомого мистера я сухо вато поклонился.

— Артур? Ты ли это?

Я на секунду замер, изучая, с кем это свела меня судьба. Затянутый в корсет, обрюзгший, в потертом сюртуке визитке с явными залысинами на меня смотрел Эдмонд Клей, собственной персоной. Вот кого мне видеть совсем не хотелось.

Не то, что я до сих пор помнил былые неприятности, скорее, мне абсолютно не хотелось их вспоминать.

— Kennen wir uns nicht? — сухо поинтересовался я, вежливо склонив голову набок.

*Мы с вами знакомы?

— То ли я обознался, то ли ты меня не узнал... — Еще раз посмотрев на меня, грустно констатировал Клей, опуская голову.

Почти сразу вышла и Джулиана с младшим. Нянечка в серой накидке и таком же шерстном капоре и служанка, в нечто подобном, гуськом семенили за ней.

Как когда-то давно, словно это было не здесь, а в чудесной сказке, Джил украшала элегантная прическа: из высокого пучка на затылке вниз спускались отдельные локоны. Крупные завитки обрамляли лоб.

И моя супруга из будущего смотрелась здесь куда органичнее, чем я со своим загаром и грубой бородой. Хотя привычка ходить в комбинезоне и сапогах на сервотяге, скверно сказала на ее походке. Сейчас моя супруга походила на кавалериста как никогда, но мне, давно потерявшему интерес к внешнему и общепринятому, ее уверенная походка нравилась куда больше, чем жеманное ковыляние моих современниц. Тем более она несла на руках пятимесячного Кларка.

— Госпожа, ваша милость, передайте малыша мне, — просила нянечка, видимо ощущая свою ненужность.

Но Джил была категорична:

— Чуть позже, когда нам привезут карету...

Клей, рассмотрев ее, охнул и отступил назад. В буквальном смысле его глаза едва не полезли на лоб.

— *Liebling, endlich bist du hier!* — Я помог ей спуститься с лестницы с малышом.

* дорогая, наконец, ты здесь! нем.

Джил сначала удивилась моему обращению на немецком, затем кивнула Майку, приказывая следовать за ней.

Клей жадно осмотрел наше семейство с отсутствующим видом, поклонившись, отбыл в неизвестном направлении.

— Какие знакомые места... — задумчиво осмотревшись, заметила Джил. Затем, усмехнувшись, добавила: — И надо же было встретить здесь первым именно графа Клея.

Я кивнул, пытаясь поймать взгляд младшего сына, которого тоже увлекла Лондонская реальность моего времени.

Джил в задумчивости изучила дома на противоположной стороне улицы, где блестящие дверные молотки и медные таблички у дверей напомнили, что мы находимся в районе, где прошла наша с ней свадьба.

— Ты помнишь? — Вдруг улыбнулась она, и ее глаза засияли от радости узнавания.

— Да, — кивнул я и обнял жену за плечи.

Кларк, сидевший на руках у мамы, наконец, заметив меня, оживился, тут же растянул губы в чудесной улыбке, нежно загулил, и замахал ручками, портя форму только что завязанного банта на покрывале с кружевами.

Джил фыркнула:

— Точно, иди-ка ты к папе, друг мой любезный. Всю ночь развлекался, хитрец. Вопли маме, а радостная улыбка — папе. Нечестно!

— Очень умный ребенок... сразу заметно, — с достоинством прокомментировал я выводы Джил, протягивая руки, чтобы забрать малыша.

— И я того же мнения, — усмехнулась она, аккуратно передавая младенца мне.

Я гордо прижал младшего сына к груди.

Майкл, крутившийся у ног, позабыв о своем «зрелом» возрасте, пользуясь сменой власти, тут же схватил маму за руку и прижался к ее юбке, пытаясь добраться до рук.

Джил с радостью подхватила его, так что старший сын окончательно забыл, что он взрослый.

— Ну что, едем к бабушке? И прабабушке, — подмигнув, я с улыбкой посмотрел на супругу.

Джил в ответ только вздохнула:

— Я утром отослала им твою визитку, чтобы твоя мама от радости с ума не сошла... и своей бабушке тоже. В них так и написала, что граф и графиня Инсбрук в полдень нанесут вам визит.

Я поймал ее руку и поцеловал. Каждый раз при взгляде на Джил у меня начинало теснить в груди. Еще раз, с улыбкой посмотрев на нее, я заметил:

— Надеюсь, это все не кончится для них сердечным приступом...

Джил хмыкнула:

— Обижаешь... Я прихватила с собой лекарство... — демонстрируя обиду, хмыкнула она.

Заметив наш конный экипаж, Майкл соскочил с маминых рук и ринулся им на встречу... Подхватывая сына на подлете, мама предупредила:

— Не торопись... Сейчас нам его откроют. Спустят лестницу. И мы сядем.

Майкл смирился:

— Хорошо... А у бабушки правда есть маленькие лошадки? Живые лошадки?

— Ну, если сегодня их нет, то завтра будут. Заодно посмотрим, что изменилось на Таттерсолзе*, — подмигнув Джулиане, заметил я.

*Таттерсолз — самый крупный и известный аукцион чистокровных лошадей в Англии, там проводились скачки и демонстрировались лучшие скакуны.

— О, кто бы сомневался, что первым делом ты отправишься туда... — дружелюбно хмыкнула Джулиана. Я покачал головой:

— Только с тобой! И Майклом.

Джулиана поежилась:

— Может не надо? Лучше только с Майклом. Мы с Кларком с радостью развлечем бабушек...

— Да, бабушки будут крайне рады... — с неохотой признал я, хотя мне очень хотелось, чтобы Джил поехала на конный базар и посмотрела скачки со мной, с кем как не с ней удобнее всего делиться впечатлениями об увиденном?

Да, все бабушки, моя мама, тетя и бабушка Джил были безумно рады нас увидеть. Выслушав упрощенную версию событий, со всей искренней любовью они нас простили, расцеловали и попросили подольше остаться погостить.

Только кузена здесь не было. Гаррет вновь отбыл в Египет, так что мы с ним сразу и не встретились, как и с мисс Лили, которая переехала в Гемпшир, а туда мы попали только через месяц. Родным мы озвучили легенду о доме в Южной Италии, и о том, что скоро туда вернемся.

Наше посещение длилось долго, всю весну и начало лето мы пребывали в лени и неге.

Посещали ярмарки и выставки, катались по Темзе на небольшой лодке. Гуляли в Воксхолле и Гайд-Парке. Ездили на пикники...

— Потрясающе! — Джил накрыла только что сделанный бутерброд верхней половиной булочки, весело облизала пальцы и полезла в корзинку за льняными салфетками. Их там не оказалось. Я протянул ей батистовый платок, на котором была вышита моя анаграмма.

Но она, фыркнув, отказалась

— Пачкать такую прелесть? Не хочу...

Младший, наблюдавший за мамой, звонко рассмеялся беззубым ртом. Старшего с нами не было, бабушка забрала его на ярмарку, обещая показать настоящих канатоходцев.

— Здесь нет одноразовых платков, как и универсального смывателя... — усмехнулся я, лениво потягивая вино из бокала.

— Зато есть вода... Лучший растворитель в мире! — улыбнулась Джил, поднимаясь с травы, чтобы подойти к берегу и помыть руки в прозрачной воде небольшого гемпширского пруда. Но сначала ей пришлось прижать коленями длинные юбки, чтобы не намочить их в воде.

Я подошел к ней с Кларком, и он радостно обнял ее сзади, оставляя на ее тонкой батистовой блузке крошечные следы своих пальчиков, он только что сосал кусочек сдобной булки.

Отодвинув сына от маминой одежды, я между делом поинтересовался:

— Я все хотел тебя спросить... Ты домой не хочешь?

— Зачем? Мой дом, где вы, зачем мне куда-то хотеть? — Обернувшись и коротко улыбнувшись Кларку, совершенно серьезно поинтересовалась Джулиана.

Она прополоснула пальцы и вернулась к пледу. Мы шли за ней. Подумав, я нашел еще один аргумент:

— Но Майклу пора в школу. И, как ты понимаешь, местное образование нам совершенно не подходит.

Джил, прищурилась, насмешливо заметила:

— Так и скажи, соскучился за приключениями, давай отправимся куда-нибудь еще... В мире столько неизведанных мест! Планетарных скоплений... Да?

Я, со смехом сдаваясь, поднял свободную от сына руку:

— Ладно, так и говорю, давай рванем куда-нибудь все вместе. Там, говорят, рядом новую планету открыли... А Майкла и Кларка будем отправлять к бабушкам на летние каникулы в прошлое!

— Хорошее предложение, главное, все как у людей! Не скучно, с пользой, и дети отдохнут, — насмешливо согласилась супруга.

— А как иначе? — подмигнул я, перехватывая на другую руку широко улыбающегося Кларка, который решил пометить липкими лапками и мамину юбку. — Ну что? Пошли собирать вещи?

— Так быстро? — удивилась Джулиана, хотя ее глаза уже загорелись. — Ну ладно... пошли...

— У меня есть план! — воодушевленно начал я, хватая Джулиану за руку. — Рассказать?

— Само собой!

Больше книг на сайте - Knigolub.net